

Виктор фон Хаген
Ацтеки, майя, инки. Великие
царства древней Америки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153383

Ацтеки, майя, инки. Великие царства древней Америки / Пер. с англ. Л.А. Карповой.:

Центрполиграф; Москва; 2010

ISBN 978-5-9524-4841-4

Аннотация

В книге известного американского этнолога Виктора фон Хагена представлена история ацтеков, майя, инков. Хаген выделяет и подвергает подробному анализу наиболее важные этапы формирования этих культур, от зарождения и динамического развития до момента их падения. Автор охватил все стороны практической и духовной жизни народов солнечных царств. Легко и увлекательно ученый рассказывает о том, как они вели хозяйство, занимались ремеслами, заключали браки и воспитывали детей, об их религиозных верованиях и кровавых жертвоприношениях, о способах ведения войны и оружии, о системе налогообложения, о преступлениях и наказаниях...

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
АЦТЕКИ	15
Глава 1	15
Об исследователях-археологах и о времени	15
Место действия	19
Год Испанца	22
Появление человека в Америке	25
Доацтекские культуры	30
Глава 2	42
Происхождение ацтеков	42
Внешний вид	44
Язык	47
Родовая община – сообщество ацтеков, совместно владеющих землей	49
Брак – связывание тильмантли	51
Дом: калли	53
Ритмы дня и ночи	55
Поля: мильпа	59
Налоги в пользу государства	64
Ткачество – женское искусство	65
Гончары и керамика	68
Рынок: тиакис	70
Праздничные дни	72
Музыка	77
Игры	78
Рациональность правосудия	81
Лекарственные растения	83
Восставшие из мертвых	88
Глава 3	92
Монтесума	92
Жизнь Теночтитлана	96
Глава 4	105
Что строили в Мексике	105
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Виктор фон Хагена

Ацтеки, майя, инки. Великие царства древней Америки

Существует ли такая вещь, как беспристрастная история? И что такое история? Письменное изложение миновавших событий. Но что такое событие?.. Это выдающийся факт. И как же отличить исторический факт выдающийся от заурядного? Он решает это произвольно, в соответствии со своим характером или пристрастиями, по собственному вкусу и воображению – словом, как художник...

Анатоль Франс. Сады Эпикура

ВВЕДЕНИЕ

Когда известия о подвигах Кортеса в Мексике в 1519–1521 годах внезапно обрушились на мир, европейское общество уже почти забыло о существовании Америки. Это и понятно. За все годы, прошедшие со времени открытия Америки, она лишь плодила ложные надежды. Ожидалось, что новые продукты в изобилии польются из «края пряностей», чтобы скрасить однообразие стола европейцев. Прикрепленные к стенам листки объявляли об открытиях, а книги рассказывали о «радостных вестях из недавно открытого Света», «о редкостных и неповторимых свойствах разных трав, деревьев и растений, масел и камней...». Даже первооткрыватель всего этого, Христофор Колумб, отныне адмирал морей и океанов, лишь подпитывал эти иллюзии, рассказывая без удержу о золоте, рубинах и серебре, которые там можно было найти в большем изобилии, чем в «копях царя Соломона».

В предвкушении возможных богатств соглашение, достигнутое между Испанией и Португалией вскоре после открытия Америки, разделило ее с благословения римского папы. Как можно понять из свидетельств современников, вся Европа затаив дыхание ждала, что вот-вот откроется рог изобилия. Но это открытие оказалось в лучшем случае робким: португальцы едва затронули Бразилию, а испанцы в первое двадцатилетие (после первого плаванья Колумба) ограничились небольшим клочком Панамского перешейка и Антильскими островами. Здесь, однако, ничего не было обнаружено из богатств, столь высоко превозносимых первооткрывателями. Европейцы сбросили Америку со счетов как еще один пример бахвальства испанцев – пока в Севилью 9 декабря 1519 года не прибыл первый корабль с сокровищами из Мексики.

Его прибытие вызвало колоссальную сенсацию. Для сопровождения сокровищ Кортес прислал с мексиканского побережья четырех причудливо одетых тотонаков, а в золотой сокровищнице были колокольчики и драгоценные камни, серьги и украшения изящнейшей работы, украшения из перьев, вставленные в драгоценные камни; были даже «книги, которыми пользуются индейцы». Но более всего потрясло очевидцев золотое колесо два метра в диаметре, толщиной в «четыре реала» – ацтекский календарь из цельного золота со странными узорами, выбитыми на манер чеканки. Из дошедших до нас документов можно предположить, какое волнение испытали те, кто впервые увидел эти сокровища.

Они так потрясли Карла I Испанского, что он взял их с собой в Гент, на свою родину, дабы поразить своих вассалов этой демонстрацией нового испанского богатства. Альбрехт Дюрер, повидавший эти мексиканские сокровища в Брюсселе, писал о них в своем дневнике (27 августа 1520 года): «..Я никогда доселе не видел ничего, что так порадовало бы

мое сердце...» Дюрер происходил из семьи ювелиров, и ему были известны приемы этого ремесла; будучи выдающимся представителем Ренессанса, он повидал в Европе много предметов искусства. «Я видел вещи, привезенные королем из новой *золотой земли*... солнце целиком из золота, шириной целый фатом; а также луну полностью из серебра, столь же большую... а еще две комнаты, полные всевозможным оружием, доспехами и прочим чудесным вооружением, которое *прекраснее всякого чуда*... вещи эти столь драгоценны, что оцениваются в 100 000 гульденов. Я видел среди них такие поразительные художественные изделия, что удивился мастерству этого народа в тех далеких странах. Воистину я не могу подобрать слов для описания вещей, виденных мною...»

Итальянский гуманист Пьетро Мартире д'Ангьера не мог остановиться, говоря о двух книгах «из тех, что в ходу у индейцев». Он был «охвачен изумлением», ибо для него эти «книги» являлись более важным показателем уровня новой цивилизации, нежели золото. «Индейцы золотой страны пишут книги, – указывал он в письмах к другим гуманистам, анализируя своеобразие книг и иероглифов, – которые почти напоминают древнеегипетские... среди изображений людей и животных есть цари и знатные люди... так что можно предположить, будто они сообщают о свершениях друг друга...»

К сожалению, пока ученый люд вел споры о цивилизации ацтеков, размышляя о ее происхождении, она уже шла к своей гибели и уничтожению. Новые тысячи ацтекских изделий из золота, присланные испанскому королю в качестве его доли добычи (одной пятой по договору), были переплавлены, а из них были отчеканены монеты в уплату огромных долгов Карла I (V), порожденных европейскими войнами. Предметы ацтекской культуры погибли в период Конкисты. В ходе взятия Теночтитлана ацтекская столица была полностью разрушена. «Один из красивейших городов мира», – писал Кортес, и его глаза затуманивали притворные слезы. В конце концов то, что осталось от памятников ацтекской архитектуры, было разобрано победителями на постройку церквей и особняков, а то, что не уничтожил человек, было разрушено безжалостным временем.

Спустя шесть лет, в 1527 году, под угрозой завоевания оказались и майя: Франсиско де Монтехо, будущий завоеватель, обещал своему сеньору, Карлу V, больше золота, чем тот получил в качестве одной пятой от ограбления Центральной Мексики. В ту пору Карл V жестоко нуждался в средствах; он вновь находился в состоянии войны, на сей раз с Францией; к тому же турецкий султан Сулейман (Сулейман I Кануни, в европейской историографии Великолепный, 1495, правил в 1520–1566. – *Ред.*) захватил Будапешт и угрожал Вене. В тот момент испанскому двору было не до того, что происходит в Америке.

Завоевание майя началось плохо. Золота было добыто мало, поскольку у самих майя его не было. По завершении завоевания и грабежа последовало рабство. Те из вождей и жрецов, «среди которых процветала ученость» и которые не были перебиты, нашли спасение в бегстве либо в молчании. В Европе так и не увидели ни одной «книги» майя, а поскольку золота как стимулирующего фактора было мало либо вовсе не было, ученые круги Европы так и не получили никаких сведений о чудесно спланированных каменных городах, возведенных майя.

Новые испанские города были возведены из камней с развалин майя; неразрушенные майяские храмы были снесены и пошли на строительный материал для испанских церквей, особняков и административных центров. Т'хо, древний город майя, стал Меридой, столицей Юкатана, «по причине уникальности своих построек», размеры которых, как писал один испанец в 1550 году, «наполняют зрителя изумлением». В качестве строительного материала города майя, как полагал епископ Диего де Ланда, «едва ли когда-нибудь совершенно иссякнут». Но они «иссякли» за двадцать лет. Те же постройки майя, которые устояли перед разрушительным воздействием человека, медленно зарастали тропической растительностью, пока со временем все эти величественные города не исчезли полностью.

Перу, истинное царство золота, возникло на горизонте как раз тогда, когда цивилизация майя была уже на последнем издыхании. Его завоеватель Франсиско Писарро, умудренный годами (р. между 1470 и 1475. – *Ред.*), необразованный, но сильный духом и полный коварства, посулил королевскому двору повторение золотого века. Иоанна Безумная, пусто-головая мать Карла V, собственноручно подписала его контракт на открытие и завоевание. (Считается, что патент на завоевание дал лично Карл I (V). – *Ред.*)

16 мая 1532 года Писарро выступил от побережья Перу в глубь страны с 130 пешими солдатами и 40 всадниками (личная охрана Атауальпы насчитывала около 5 тысяч отборных воинов, еще 70–80 тысяч находилось поблизости. – *Ред.*) по королевской дороге инков на поиски столицы золотого царства. В пестрой истории человечества не явилось ли это самым донкихотским из предприятий – 170 человек против трех миллионов, 170 человек, устремленных к завоеванию того, что в то время являлось величайшей империей в мире? Последствия известны каждому школьнику – как решительный Писарро хитростью (и беспримерной наглостью и храбростью, перебив 3 тысячи индейских воинов. – *Ред.*) захватил верховного инку Атауальпу, окруженного 30 тысячами воинов, и в течение получаса – несомненно, едва ли не самого известного получаса в истории – подчинил себе всю его империю. (Не все так просто, как у автора, – на пути к столице инков Куско Писарро выдержал 4 сражения. – *Ред.*)

9 января 1534 года галеон «Санта-Мария-дель-Кампо» бросил якорь в Севилье. Тамошние чиновники, полагавшие, будто повидали почти все, что только можно было, за те удивительные годы, не могли охватить взглядом сокровища, лежавшие перед ними: золото и серебро лежали грудami на пристани, слиток на слитке, каждый из которых был отмечен королевской печатью. Отдельная опись для короля содержала перечень предметов столь прекрасных, что никакой даже самый очерствевший конкистадор в Перу не осмелился предать их переплавке, – тридцать четыре золотых кувшина, золотой кукурузный початок, два золотых блюда, человекообразный идол в натуральную величину, свыше ста серебряных предметов, среди которых самый большой весил свыше 75 кг. Никогда еще в истории столь большое число слитков не поступало в Европу одновременно. Его было достаточно, чтобы вернуть золоту и серебру статус сырья для чеканки монет. Впечатление, произведенное этим кораблем, полным сокровищ, на человеческое воображение, так и не изгладилось; даже сегодня в Италии, говоря о чем-либо, обладающем фантастической ценностью, говорят «перуанский».

В тот «золотоносный» момент у Карла V были более серьезные заботы. Он предпринимал завоевание Туниса, так что корабли, солдаты и деньги являлись для него первейшей необходимостью. На сей раз он даже не взглянул на сказочные золотые украшения. Он сделал то, что по инстинктивным эстетическим соображениям не осмелился сделать ни один, даже самый циничный из его подданных; он приказал все сокровища инков переплавить в слитки. Из английской тонны (1016,047 кг. – *Ред.*) оригинальных золотых изделий, составивших выкуп верховного инки, ни единого предмета сегодня в Испании не существует.

Вместе с этим завоеванием живая душа всего перуанского была навсегда утрачена. Физические остатки этой грандиозной цивилизации, здания и храмы различной формы и назначения, протянувшиеся на две тысячи миль вдоль хребтов Анд и побережья, разделили судьбу завоеванной страны. Те, что не были уничтожены тогда, были разрушены междоусобными войнами, разгоревшимися между конкистадорами на развалинах империи инков. В стране инков, как и в случае с ацтеками и майя, христианские церкви возводились либо из материала древних индейских храмов, либо поверх них; дома инков сносились, чтобы получить камень для постройки усадеб, на руинах возводились также и административные здания. В опустевшем краю пришла в упадок и система дорог, почти такая же добротная, как в Римской империи. (Сеть дорог в империи инков имела протяженность 20 000 км, а две главные дороги пересекали всю страну с севера на юг – вдоль побережья океана и вдоль

восточных рубежей. – *Ред.*) Перевалочные пункты для отдыха, *тампу*, стоявшие вдоль всех дорог, сровнялись с землей, а подвесные мосты, протянувшиеся над устрашающими каньонами по всем маршрутам, сгнили и обрушились. Искусно сделанные оросительные каналы, доставлявшие воду для орошения пустынь, были заброшены. Землю вновь засыпал песок.

Среди испанцев было немало таких, кто сожалел об уничтожении индейских культур. Отчеты, именовавшиеся *relaciones*, составлялись в таком количестве, что заполнили целое крыло библиотеки в Эскориале (иначе Эскуриал, резиденция испанских королей, дворец-монастырь, построенный в 1563–1584 годах близ Мадрида для Филиппа II. – *Ред.*). Но книга, чтобы быть опубликованной в то время, нуждалась в получении *privilegio* – разрешения, свидетельствующего о том, что она одобрена властями, гражданскими и церковными, – а затем ей предстояло пройти целый спектр инстанций: Королевский совет, Святую палату инквизиции, Совет Индий, Королевскую торговую палату и др. Такова была одна из причин, по которым эти рукописи не публиковались до середины XIX века. Таким образом, без постоянного потока литературы, знакомящей с этими культурами, ацтекская, майяская и инкская цивилизации для большей части человечества были фактически стерты из памяти.

И только век разума принес с собой возрождение интереса к археологии Америки. Притягательность древности началась с почитания природы, а «почитание природы», как однажды заметил Олдос Хаксли (1894–1963, английский писатель. – *Ред.*), «явилось следствием хороших средств сообщения. В семнадцатом столетии ни один здравомыслящий человек не любил дикой природы». Перемены пришли, когда французы стали прокладывать дороги поверх римских, так что знатные люди смогли путешествовать и «взирать на дикую природу с удобствами и без серьезного риска... Поэты откликнулись на приглашение инженеров... и зов древности приобрел поэтический ореол».

Поводом послужили Помпеи, а искрой – Бурбоны; и родились знание и интерес к архαιке, то есть к археологии. В ночь на 24 августа в 79 году н. э. началось извержение вулкана Везувий, и через трещины в кратере потекли потоки лавы. Она покрыла все близлежащие окрестности, сжигая среди других городков и те, что побольше, Помпеи и Геркуланум. (Лавы не достигла Помпей и Геркуланума. Они были погребены под слоем вулканического пепла, подобного дождю и к вечеру 25 августа достигшего толщины 4 м. – *Ред.*) В 1748 году Карл IV Неаполитанский (мать его была из рода Фарнезе) повелел итальянскому инженеру, состоящему у него на службе, начать раскопки Помпей. Под вулканическим пеплом он обнаружил хорошо сохранившиеся дома и окаменевшие тела людей (были найдены пустоты, повторявшие формы истлевших тел, после заполнения таких пустот гипсом получались слепки тел погибших римлян. – *Ред.*), застывших в естественных позах, словно остановленных во время бегства. Целый сохранившийся город выходил на свет из прошлого. Сообщения об этой деятельности, вместе с демонстрацией в музее Карла IV предметов, найденных при раскопках в Помпеях, привлекли в Неаполь толпы образованных людей. Пиранези (1720–1778), великий гравер древностей, создал первое изображение раскопанных Помпей, художники запечатлевали памятники древнего города, а Винкельман (1717–1768), «отец археологии», вдохновился на публикацию «Истории искусства древности» (1764, основной труд ученого. – *Ред.*).

Поиски древностей сделались королевской страстью. Мода и страсть к этому занятию перекинулись на почву Америки, и после того как тот же Карл Неаполитанский стал Карлом III, королем Испании, он проявил свой интерес к науке, покровительствуя ботаническим и археологическим исследованиям. В 1773 году были открыты развалины города майя Паленке, лежавшие в непроходимых тропических лесах нынешнего штата Чьяпас в Мексике. Их открытие привлекло личное внимание короля. Он приказал своим чиновникам тщательно исследовать руины, сделать рисунки и сохранить все найденные памятники материальной культуры, чтобы они смогли лечь в основу «Древней истории Америки». Итальянских ученых отправили из Испании в Мексику разыскивать древние документы, дабы под-

готовить такую историю. В 1777 году мексиканец Антонио Альцате обнаружил развалины Шочикалько; а через несколько лет, в 1790 году, во время раскопок, предпринятых для переделки фундамента кафедрального собора в Мехико, рабочие наткнулись на гигантский монолит – ацтекский каменный календарь. Высеченный из единого куска вулканической породы трахита, он имел восемнадцать футов в диаметре; в центре его было большое скульптурное изображение Тонатиу, бога солнца; по внешнему кругу располагались символы календарных дней. В прежние времена архиепископ приказал бы все это разбить и пустить на камень для постройки церкви; теперь же календарь в целости был доставлен в музей.

Его открытие все еще служило предметом для пересудов в Мексике, когда в 1798 году пришли вести о вторжении Наполеона в Египет. Тридцатитысячную армию полководца сопровождали 175 известнейших французских ученых, которым предстояло, после военного завоевания, исследовать египетское искусство и историю. В ходе этой экспедиции французские инженеры в 1799 году близ города Розетта (ныне г. Рашид) в дельте Нила обнаружили черную базальтовую плиту, на которой были вырезаны египетские тексты тремя различными шрифтами: иероглифическим, иератическим и демотическим. Даже в разгар Наполеоновских войн люди усиленно размышляли над этим Розеттским камнем. Они полагали, и, как показало время, справедливо, что эта резьба на базальте хранит ключ к расшифровке древнеегипетских текстов.

В Мексике те, чьим занятием было изучение древности, надеялись и считали, что ацтекский каменный календарь сам по себе может оказаться разновидностью Розеттского камня; подобные рассуждения еще бытовали, когда 18 апреля 1803 года в город Мехико прибыл Александр фон Гумбольдт. Уже широко известный – его письма к ученым коллегам в Париже были опубликованы в различных журналах – Гумбольдт с 1799 года путешествовал и проводил исследования в Южной Америке со своим другом, Эйме (Хайме) Бонпланом, ботаником и врачом. Испанский вице-король, Хосе де Итурригарай, лично приветствовал Гумбольдта и заявил, что, поскольку Гумбольдт имеет предписание короля Испании, все, что он пожелает увидеть в Мексике, должно быть предоставлено в его распоряжение.

Гумбольдт по праву заслужил признание за свой обширный вклад в ботанику, географию, геологию, астрономию, геофизику, метеорологию, океанографию и зоологию; но его вклад заключал в себе и нечто большее. Это Гумбольдт поместил американские культуры в центр общественного внимания. Годы исследований в обеих Америках научили его тонкому чутью отбора. Он успешно собирал коллекцию по всей стране, и знатоки в Америке доверяли ему свои коллекции. Позже, возвратившись в Европу, Гумбольдт в поисках дополнительного материала исследовал библиотеки Ватикана, Берлина, Парижа, Вены и Дрездена. В конце концов великий ученый обосновался в Париже и начал публиковать свой знаменитый труд «Путешествие по тропическим областям Нового Света, совершенное в 1799–1804 гг.»¹ в тридцати томах, иллюстрированный 1425 медными гравюрами, – результат пятилетних исследований. Том, посвященный американской археологии, составил один большой фолиант и был опубликован в Париже в 1810 году под названием «Vues des Cordilleres et Monuments des Peuples Indigenes de L'Amerique». Гумбольдт впервые представил миру панораму древней истории Америки, показанную, как никогда прежде, в рисунках инкских зданий, выполненных в масштабе. В книге были изображения каменных календарей из Колумбии, ацтекские скульптурные барельефы, цветные гравюры страниц из Дрезденского кодекса майя; рисунки ацтекского каменного календаря с подробными объяснениями, и многочисленные иллюстрации из рукописей ацтеков, сапотеков и миштеков с научными комментариями. Под влиянием такого внушительного авторитета, как Гумбольдт, в Америке

¹ «Voyage aux regions equinoxiales du nouveau continent».

стали видеть цивилизацию, а искусство американских индейцев заняло место среди других высокоразвитых культур. Этот том за восемь лет переиздавался четыре раза.

Именно агония романтизма остановила возрождение интереса к американской археологии. То было время культа всего живописного: художники усеивали свои холсты развалинами, бурными потоками и темными, густыми лесами. Язык обрел высокопарность, а люди окружали себя легкой меланхолией. То было время страхов и падающих в обморок дам. То был век, породивший виконта Кингсборо.

В трудах виконта Кингсборо археологическая литература обрела псевдонаучный тон. Археология сделалась мистичной, религиозной и иррациональной. Она отняла у Америки то, что она имела, и дала ей то, чего в ней никогда не было. Американские индейцы, как следовало из тезиса, были не индейцами, а их культура – не их культурой. Она была средиземноморской. Она была еврейской. А постройки, обнаруженные по всей Америке и описанные Гумбольдтом, будто бы были делом рук скитавшихся племен Израилевых. То, что американские индейцы на самом деле евреи, в действительности было старой темой, муссировавшейся давно. На протяжении веков выдвигались предположения о судьбе 27 290 израильтян (точное число – предмет дискуссий. – *Ред.*), уведенных Саргоном Ассирийским в 722 году до н. э. Когда был открыт Новый Свет, церкви пришлось как-то объяснять присутствие индейцев, и поэтому она ухватилась за эту теорию. Высказывалось немало догадок, и даже столь здравомыслящий человек, как Уильям Пенн, сказал, поглядев на туземцев впервые: «Мне показалось, что я нахожусь в еврейском квартале Лондона».

Именно Кингсборо сделал из этой сущей чепухи антропологический факт. В 1795 году Кингсборо был уже немного с чужинкой, и последующие годы, когда он стал студентом Оксфорда, не развеяли его мистического умонастроения, так что, едва он увидел образец пиктографического письма ацтеков, его воображение пробудилось, и он решил посвятить свою жизнь доказательству некоей «теории». В конце концов он отказался от своего места в палате лордов, широко раскрыл свой кошелек и потратил свое состояние на коллекционирование материалов по культуре ацтеков и майя. Первый том «Древностей Мексики» был опубликован в 1830 году, но к тому моменту, когда последний из восьми томов вышел в свет в 1848 году, то была уже посмертная публикация. Виконт Кингсборо, третий граф Кингстон, умер в долговой тюрьме, будучи не в состоянии заплатить по счетам за бумагу. Что касается самого текста этого труда – мешанины из греческого, иврита, латинского и санскрита, – форма его может показаться логичной, но суть его представляет собой полный беспорядок. В нем имелись попытки подгонки фактов под предвзятые идеи, а призывы к научной точности должны были скрывать отсутствие научной методологии. В «Древностях Мексики» безусловная абсурдность соединилась с невообразимой нелепостью.

Подобные взгляды были все еще в ходу, когда в 1840 году Уильям Х. Прескотт начал писать «Историю завоевания Мексики». Немногие верили тогда в то, что ацтеки возвели те постройки, которые им приписываются; немногие принимали тот факт, что американские индейцы когда-либо были способны создать цивилизацию, описанную первыми испанцами. Поэтому Прескотт обратился к оригиналам – неопубликованным документам, которые лежали в испанских архивах. Доказательства, собранные в появившейся в 1843 году книге «Завоевание Мексики», были столь обширными, а стиль повествования столь впечатляющим, что Прескотт одной этой книгой сумел вернуть Америку индейцам. В то же время его друг, Джон Ллойд Стивенс (Стефенс), юрист из Нью-Йорка, «из соображений здоровья» совершивший путешествия по Египту, Аравии, к Петре (Петра – древний город, ныне в Иордании. – *Ред.*), в Польше и России, тогда исследовал Центральную Америку и способствовал сбору фактических доказательств. Сам Стивенс обладал умом, чувствительным к нюансам явлений, и бойким пером. С помощью этих данных, к которым добавились широкие исследования регионов, в которых обитали майя, он заложил прочную основу для изучения доко-

лумбовых культур Америки. Его спутником был архитектор Фредерик Катервуд. Катервуд принимал участие в нескольких первых английских экспедициях в Египет, и, уйдя с головой в искусство Старого Света, он был готов к тому, чтобы оценить открытия, совершенные в Новом Свете. Его точные зарисовки с нотками драматизма, свойственными Пиранези, чудесно иллюстрировали текст Стивенса; вместе они стали авторами публикаций, которые в то время жадно читались, а время превратило их в классику археологии; «Эпизоды из путешествия по Центральной Америке» (1841) и «Эпизоды из путешествия по Юкатану» (1843) даже в настоящее время продолжают переиздаваться.

Научная база была заложена. Отныне было установлено, что американские индейцы были строителями городов, располагавшихся повсюду в Новом Свете. Прескотт подробно описал их историю, основываясь на документах; Стивенс дал общее представление о цивилизации майя во всей ее целостности. И безусловно, за этим последовал бы значительный прогресс, не вмешайся доктрина «Божьего промысла». Быстро сменяя друг друга, произошли следующие события: оккупация Техаса (мексиканский Техас был захвачен в 1845 году, после того как постепенно заселявшие его американцы в 1836 году подняли мятеж и объявили Техас «независимым» от Мексики. – *Ред.*), война с Мексикой (1846–1848) и последовавшие отторжения более половины ее территории – нынешние штаты США Калифорния, Невада, Юта, Аризона, Колорадо, Нью-Мексико. («Пока я описывал завоевание Перу, – заметил Прескотт, – мое правительство осуществляло завоевание Мексики...») А вслед за этим началась лихорадка в связи с только что найденным золотом и устремление на обширные пустующие земли на Западе, взлет железнодорожных империй и мечты о канале, который соединил бы океаны, – все это на годы отодвинуло то, что могло бы стать естественным развитием интереса к археологии. Затем началась Гражданская война (между Севером и Югом США, 1861–1865) с ее естественными последствиями для всего, что не носило чисто военный характер. А когда Европа осуществила свое политическое вмешательство, посадив императором Мексики на древних землях ацтеков и майя Максимилиана (имеются в виду события 1861–1867 годов и короткое царствование Максимилиана Габсбурга, преданного, взятого в плен и расстрелянного. – *Ред.*), это повлекло за собой годы войн, которые сделали земли древних солнечных царств местом, едва ли подходящим для археологов.

Что касается инков, они все еще пребывали погребенными в историческом забвении. Перу располагалось в краю заката, вдали от Европы и Северной Америки, и все, что было известно об истории этой страны, заключалось только в литературе. Но с тех пор, как Уильям Прескотт опубликовал свою «Историю завоевания Перу», такого рода историческая литература стала приобретать внушительный размах. Испанские ученые, потрясенные тем, что полуслепой бостонский юрист, который никогда не бывал в Перу (как, впрочем, и в Мексике), написал эпическое произведение о действиях Испании в Америке, то самое, что надлежало бы написать им, принялись после этого публиковать горы документов, лежавших в их архивах.

Именно с Альфреда Модсли в 1880 году начался современный этап американской археологии. Один француз столкнулся с Модсли в джунглях Чьяпаса, где тот только что обнаружил развалины майяского города Яшчилана. Француз был вне себя от гнева, лишившись права первооткрывателя. Модсли успокоил его, сказав: «То, что я опередил вас, – всего лишь случайность... вам не следует опасаться меня, ибо я всего лишь любитель, путешествующий ради собственного удовольствия...» Но именно исследования Модсли, его раскопки и записи всех известных на тот момент текстов майя (на памятниках и зданиях) дали ученым всего мира прочную основу, на которой можно было приступать к разгадке тайны иероглифов майя. Модсли стал духовным последователем Джона Ллойда Стивенса. Не испорченный английскими елейно-лицемерными принципами, он был скромнее до невозможности; о нем лично так мало известно, что писатели именовали его на разные лады

«сэром», «лордом» и «доктором», хотя он не являлся ни тем, ни другим, ни третьим. Такой дефицит биографических данных свидетельствует о том, насколько скрытен он был на самом деле. Превосходные гипсовые слепки с рельефных надписей майя, сделанные им в джунглях, пролежали в неизвестности много лет, пока не были извлечены на свет божий, составив экспозицию так называемого Зала Модсли в Британском музее. На долю Модсли выпало мало почестей, и только в 1925 году Кембриджский университет с запозданием удостоил его почетного звания.

После публикаций Модсли интерес к цивилизациям ацтеков, майя и инков оживился. Если ни один человек не является своего рода «островом», по той же причине не является островом и культура; археологов многих стран привлекли эти забытые цивилизации, и каждый из них по-своему, в соответствии с интеллектуальными традициями своей родины, внес собственный вклад в общее дело. Открывались все новые и новые забытые города; и проблем, которые порождало каждое новое открытие, становилось все больше, и они становились все глубже по мере того, как увеличивалось количество литературы.

Одно возникало из другого. Это сразу же стало ясно археологам, когда они начали снимать один за другим слои накопившейся земли; они обнаружили, что одна цивилизация лежит поверх другой. Разумеется, это не всегда происходило в точной последовательности, предлагаемой устными преданиями, но все же это было совершенно ясно. Цивилизации, с которыми белый человек впервые столкнулся в Новом Свете, явились кульминацией многих веков культурной эволюции. Где бы ни работали археологи, каждое открытие, подобное обнаружению перемешанных костей человека и вымерших млекопитающих, все дальше отодвигало человека вглубь, к горизонту времен. Из-за самой природы материала, с которым работали археологи, эти исследования становились все сложнее и приобретали определенную направленность. Пришлось привлечь астрономов, чтобы определить, как майя без помощи инструментов наблюдали бесконечные небеса и как им удавалось весьма точно вычислять движение планет. Специалисты в области сельского хозяйства изучали распространение маиса, который, по крайней мере в Центральной Америке, являлся пищевой базой древних культур. Географы, изучающие распространение растений, путешествовали по этим богатым зеленью краям, чтобы узнать, каким образом ботаника содействовала подъему ранних американских культур. Геологи были привлечены, чтобы определить, чем нефрит майя отличается от китайского. Специалисты по физической и социальной антропологии измеряли и вычисляли, взвешивали и делили тело и душу индейца, а также оценивали его физические возможности в отношении голода и любви.

Что, в конце концов, представляет собой этот поиск древнего человека в обеих Америках? Это по сути своей огромная и увлекательная тайна. При отсутствии письменных документов, подобных тем, что встречаются в Старом Свете, что же мы имеем для продолжения поиска? Мы имеем множество странных на слух названий: тольтеки, миштеки, чибча, купиниске. Есть у нас и масштаб – просторы Американского континента. У нас есть загадочный сюжет; кто был этим Пернатым Змеем – богом, культ которого охватил всю Мексику? Почему майя внезапно покинули сотни своих городов? Почему инки и майя не знали о существовании друг друга? У нас есть ключи к разгадке, из которых можно делать логические выводы и которые вполне могут поставить в тупик самого Шерлока Холмса. И постоянно присутствует новизна: обнаружение гробниц, вроде мавзолея бога-воина в прекрасно отделанном подземном святилище в Паленке, где гробнице быть не полагалось; или обнаружение варварски прекрасных настенных росписей – таких, как в джунглях в Бонампаке, росписей, которых не видел ни один человек с тех пор, как люди покинули эти места тысячу лет назад. Больше чем тайна – сам поиск является еще и мечтой... мечтой всякого археолога о том, что когда-нибудь в священной лесной тиши он обнаружит дворец, город, руины, дотол не виданные ни одним исследователем. Таков основной человеческий инстинкт, ибо жизнь

существует ради чего-то нового. Поэтому в археологии присутствует тревога ожидания; она сочетает в себе волнение охотника за сокровищами с романтикой. Глиняные черепки и мумии, камни и скелеты – все они являются путеводной нитью в истории культуры.

Каждый метод, предлагаемый наукой, используется археологом. Его работа требует тяжелых раскопок, изучения столь неромантических вещей, как форма кухонных горшков, или интерпретации противоречивых сведений о последовательности временных циклов. Из таких мелочей часто складывается археологическая история. Само по себе это не представляет увлекательного чтения. Высокая романтика исследования утрачивает часть тайны, а вместе с ней и налет напряженного ожидания, пока археолог очищает, восстанавливает и систематизирует свой материал. В этом состоит нудная часть дела. «Археолог, – как утверждал покойный доктор Эрнест Хутон, – в душе остается романтиком».

Не будет ли слишком большим требованием к исследователю, чтобы тот занимался археологией без слез? Способен ли он выдержать монотонность раскопок, будь то в джунглях, пустыне или высокогорных Андах, а потом собрать воедино все найденное, эти ничтожные мелочи, которые являются всем, в книгу столь волнующую, что любой сможет постичь весь путь народов, лишенных истории, без напряжения? Из самой природы всего материального вытекает, что главный предмет – *человек* – имеет тенденцию исчезать по мере того, как исследователь все больше и больше погружается в различные данные, которые обнаруживаются в ходе раскопок. Например, так как керамика в своей стилистике действительно отражает течение времени, много труда уделяется именно ей.

Что бы ни появилось на страницах этой книги, вся эта история народов, принадлежащих к трем цивилизациям, составившим солнечные царства Америки, во многом опирается на техническую литературу такого рода. Предметом здесь, однако, является не археология, а история человека, рассказанная с помощью археологии. Сэмюэль Джонсон Расселс, размышляя над многочисленными постройками Древнего Египта, сказал нечто, по сути своей определяющее тему настоящей книги: «Мое любопытство не очень влечет меня к исследованию куч камней или земляных курганов; *меня интересует человек...*» И именно человеку – ацтеку, майя и инке – посвящена эта книга, его образу жизни, способам социальной организации, его пище, торговле и средствам коммуникации, войне и религии и, прежде всего, его слабостям и достижениям. Предмет изучения этой книги – человек. Не всегда легко писать о доисторических народах как о людях, так как все, что нам осталось, – это их искусство; и, хотя это искусство открыто рассказывает нам о древних людях, едва ли что-нибудь другое может его существенно дополнить. По этой причине искусству в археологии и отводится такое важное место. Куда легче, по словам одного знающего автора, сфотографировать храм или роспись, чем проанализировать нравственные убеждения народа или его политико-философские взгляды.

Однако, как объяснил один антрополог, существует некое психологическое единство, которое связывает людей. Человеческие существа, сталкиваясь с одними и теми же проблемами в одних и тех же климатических условиях, приходят к аналогичным решениям. Эти три современные друг другу цивилизации – ацтеки, майя и инки – к моменту появления белого человека в большей или меньшей степени находились в зените своего могущества. И все три имели между собой больше общего, нежели одно только поклонение солнцу. Все они были исконно американскими, и модели их социального и индивидуального поведения были основаны на сходстве моделей племенной организации. Инки, вероятно, пребывали в абсолютном неведении относительно существования двух других цивилизаций; однако они нередко действовали сходным образом.

Тот факт, что человек остается человеком и редко отступает от основ своего мировосприятия, несмотря на огромные достижения в развитии техники, остается великой загадкой для социологов (по прошествии стольких столетий человек даже не добавил никакого

восьмого греха к числу семи смертных грехов); и, чтобы объяснить эти три культуры их собственным языком, не нужно покидать пределов человеческой природы или изобретать новый словарь. То, что кажется новшеством, на деле оказывается старым как мир. Накрашенные губы женщин – это пережиток тех времен, когда лицо или тело покрывали краской, символизировавшей кровь, для защиты от неведомого; чистая вода в качестве очистительного средства известна множеству первобытных религий; вино Святого причастия – это не что иное, как заменитель крови, а вкушение Тела Господня присутствует во всех первобытных обрядах, включающих ритуальный каннибализм.

Любовь и голод являются осью, на которой держится мир. Они являются главными желаниями людей, и на каком бы этапе развития ни находилось человечество, оно вращается вокруг них. Романистка Жорж Санд видела мир сквозь призму любви и любовников, Оноре де Бальзак – сквозь призму голода, человеческого чувства самосохранения и размножения, сквозь призму алчности и скупости, лишений и воздержания, богатства и случая. Люди солнечных царств были движимы теми же чувствами. Тот акцент, который они делали на торговле и расширении сфер влияния, обнаруживает амбиции, которые мы вполне способны понять; и такие амбиции доминировали в их политике. Брак для них имел политическое значение – объединение двух могущественных племен или семей, и этот аспект их жизни нам вполне ясен. Война являлась первейшим средством их политики – улучшение условий жизни одного народа за счет другого; эту политическую доктрину мы, современники, способны легко понять. Религия представляла собой ряд обрядов и церемониалов, служивших способом склонить богов на сторону человека, чтобы облегчить его земную жизнь. Тот факт, что его боги имеют сходство с ними самими, лишь свидетельствует о том, насколько человеческими были ацтеки, майя и инки; наших богов, как и их богов, можно понять через то, как человек проецирует себя в вечность.

Эти народы воспринимали себя как центр Вселенной; все прочее вращалось вокруг них. И почему бы нет? Это заблуждение характерно для всего человечества. Но среди американских индейцев не было единства; едва ли они когда-либо смотрели на других индейцев как на своих братьев. Присвоив всем аборигенам Америки общее название «индейцы», мы навязали им формальное единство, какого они никогда не ощущали. Для них любое другое индейское племя, даже с соседней территории, было таким же чуждым, как и белый человек; поэтому враждующие племена и помогали испанцам разрушать свой собственный мир. Человеческие мотивы, подобные этим, имеют аналогии в нашей собственной цивилизации.

Назначение любого произведения искусства, будь то художественная литература, история, комедия или даже археология, заключается в том, чтобы помочь нам понять, почувствовать и даже насладиться духом того времени, к которому это произведение относится. Чтобы вызвать это «чувство», я попытался взвесить результаты научных исследований на весах собственного опыта. Сам я – если позволены личные ссылки – жил, зачастую в течение долгих промежутков времени, среди многочисленных индейских племен как их близкий друг. Я наблюдал за ними, изучал и оценивал их как людей; и использованная в этой книге литература, к которой я обращался, постоянно взвешивалась и оценивалась мной в свете этого опыта.

Я предпринял искреннюю попытку сохранить объективность, однако я знаю, что сказать так – значит слукавить; никто не может не оставить отпечаток собственных предрассудков и личных пристрастий в любого рода работе. Так что эта книга не лишена субъективности. Как может историк решать вопрос о том, что является, а что не является фактом? Он делает выбор в соответствии с собственным характером и индивидуальными особенностями, личным вкусом и воображением; словом, поступает так, как поступает художник. И все же я бродил по джунглям в течение трех десятилетий, ощущал постоянные укусы насекомых, прошел через все обычные там болезни, страдая от горной болезни, подни-

мался на перевалы и вершины в Андах, падал, сброшенный мулами, попадал в тюрьмы (как из-за недоразумений, так и из-за слишком хорошего взаимопонимания). Все это сказалось на остроте моих романтических эмоций: они сгладились от многочисленных тренировок в потоке жизни. Скажем, когда мне хотелось узнать о повадках птицы кетцаль (квезаль, *Phagomachrus mosino*; вырвав перья, местные жители опускают птицу на волю, поскольку в неволе не выживает. – *Ред.*), этой необыкновенно красивой птицы, отдавшей свои длинные перья вождям майя, а имя – Пернатому Змею, я лазал по тропическим лесам, проводя в них шесть долгих месяцев – время достаточное, чтобы узнать о том, как эта птица живет. Я даже попытался поймать ее, чтобы получить какое-то представление о том, каким образом майя удавалось поставлять ее перо в столь фантастических количествах, не доведя до исчезновения самого кетцалья. Когда встал вопрос об источниках бумаги у майя и ацтеков, я не удовлетворился лишь запахом библиотечной пыли, а отправился в джунгли собирать растения, из которых можно делать бумагу, и прошел через все физические лишения, обычные для подобного рода исследований. Микроскоп, история и библиотека лишь послужили подтверждением всего найденного. Таким образом, начиная с 1930 года, время от времени делая перерывы, для того чтобы что-то написать, и необходимые отступления для борьбы и романтических отношений, я отправлялся в многочисленные экспедиции, большие и малые, и пожил во всех краях, составлявших части солнечных царств Америки. Ни благородный дикарь, ни его антипод не повлияли на эти материалы. Здесь присутствует, конечно, предвзятость; однако мои разнообразные занятия в области этнографии, уводившие меня весьма далеко, предоставили мне некоторое знание местных условий – и мой отбор и интерпретация материала в определенном смысле являются квалифицированным *praejudicium* (предрешением вопроса).

Помимо литературы по археологии и истории, которая полностью представлена в библиографии и примечаниях, я прибегал ко многим другим средствам, чтобы найти фразы и краткие изречения и вывести авторов из области чистой археологии, снова поместив их в поток человеческой жизни. Я немало позаимствовал у первых хронистов для того, чтобы оживить и придать новую форму тому, что по понятным причинам показалось бы скучным, не придай я ему покров человечности, чтобы скрыть его голый археологический скелет.

Мне хотелось бы выразить свою благодарность множеству людей за то, что создание этой книги стало возможным, в особенности Роберту Вудсу Блисссу, который любезно позволил мне воспользоваться цветными иллюстрациями из его коллекции, посвященной ацтекам, майя и инкам; Виктору Уэйбрайту, председателю и издателю «Нью-америкэн лайбрэри», который дал толчок к написанию этой книги и предложил ее название; и издательскому коллективу «Уорлд паблишинг компани».

Виктор Вольфганг фон Хаген

АЦТЕКИ

Глава 1

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АЦТЕКОВ: ИСТОРИЯ И ГЕОГРАФИЯ

Об исследователях-археологах и о времени

Ацтеки, конечно, не называли себя «ацтеками». И совершенно точно у них не было империи. Более того, они так поздно появились в Мексике и играли такую незначительную роль, что, когда все-таки добрались до озер, на которых впоследствии вырос Мехико, ни одно из племен не заметило их появления. Их «цари» в действительности были лишь избираемыми «ораторами», и не существовало в природе «залов Монтесумы» (за исключением песни). Так что неверное представление о существовании «империи ацтеков» на самом деле не является фактом истории – так же как в реальности обстояло дело и со Священной Римской империей (которая не была ни священной, ни римской, ни империей).

И все же «теночки», прозванные ацтеками, были первыми из народов древних солнечных царств, которым суждено было стать известными миру и попасть в объятия Европы; и то сильное воздействие, которое это оказало на человеческое воображение, стереть невозможно; мы по-прежнему ведем речь об «ацтекской империи».

Как и почему это первобытное солнечное царство Америки попало в руки сравнительно немногочисленных конкистадоров, – старая история; однако, сколько ее ни рассказывай, она не перестает удивлять. Это история о том, как «отважный Кортес» проложил себе путь в сердце Теночтитлана, захватил «царя» и заставил его принять *pax hispaniensis*².

² Испанский мир (лат.).

Литература, посвященная ацтекам, просто ошеломляет. Кажется, нет ни одной сферы в их жизни, не подвергшейся изучению, анализу и описанию; их происхождение, история, похожие на ребусы письмена, религия и календарь изучаются снова и снова. Все, что сохранилось из их иероглифических текстов, опубликовано. Шаг за шагом ведутся раскопки на территории, по традиции считающейся территорией «империи ацтеков», и за ее пределами. С поистине удивительной скоростью на протяжении более двух десятков лет продолжают появляться хорошо документированные научные отчеты. На протяжении почти двухсот лет некоторые известные литераторы писали об ацтеках и их соседях – и когда все это, столь внушительное по своему количеству и качеству, охватывает взгляд лишь в одной библиотеке, едва ли не дерзостью кажется писать еще раз об ацтеках. И все же...

И все же, поскольку ацтеки появились на мексиканской земле так поздно (до них там существовало много культур!) и поскольку каждый миг их жизни был связан с магией, наполнявшей их мир божествами и символами, в литературе об ацтеках остается немало такого, что ставит в тупик. Так что будет уместным рассказать их историю, сделав акцент на жизни людей. И еще: поскольку история ацтеков (включающая мифологию, астрономию, этнологию и исследование всего, что происходило за тысячи лет до них) сложна, она далеко не всегда является предметом, о котором легко писать или читать.

В жизни очень мало такого, что является точно определенным, и в одной книге редко удается исчерпать тему, особенно такую запутанную, как ацтеки. Тот старый римлянин, который сказал на смертном одре, что «многое нужно сделать и многое еще останется, и даже через тысячу поколений у человека будет шанс внести какой-то новый вклад», в полной мере мог адресовать это ацтекам. И потому новый краткий рассказ о них не нуждается в оправданиях.

Для этого в настоящее время нет недостатка в литературном арсенале. Это Уильям Прескотт мог сетовать на то, что, когда он в 1839 году приступил к написанию своей знаменитой «Истории завоевания Мексики», ему «приходилось сначала отливать пушки, прежде чем стрелять из них»; иными словами, он вынужден был создавать свою личную библиотеку, собственноручно скопировав в Испании все неопубликованные рукописи, прежде чем смог начать работу. Та ситуация далека от положения дел сейчас – материал, имеющийся в распоряжении исследователя, внушает благоговейный трепет.

Испанские завоеватели ацтеков по большей части были людьми культурными и образованными, и они ощущали историчность переживаемого момента. Эрнан Кортес, описывавший историю по мере того, как творил ее, для своего времени считался человеком обра-

зованным; он учился в университете Саламанки. Его знаменитые «Пять писем» своему королю– императору, написанные в интервалах между битвами, отличаются такой яркостью, словно написаны кровью. Были и другие, которые писали о завоевании, пока плоть истории была еще теплой. «Неизвестный завоеватель» оставил «Рассказ о некоторых событиях в Новой Испании и великом городе Теместитане». Еще один, некто Андрес де Тапия, которого женщины интересовали в не меньшей степени, чем завоевание, оставил свои литературные впечатления о падении ацтеков, книгу, которая вознесла его в такой же мере, в какой она принизила его военачальника Кортеса. Самый литературно образованный из хронистов, Франсиско Лопес де Гомара, написал свою «Хронику завоевания Новой Испании». И поскольку он являлся священником в доме Кортеса, который в ту пору был маркизом долины Мехико и купался в богатстве и славе, он так прославлял одного лишь Кортеса, что это заставило старого воина и участника Конкисты, Берналя Диаса дель Кастильо («Ныне я старик, мне перевалило за восемьдесят четыре года, я утратил зрение и слух...»), продиктовать свое чудесное и бессмертное сочинение «Открытие и завоевание Мексики».

Участвовавшие в крестовом походе святые отцы продолжили литературу там, где это не сделали солдаты. Прилагая огромные усилия к тому, чтобы осуществить переход внутри Мексики с одной мифологии на другую, они волей-неволей изучили языки, мифы и цикл повседневной жизни населявших страну людей. Самым неутомимым среди них был Бернардино де Саагун, который прибыл в Мексику в 1529 году и оставил после себя, спустя десятилетия, проведенные в самоотверженных исследованиях, историю жизни ацтеков, бесценную для всякого, кто посвятил себя их изучению. Было и немало других. Литература об ацтеках благодаря им приобрела глубину, так же как и благодаря таким людям, как доктор Франсиско Эрнандес, врач, посланный королем Испании для изучения новых растений «недавно открытого мира»; его длившееся пять лет изучение растений с помощью многочисленных местных помощников и художников является одним из величайших памятников ботаники, и благодаря ему мы можем составить себе представление о том, что знали ацтеки о земле.

XVII век принадлежал святым отцам; то был период отпечатанных списков слов и фраз, словарей индейских языков, требников и того сорта литературы, которую они называли *relaciones*³. Но XVIII век принес с собой Просвещение, а вместе с ним – интерес к прошлому, своего рода романтические размышления, проявившиеся в восторженной элегии графа Вол-

³ Списки, сообщения (исп). (Примеч. ред.)

нея «К руинам». Ученый мир придавал слишком большое значение символам; уже близилась агония романтизма, и к останкам «империи ацтеков» вновь вспыхнул интерес интеллектуалов.

Молодой Александр фон Гумбольдт прибыл в Мексику в 1803 году после четырех лет активных исследований в Южной Америке, его трудами (а также элегией «К руинам») весь имевшийся на тот момент археологический материал по Мексике был облечен в современную научную форму. В 1810 году Гумбольдт опубликовал прекрасный том первых добротных репродукций «американского» искусства.

В Англии Эдвард Кинг, виконт Кингсборо, который в жизни своей никогда не видел ни одного американского индейца, да и не стремился к этому (поскольку уже заранее был уверен, что те происходят от кочевых израильских племен), – занимался публикацией уже *девяти* томов, содержащих репродукции всех известных иероглифических надписей майя и ацтеков, в подтверждение своей теории о том, что «американские индейцы – это евреи». На это ушло все его состояние и жизнь. Но к 1843 году Уильям Прескотт вернул индейцев индейцам, опубликовав свою «Историю завоевания Мексики».

С тех пор ни у одного народа не было монополии на Мексику. Североамериканцы, начиная с Джона Ллойда Стивенса (Стефенса) и Уильяма Прескотта, продолжали работать бесперебойно в течение столетия; покойный Жорж Вайян, Сэмюел Лотроп, Мэтью Стирлинг и Гордон Экхольм, если упоминать лишь немногих, продолжили эту традицию. Британцы никогда не отставали; они сохраняли строй от Фредерика Катервуда до Э. П. Модсли и от Целии Наттолл до Т.Э. Джойса. Этот ряд продолжает К.Э. Берланд из Британского музея, подхватившего это наследие. Шведы также заинтересовались Мексикой задолго до того, как увидели свет сравнительные изыскания барона Нильса Эрланда Герберта Норденшельда; ныне их продолжает Сигвальд Линне.

Немцы активно работали в Мексике еще с того времени, когда Гумбольдт написал свою первую книгу и привез в Берлин первые образцы мексиканского иероглифического письма; от Эдуарда Зелера до Эрнста Фёрстеманна (который помогал расшифровывать иероглифы майя), до Германа Бейера (который сильно продвинул теоретические исследования) интерес и качество научных исследований постоянно возрастали; в настоящее время их ведет Пауль Кирхгоф. Французы сохраняли свой интерес с 1529 года, когда Андре Теве, космограф французского короля, начал изучать списки податей, которые некий пират присвоил себе в качестве своей доли разграбленного у Веракруса испанского каравана судов. С 1840-х годов, когда благородный ученый-аристократ граф Адольф де Сиркур оказывал помощь Уильяму Прескотту, до современных исследований Жака Сустеля (часто упоминаемого в этой книге) внимание французов привлекает *мексиканец*.

В последние годы археология принадлежала мексиканским ученым. Были найдены, восстановлены и исследованы новые руины; была выполнена тщательная стратиграфическая работа с применением передовых методов. Имена мексиканских ученых, продемонстрировавших такие замечательные способности к изучению своего прошлого, столь многочисленны, что само перечисление их прозвучало бы как библиография – Мануэль Гамио, Альфонсо Касо, Хосе Гарсиа Пайон, Эдуардо Ногера, Игнасио Маркина (если называть лишь некоторых). А книги, брошюры, доклады образуют постоянный поток, вытекающий из этой археологической активности, в результате чего дата появления первого человека в Мексике постоянно отодвигается в прошлое.

Вся эта деятельность породила общий интерес ко всему, составляющему прошлое человека (ибо прошлое заключается в настоящем так же, как свойства треугольника содержатся в его определении), и возник значительный общественный интерес к такой литературе. К сожалению, для получения масштабной панорамы необходимо длительное и заинтере-

ресованное чтение. И обычный читатель хотел бы узнать многое обо всем этом, но слишком велик объем материала...

Я попытался, на собственный лад, определить главные качества ацтеков и выразить это в такой литературной форме, чтобы привлечь, а не отпугнуть (еще до извлечения урока) обычного любознательного читателя. Повсюду я стремился к простоте, и целью моей было следовать совету Анатоля Франса, который сказал начинающему писателю: «Я начинаю задаваться вопросом, не состоит ли величайший талант в том, чтобы писать очень просто об очень сложных вещах».

Место действия

Вся Мексика делится на две части: горная и равнинная.

Это край контрастов: пустоши, покрытые вулканической породой, высокогорные равнины с разреженным воздухом, засушливые пустыни, зоны буйной растительности, отделяющие одну долину от другой, – все это сделало эту страну предметом любви и источником отчаяния человека с тех самых пор, как он вступил во владение мексиканской землей.

Если подбирать сравнение, то Мексика своими очертаниями напоминает рог изобилия. Он тянется от широких открытых плоскогорий северных границ, где когда-то бродили бизоны, до сравнительно узкого перешейка, лежащего в полутора тысячах километров южнее, где равнина упирается в горы и тропические заросли со всей их роскошью и богатствами, заключенными в них. Там индейцы находили нефрит, кораллы, раковины, шоколад, янтарь, каучук, перья кетцалья – райский край для жителя гор.

Мексика полна и климатических контрастов, и, хотя половина ее территории лежит в тропическом поясе, высота над уровнем моря более важна, чем географическая широта. Восточное побережье, не занятое горами, шире, чем на западе страны, и пассаты обрушивают на него яростные ливни. Восток покрыт более буйной растительностью и стал колыбелью первых цивилизаций: страны ольмеков, тотонаков, уастеков. Западный берег имеет более узкую прибрежную полосу: природа здесь не столь щедра, и это отразилось на первых культурах; они выглядят беднее в сравнении с теми, что развивались «на другой стороне».

Мексиканская земля поднимается ввысь от этих двух берегов, иногда резко, иногда постепенно, к высокогорному плато, которое занимает большую часть мексиканской территории. Покрытая снегом вершина горы (вулкана) Орисаба (ацтеки называли ее «Ситлаль-тепетль», «Гора звезды») поднимается из зелени джунглей, достигая высоты 5610 м (или 5700), и возвышается над «холодными землями». Именно здесь первые испанцы столкнулись с голой горной пустыней: «...трехдневный марш через пустынные земли, необитаемые по причине их бесплодности, отсутствия воды и страшного холода... О, как описать жажду и голод, мучившие людей, на которых налетали вихри града и дождя!»

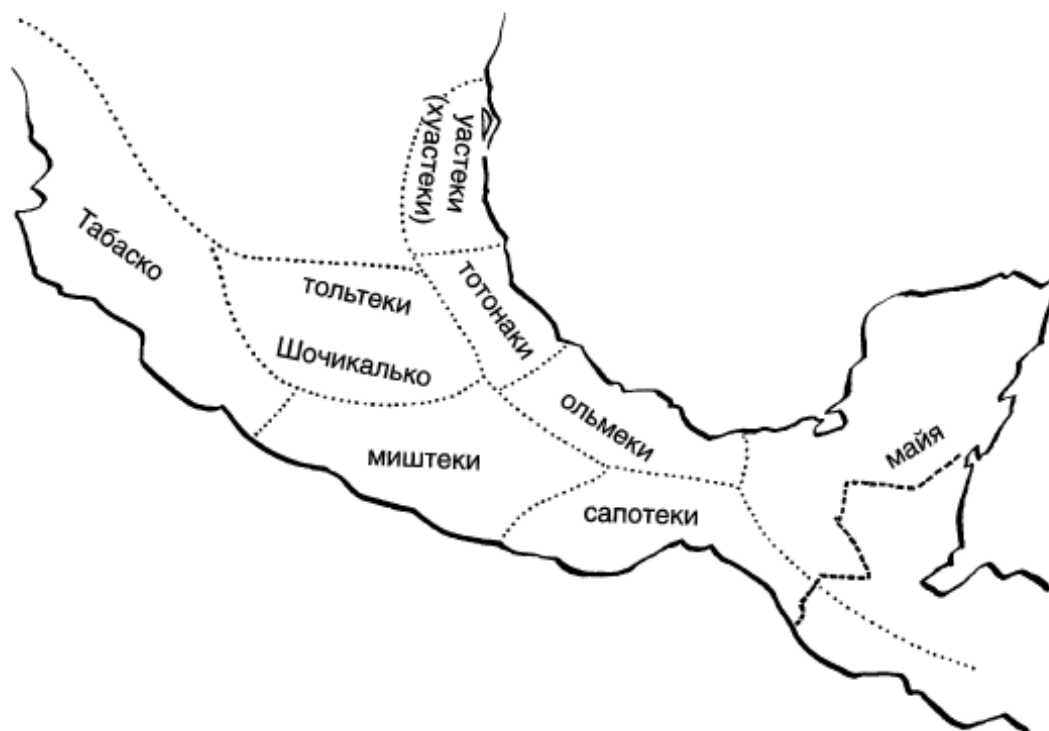

Рис. 1. Распределение доацтекских племен и культур по территории Центральной Мексики и Гватемалы-Юкатана. Ацтеки появились в виде самостоятельной культуры на территории, занятой тольтеками

Этот край горных равнин, высота которых варьируется от 900 до 300 и более метров над уровнем моря, представляет собой типичную для Мексики землю. Она отличается неустойчивой геологией. Вулканы в прошлом и в настоящее время извергают камни и пемзу, туф и обсидиан, превращая большую часть того, что могло бы стать плодородными долинами, в бесплодную пустыню. Природа одарила Мексику редчайшими по красоте ландшафтами, но заставила поселившегося там человека уплатить за это немалую дань. Судорожных рек мало; большая часть земель неплодородна из-за вулканических извержений; во время долгих сухих зим пыльные бури сносят плодородный слой почвы, а внезапно начинающиеся и прекращающиеся наводнения довершают разрушение. Здесь есть высокогорные полупустынные районы, покрытые зарослями чапарала – субтропической кустарниковой растительности из кактусов, мескитовых деревьев, сумаха, акаций, вечнозеленых и листопадных дубов. В других регионах эта ужасная картина сменяется сосновыми лесами, а в тех районах, где есть вода, пышно зеленеет роскошная растительность долин.

В Мексике не было аналогов долине Нила. Там не было оазисов вроде тех, что возникают вдоль побережья Перу, тянувшегося на две с лишним тысячи километров, в которых всегда есть плодородный слой почвы даже тогда, когда не выпадают дожди (если проводить орошение. – *Ред.*); там не было вьючных животных, даже лам. Колесо, даже если бы оно и было у мексиканцев, оказалось бы бесполезным, поскольку вся местность сильно пересеченная, а высокогорные долины отделены одна от другой крутыми горами почти по всей своей длине и ширине; добраться туда можно только пешком.

Дожди определяют время года. На мексиканских плоскогорьях они выпадают по воле Божьей между июнем и сентябрем; остальные месяцы засушливы, за исключением капризов

природы, и тогда дожди идут не в свой сезон, а в Мехико может даже выпасть снег – событие, часто отмечаемое ацтеками в их иероглифической хронике необычных происшествий.

Поскольку дары солнца и дождя распределялись неравномерно, большая часть края не была гостеприимна для человека. Таким образом, хотя Мексика и имеет обширную территорию, большая часть ее в древние времена не была заселена, и этими незаселенными районами были те земли, где почва была голой и бесплодной. По-настоящему плодородные регионы были заняты людьми с древнейших времен, особенно колыбель культур Анауак, «земля у края воды», где расположен город Мехико.

Там, где вздымаются горы в центре высокогорного Мексиканского нагорья, где высится вулкан Попокатепетль в белой шапке, а рядом с ним вулкан Истаксиуатль, расположен ряд водоемов, тянущийся на запад, до богатых рыбой озер Мичоакана, и образующий серию лагун и озер, которая заканчивается у заснеженных гор в долине Анауак. На этой почве возникли великие цивилизации: тольтекская, оставившая после себя огромное «Жилище богов» в Теотиуакане, и родственная ей культура Тулы, зародившаяся чуть севернее. Поскольку высота над уровнем моря была менее 2500 м, здесь росла кукуруза, жизненно важный продукт питания, а также множество прочих необходимых растений; здесь в изобилии произрастала американская агава, давая волокно и сладковатый сироп, из которого готовится горячительный напиток пульке. Соляные озера поставляли соль, продукт первой необходимости для народа, питающегося злаками. Вулканы, извергавшиеся на протяжении многих веков, нагромождали слои выбросов один на другой, образовав неистощимые каменоломни и создав источник обсидиана, который после расщепления шел на изготовление ножей, оружия и даже бритв, а после полировки – на зеркала. На скульптуры шел твердый серый вулканический камень, который можно было обтесать; там также добывали особый пористый материал *tezontli*, применявшийся в строительстве.

Всеу есть свои причины, географические либо социологические. Имперские культуры всегда рождались из суровой почвы. В тропических краях, где человек купался в тепле и неге, тяга к экспансии была ограничена, но человек с высокогорья, бичуемый ветрами и градом, имел имперские амбиции – вот какое влияние оказывает географическое положение.

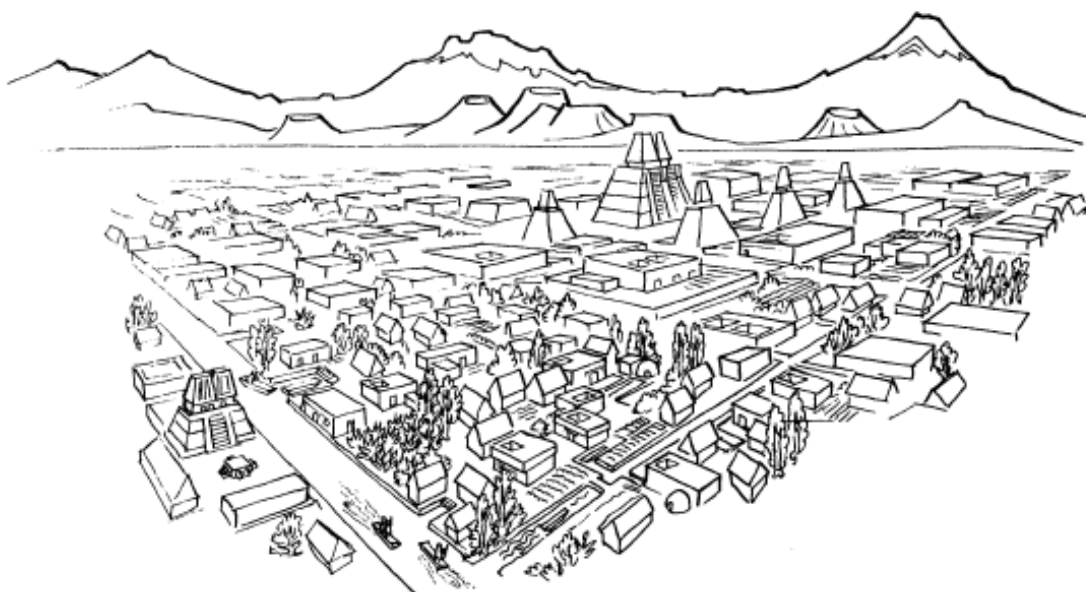

Рис. 2. Теночтитлан, каким его впервые увидели испанцы с высокогорной дороги, которая пересекала вулканические хребты, окружавшие Мексиканское нагорье. Сейчас это сухая равнина, а тогда здесь было озеро

Подобно инкам Перу, ацтеки пришли в Центральную Мексику из суровых краев с более холодным климатом. К тому времени (около 1200), когда ацтеки (в 1068 году ацтеки покинули свою легендарную прародину Астлан, остров посреди обширного озера, отсюда и название «ацтек»). Первоначально они называли себя мешиками, по имени племенного вождя Мешитли, правившего тогда, когда они покинули Астлан. – *Ред.*) формировались как племя, лучшие земли были уже заняты. Они называли себя «теночас» (теночки, по имени племенного вождя Теноча. – *Ред.*), потомками северных племен. В поисках земель им пришлось столкнуться с разными, уже оседлыми народами, которые сопротивлялись их продвижению. Суровые нужды войны порождают мужчин; народы обретают величие, вырастая в соседстве и за счет других народов – а у ацтеков не было земли. Они, как и многие до них, были подобны животным, рыскающим по дальним краям; безусловно, нужда заставляла их скитаться в поисках земли, но также, возможно, и «изначальная микрокосмическая потребность в передвижении».

Итак, в год Оме-Акатль, 2-Тростник (1168), перебралось к озерам Анауака это богом гонимое племя, этот народ «ацтеков», которому предстояло упорядочить грабеж и войны, сделав их частью политики государства, которому другие народы платили дань и которому было суждено навсегда оставить свой след на мексиканской земле.

Год Испанца

Что представляет собой нечто, не поддающееся определению и именуемое духом народа, который толкает его вперед и ввысь?

В 1168 году – дата, повсеместно принятая историками, – теночки пришли к озерам Анауака с северо-запада. На них, не имевших ни земли, ни друзей, уже с тревогой посматривали другие племена, расселившиеся вокруг озер, что было вызвано той легкостью, с которой они предлагали человеческие сердца своим богам; они почти не имели внешних атрибутов человеческой культуры. Будучи малочисленным племенем, состоявшим из враждующих кланов и вытесняемым из одного населенного региона за другим, ацтеки, наконец, выбрали несколько островков в двух– трех километрах от берега в озере Тескоко и, неся впереди изображение своего бога, в 1325 году начали строить свой город-государство.

За два века они стали владыками Мексики, а Теночтитлан, «город теночей», стал самым великолепным городом, возведенным когда-либо в Америке ее коренными жителями. Испанцы, прибывшие, чтобы его завоевать и добавить титул его властелина к титулам своего короля– императора Карла V, вошли в «великий город Теночтитлан в Мексике 8 ноября... 1519 года».

Глядя на столь чудесное зрелище, писал Берналь Диас дель Кастильо, вспоминая об этом спустя пятьдесят лет, «мы не знали, что и сказать и действительно ли существует все то, что предстало перед нами». Они проследовали по «насыпной дороге... шириной восемь шагов», которая протянулась «на две мили от берега озера до города... столь населенного, что в нем едва хватало всем места... На башнях было полно людей... лодки [прибывали] со всех концов озера».

Сразу у входа в город они были встречены «царской» свитой: великий Монтесума сошел со своего паланкина и, поддерживаемый другими, последовал дальше «под великолепным балдахином из зеленых перьев, богато украшенным золотой и серебряной вышивкой, со свисающей каймой из жемчуга и [нефрита], и это было поразительное зрелище. Великий Монтесума был облачен в богатые одежды... множество других владык... шли впереди него, подметая землю, по которой он должен был ступать, и расстилали поверх нее ткани...»

Войдя в город, они едва могли поверить своим глазам. Берналь Диас вспоминает, что «не мог сосчитать мужчин, женщин и мальчиков, собравшихся на улицах... в лодках на каналах, прибывших поглядеть на нас. Это было поистине удивительно, и сейчас, когда я пишу это (а Диасу было, когда он писал свою великолепную книгу, восемьдесят четыре года), все встает перед глазами так, словно это случилось вчера».

Отдохнув в «огромных залах и комнатах, увешанных местными тканями», они вскоре предстали перед Уэи Тлатоани, «главным оратором» Монтесумой, в его просторных личных покоях. Монтесума жил в роскоши, как Лукулл. «Для трапезы Монтесумы они приготовили свыше трехсот яств... такое разнообразие блюд... такое их обилие, что я не в силах перечислить их... Четыре очень красивые и опрятные женщины принесли ему воду для омовения рук... другие женщины принесли лепешки-тортильи... Ему подавали еду в глиняной посуде, сделанной в Чолуле... Время от времени ему подносили в чашах из чистого золота некий напиток, приготовленный из какао...»

Позже Берналь Диас дель Кастильо, сопровождая Кортеса, увидел сокровища этого государства, жившего данью, и то место, где Монтесума «хранил отчеты обо всех доходах... в своих книгах, изготовленных из бумаги, именуемой *amatli*; у него был целый большой дом, доверху заполненный ими». Еще испанцы увидели склады, полные круп и маиса, бобов и перца, доставленных в качестве дани, а также другие склады, полные боевых доспехов, «многие из которых были богато украшены золотом и драгоценными камнями». Там было холодное оружие и щиты и «что-то вроде палашей... напоминающих мечи с каменными [обсидиановыми] лезвиями, которые могут рубить куда лучше, чем наши собственные мечи», и луки со стрелами, сложенные грудami до потолка, и «щиты... искусно сделанные так, что они могли складываться... и стеганые хлопчатобумажные доспехи».

Рис. 3. Долина Анауак и озера Мехико. Хотя у них пять названий, на самом деле озера представляли собой единый водоем. Поскольку озера были бессточными, вода в основном была соленой, за исключением южной части (озера Чалько и Хочимилько), куда впадали потоки пресной воды с покрытых снегом вулканов. Позднее ацтеками была создана система дамб и каналов в целях регулирования солености озер

Был там и царский птичник, о котором Берналь Диас написал так: «Я вынужден отказаться от перечисления всякого рода птиц, представленных там... от королевского орла... до

маленьких птичек с разноцветными перьями... у которых они берут их богатое оперенье и используют для изготовления своих полотен из зеленых перьев. Все птицы... размножаются в этих домах... и каждому виду положена своя пища... двести мужчин и женщин ухаживают за ними...»

Там были резчики по камню, «искусные рабочие, которых Монтесума использовал во всяких распространенных среди них ремеслах», и «мастера по золоту и серебру», чьими изделиями не могли не восхищаться даже известные ювелиры в Испании (как и великий художник Альбрехт Дюрер). Там были и другие мастера, которые полировали драгоценные камни и нефрит, «великие мастера, создающие украшения из перьев, живописцы и скульпторы... индианки, занятые ткачеством... которые изготавливали такое большое количество тонких тканей с изумительными узорами из перьев...».

Общественные рынки, которых в городе было четыре, затмевал огромный рынок в Тлателолько, и «мы были поражены количеством людей и товаров, находящихся в нем, а также строгим порядком и контролем, который там поддерживался... Каждый вид товаров хранился отдельно и имел постоянное место... Там были продавцы золота, серебра и драгоценных камней, перьев, плащей и вышитых изделий». А еще испанцы увидели «индейцев-рабов, мужчин и женщин, которых привозили «на большой рынок на продажу, подобно тому, как португальцы привозят негров из Гвинеи... привязанных к длинным шестам, в ошейниках... затем... там были торговцы, продававшие большие отрезки ткани и хлопок... и [такие], которые продавали какао». Там была грубая ткань из волокна американской агавы, сандалии из растительного волокна. В другой части рынка «продавали шкуры тигров и львов (имеются в виду ягуары и пумы. – *Ред.*), выдр и шакалов, оленей...»

И были «те, кто торговал бобами, овощами, птицей, петухами с бородками, зайцами, олениной... молодыми собаками (съедобной разновидности) и всякого рода посудой самой разнообразной формы... и те, кто продавал мед и медовую пастилу... лесоматериалы, доски... балки, брус... и торговцы дровами окоте...».

«Действительно, мой господин, – писал Эрнан Кортес, продолжая описание этого сказочного города, когда красноречие Берналя Диаса иссякло, – огромный город Теночтитлан... построенный посреди этого соленого озера и на две лиги удаленный от любой точки на берегу, соединяется с сушей четырьмя насыпными дорогами... шириной двенадцать футов... Город по величине не меньше Севильи или Кордовы... что же до владений Монтесумы в целом, то они так велики, что я не в состоянии определить размеры его царства...»

Все это – несмотря на фантастические подробности в духе «Тысячи и одной ночи» – археология полностью подтвердила. Испанцы увидели образ жизни, полной роскоши, такого уровня, какого не достиг ни один другой народ в Америке.

Как же он сложился?

Ответ – а лучше сказать, объяснение – заключается в истории культуры, сложившейся задолго до ацтеков.

Появление человека в Америке

Никто точно не знает, когда именно человек впервые переселился в Америку. Все согласны с тем, что человек явился туда уже в человеческом облике, а не развился из какого-либо человекообразного существа на самом континенте (таких в Америке не было). Но как он прибыл туда? И прибыл ли он социально развитым, культурным существом, полностью сформировавшимся на берегах Азии («Отчего, – возмущался Геродот, – все континенты обязательно носят женские имена?») и случайно забредшим на новую землю по следам млекопитающих через Алеутский сухопутный мост с окраин Монголии в Америку? Или это были волны миграций, источником которых на протяжении длительного периода была плодород-

ная почва Азии, и люди достаточно знали о том, что там, за морем, «что-то есть», век за веком продолжая переселяться? Или человек приплыл сюда в хрупких выдолбленных суденышках по бурным морям, полностью облаченный в культурные доспехи, чтобы утвердиться во главе своих недоумков сородичей, прибывших сюда раньше?

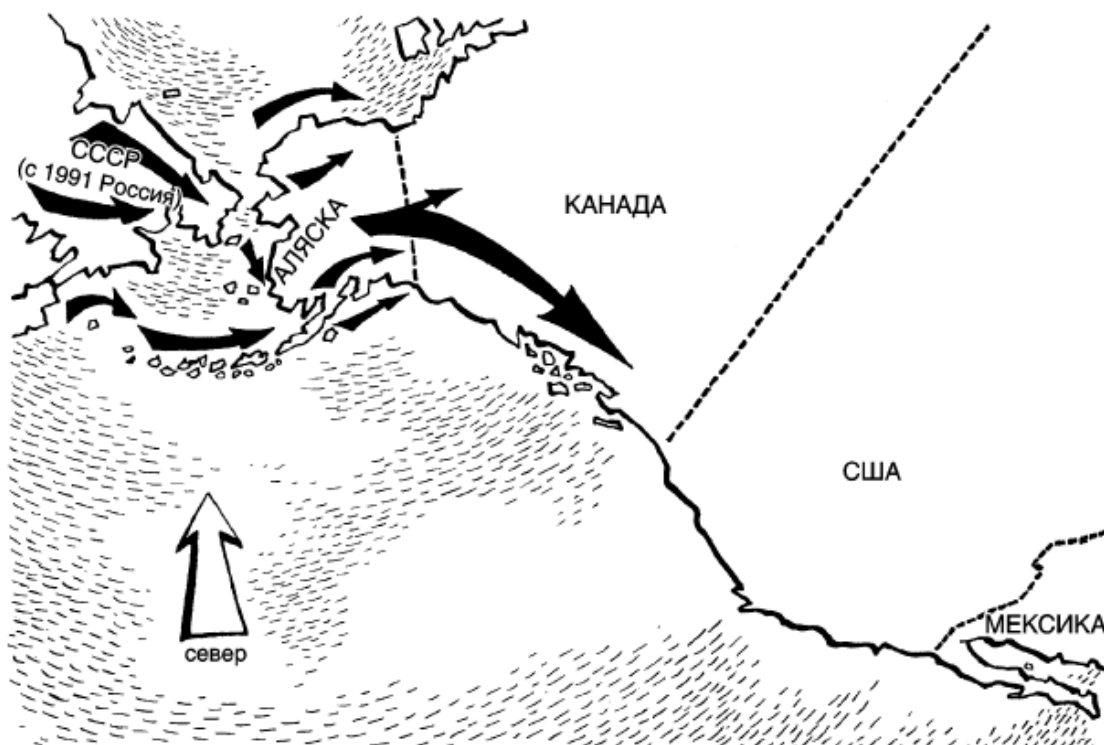

Рис. 4. Возникновение человека в Америке

Никто этого не знает. И споры об этом так же стары, как и открытие Америки. Всеведущая церковь тотчас же столкнулась с реальностью. Если потоп, как он подробно описан в Библии, действительно был, если он уничтожил все человечество, кроме Ноя и его семьи, избранных, чтобы вновь заселить землю, то как же эти американцы добрались до своего континента и кто они такие? Там, где отказывала богословская логика, торжествовала диалектика: конечно же индейцы – это евреи, из забытых «колен Израилевых». Существует немало кропотливо разработанных научных трудов на эту тему, написанных первыми святыми отцами в Америке. Некто Диего Дуран – рациональная часть его исследовательской работы в Мексике часто используется в данной книге – писал, что «предположение это подтверждается... эти туземцы принадлежат к «десяти коленам Израилевым», которых пленил ассирийский царь Салманасар и привел в Ассирию во время царствования Осии, царя Израиля». Возможно, церкви и удалось бы разрешить загадку «божественной антропологии», но не удалось разрешить ее среди философов; знаменитый Гроций Гуго де Гроот (1583–1645), один из основоположников международного права, в XVII веке полагал, что североамериканские индейцы были скандинавами, перуанцы – китайцами, а бразильцы – африканцами. На это тотчас же откликнулся его соотечественник Йохан де Лаэт, доведенный до бешенства столь нелепым умозаключением. Нужно быть болваном, писал он, чтобы не увидеть, что американские дикари на самом деле являются скифами. К этому времени в спор вступили писатели кромвелевской Англии. Томас Тарогуд утверждал, будто слышал от голландского раввина, побывавшего в гостях у еврейской общины в Перу, что у индейцев существовал обряд обрезания. Этого ему было достаточно, чтобы написать брошюру под названием

«Евреи в Америке». Но вскоре ему бросил вызов другой автор, чье сочинение называлось «Американцы не евреи».

Это продолжалось веками. Эдвард Кинг, виконт Кингсборо, пал жертвой этого спора. Церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней, чья священная «Книга Мормона» прослеживает эту генеалогию, даже сейчас финансирует «Золотыми табличками Морони» весьма сомнительные исследования в поддержку теории о том, что американские индейцы – потомки одного из израильских племен.

Антропологи были бы в восторге, имея они столь простые объяснения заселению Южной и Северной Америки; но вместо этого...

Вместо этого есть множество теорий самого разнообразного свойства и на всякий вкус. Одна из них, долгое время бытовавшая в среде антропологов, состоит в том, что человек отправился в путь из Азии свыше сорока тысяч лет тому назад, будучи на крайне примитивной ступени развития в начале эпохи неолита⁴, и его культура на новой, американской, почве развивалась самостоятельно. Волна миграций по суше остановилась после климатических изменений и после того, как «сухопутный мост» через Берингов пролив, подвергавшийся тогда, как и в настоящее время, постоянным землетрясениям, то поднимаясь, то опускаясь, в конце концов погрузился в воды Северного Ледовитого и Тихого океанов. (Сухопутный мост начинал действовать, когда уровень Мирового океана падал (иногда до 200 м) в результате связывания огромных масс воды в ледниках в периоды оледенений. – *Ред.*)

Эта теория, на которой громоздились археологические теории, с разных сторон подвергается осаде; археологи, ботаники, географы критикуют ее как несостоятельную. Существует пятьдесят «поразительно сходных» черт между культурами тихоокеанских островов и американскими культурами, которые можно объяснить только их распространением за пределы Тихого океана. Сторонники этой теории утверждают, что сообщение между континентами на плотках или морских судах с приспособлениями для повышения устойчивости на волнах было делом обычным. И хотя доказательств нет, эти теории основывались на вере, а теперь, в последние годы, на пылких чувствах. Но чувство не приводит причины – у него их нет; причины должны быть даны чувству. Прямые доказательства отсутствуют по обе стороны антропологического барьера. Аргументов, весомых и незначительных, имеется множество. Это заставило одного британского ученого заключить, что «однако, обоснованность подобных аргументов – а с обеих сторон имеются [сильные доводы] – как правило, не считается убедительной, и, вероятно, следует признать, что позиция, занимаемая каждой из сторон, подкрепляется верой...»

Тем не менее до тех пор, пока кто-либо не явится с тщательно взвешенными фактами, следует считать, что американский индеец имеет свои культурные истоки *здесь*. Человек в эпоху раннего неолита был сухопутным скитальцем, а не мореходом; он шел по следам животных и вышел из Азии по сухопутному мосту, которым с незапамятных времен пользовались млекопитающие. Так что, в соответствии с изначальным лейтмотивом, который позволяет мне выбирать «в соответствии с моими склонностями и пристрастиями, вкусом и фантазией – словом, как художнику», все произошло следующим образом.

Был конец последнего оледенения, и формировался новый мир. Ледниковые щиты, благодаря которым в значительной части мира царила зима, начали таять и изливаться в волнуемый океан шумные потоки ледяной воды. Растения, которым удалось выжить, выгнали бледные ростки сквозь почву тундры; споры семян, занесенные потоками теплого воздуха,

⁴ Неолит, или новый каменный век, представляет собой период, когда люди начали производить себе пищу (после 5000 года до н. э. и ранее); до него была эра мезолита (10 000 лет до н. э.), когда человек был охотником и рыболовом; в эпоху палеолита (15 000 лет до н. э.) человек занимался собирательством и иногда охотой. Все ранние культуры «Благодатного полумесяца» на Ближнем Востоке: шумерская, египетская и др. – начинались в конце неолита, в переходный к бронзовому веку период.

дали корни, и под влиянием климатических изменений буйная растительность постепенно узурпировала бывшие владения льда. На поверхности этой незнакомой новой зеленой земли, спустя долгие этапы эволюционного роста, появился человек – *настоящий* человек. Он не остался за границами человеческой памяти; три сотни веков назад он создавал зооморфные рисунки на стенах пещер, достоверные резные изображения бизонов, мамонтов, оленей, волков. Физически этот человек уже вполне сформировался; он обладал разумом, умел украшать себя и знал способы выживания. Многочисленные стада млекопитающих, бродивших по земле, вскоре познакомились с этим царем природы, умевшим пользоваться орудиями труда. Он последовал за ними, двигаясь вокруг Средиземноморья и пересекая его. Он прошел через пустынные земли Нила, леса Индии, Явы, Китая и всю Евразию. Наконец, он вторгся в область, которая сама по себе представляла отдельный мир, именуемый Монголией.

В первобытных людях в течение тысячелетий происходили метаморфозы: потомки становились отличными от них людьми. У жителей Восточной Азии были черные жесткие волосы и прямые, плоские, безбородые лица с выступающими скулами и отмеченные особой складкой у внутреннего угла глаз, именуемой эпикантусом. В это время они уже пользовались каменными орудиями в качестве орудия труда. Некоторые из них затем видоизменились и, выйдя за пределы своего мира, перешли в совершенно новый: сорок тысяч лет назад эти люди с монголоидными глазами и лицами, следуя по северным тропам за млекопитающими, впервые вторглись в Америку.

Первобытный человек вошел в Америку через «крышу». Почти на две тысячи километров к западу от Аляски тянутся острова. Будучи геологическими остатками вулканического происхождения, они простираются бесконечной цепью через Берингово море к берегам Сибири. Когда-то эти острова были сухопутным мостом, связующим звеном между континентами, и по ним в течение многих столетий двигались стада верблюдов, тапиров и мамонтов из Америки в Азию. (Основной сухопутный мост был все же севернее – в районе Берингова пролива. Цепь же островов (Алеутские и Командорские) не образовывала сухопутный мост до самой Камчатки, однако люди из Азии использовали и его, проплывая небольшое расстояние на подручных средствах. – *Ред.*)

Когда этот человек пришел в Америку, был конец последнего оледенения. Мы знаем о его присутствии, поскольку он оставил свои кости, перемешанные и окаменевшие вместе с костями вымерших животных. На протяжении веков, последовавших за этим переселением, люди двигались на юг по свободному ото льда аляскинскому коридору в сторону обширных земель Америки. За пять веков они проникли в самые отдаленные уголки континента, от скованного льдами севера до покрытого льдами юга, охватив в конечном счете все 135 градусов американской широты. Живя здесь по берегам замерзших или тропических вод, на высотах от уровня моря до нескольких тысяч метров, в лесах, на травянистых равнинах или пустынях; в одних местах – впроголодь, в других – в изобилии; в полярных областях – с ночью длиной до полугода, у экватора – продолжительностью двенадцать часов; среди живительных ветров или страдая от болезней, – древний человек в Америке, сильно меняясь в зависимости от природной и культурной среды, становился новым человеком – *Ното Американус*.

В 5000 году до н. э. этот американец не слишком отличался по своим культурным достижениям от первобытного человека в каком-либо другом месте. В то время, когда человек, например, в долине Нила выращивал просо и ячмень и закладывал основу сельского хозяйства, на которой должна была расцвести египетская цивилизация, «американец» отбирал дикие растения, которые станут его маисом (кукурузой), картофелем, томатами (помидорами), бобами и плодами из семейства тыквенных и на основе которых он также построит свою цивилизацию.

Лишь в одном отношении – и это важно для истории американской культуры – американец отличался от жителя Евразии. В Америке не было железного века: человек здесь так и не вышел за пределы неолита и раннего бронзового века, и его орудие труда, хотя он и создал мягкую бронзу, в основном оставались орудиями труда каменного века.

К этому времени египтяне достигли своего культурного апогея и воздвигли в 2100 году до н. э. храм Амона; возникла и погибла цивилизация шумеров в Месопотамии; мифический Кадм оставил людям в наследство алфавит, а расцвет и величие, которые будут ассоциироваться с Грецией, все еще были представлены отдельными группами эллинов, находившихся на крайне примитивном уровне развития.

В Америке к этому времени период великих скитаний подошел к концу; обширные пространства Америки заполнились людьми. На этих территориях возникли различные культуры. В северных регионах плосколицые, коренастые эскимосы по-прежнему проживали в условиях ледникового периода. На равнинах Северной Америки высокие зоркие обитатели вигвамов приспособливали свою жизнь к ритму жизни кочующих животных. Далее на юг, где солнце дольше дарило свои ласки, индейцы, ставшие отчасти оседлыми, выращивали растения и под защитой скальных выступов возводили простые постройки своих поселений. На другом конце Америки, на диаметрально противоположном юге, огромного роста жители Огненной Земли, обернув свое тело шкурами гуанако, ходили по замерзшей тундре, оставляя следы своих широких ступней, «патагонес», на земле огня, «Терра-дель-Фуэго».

В непроходимых джунглях той же Южной Америки обнаженные индейцы с заточенными зубами охотились на человека и зверя; а к западу от этих селений, расположенных на берегах Амазонки и Ориноко, в краю заката лежали Анды. Там, в высокогорных холодных долинах, где преобладали серые и коричневые тона, люди, обладавшие большим объемом легких, создавали великую цивилизацию. Вокруг холодного озера в Андах под названием Титикака народ, говоривший на языке аймара, к 1000 году до н. э. заложил основы сельскохозяйственных структур, которые превратятся в Тиауанако, в то время как вокруг него, разбросанные по горам, жили множество других племен, говоривших на родственном языке кечуа. Со временем эти «инки» создадут, объединив все другие племена Анд, огромную империю. К северу от инков обитали индейцы-киту; к северу от киту лежала территория племени чибча, чей диковинный обычай, согласно которому их «царь» должен был смывать в горном озере золотой песок со своего тела, породил миф об Эльдорадо.

Между этими географическими монстрами, Северной и Южной Америкой, лежала Центральная Америка, и в частности Мексика, чьи горные хребты были усеяны действующими вулканами. Именно Центральной Америке предстояло стать родиной великих цивилизаций древней Америки.

Большая часть Мексики имела однородную культуру. Независимо от того, были ли это тотонаки, тольтеки, сапотеки, уастеки (хуастеки), майя или ацтеки, племя вырастало из семьи; мясной рацион разнообразила продукция неразвитого сельского хозяйства: на выжженных участках земли семена опускали в ямки, проделанные обожженной палкой. Сельское хозяйство вращалось вокруг кукурузы как основного продукта питания, а общество в те времена как не имело никаких механизмов, так и не обзавелось ими впоследствии. Тяглового скота не было; мерилем скорости были ноги. Одежанием служила набедренная повязка; мужчины ходили в сандалиях, а женщины носили короткую юбку-пояс из хлопчатобумажной ткани; грудь была обнажена, а ноги босы.

Во всех этих племенах общество было организовано на основе кровного родства; единицей в племени был род, и у каждого рода было свое тотемическое имя. Вместе они составляли племя, объединенное не только общим владением землей, но и кровными узами. Столь же однородной была и их религия. Вера была анимистической: все в их мире, одушевленное и неодушевленное, обладало «душой», все было живым, чувствующим, своенравным.

Богов, как добрых, так и злых, следовало задабривать; и искусство, когда оно развилось, оказалось подчиненным метафизике этой теологии. Ремесло каменотеса здесь было развито повсеместно. Волны культурного наследия приливали и отливали во всех племенах Мексики и Центральной Америки до тех пор, пока то, что было исключительным культурным достоянием одного племенного сообщества, не начинало широко применяться у всех. Не происходило больше никаких культурных вторжений ни из Европы, ни из Азии – внутри самих себя и своими силами обе Америки создавали свой собственный мир.

Доацтекские культуры

Теночки-мешики, именуемые ацтеками, были последними, кто прибыл в долину Анауак.

С исторической точки зрения они явились настолько поздно, чтобы стать властителями Мексики, что многие другие великие цивилизации уже возникли и исчезли, став лишь зыбкими воспоминаниями, сохранившимися в мифологии. Единственной причиной того, что «ацтеки» так глубоко вошли в историю и стали известны людям, является то, что во время испанского завоевания в 1519–1521 годах они были здесь главным государством – сборщиком дани, хотя их власть распространялась лишь на часть Центральной Мексики. Несмотря на это, когда понятие «ацтек» ворвалось в Европу, оно врезалось в память людей. Сегодняшняя Мексика в ту пору не имела общего названия, и, таким образом, название островного, живущего данью государства Мексика было присвоено всему краю.

И лишь гораздо позже, когда испанские святые отцы-хронисты начали расспрашивать индейцев об их происхождении и вере, им открылось существование предшествующих цивилизаций, которые были намного древнее и удивительнее ацтекской.

Десятилетия всех кропотливых археологических исследований в итоге раскрыли многое об этих доацтекских культурах; с каждым годом ученые все дальше проникают в глубь времен. «Почва стала нашим хранилищем, – написал Жорж Вайян, – лопата – нашей лупой, и в этом хранилище, которое природа всегда разрушает, рассеивая наши материалы по всей земле», ученые нашли и продолжают находить новые археологические данные.

К 1000 году до н. э. все великие переселения закончились. Народы заселили плодородные земли и начали возводить города-храмы. В центральной гористой части Мексики, в жарких краях в районе Веракруса и в горах Гватемалы они заложили свои города. Человек в Америке стал оседлым; он создал сельское хозяйство и узнал, что такое свободное время. В тот же период в «других краях» финикийцы изобретали алфавит, греки-дорийцы вторглись на Пелопоннес, а редко заселенная Европа выходила из периода грубого варварства.

Одно племя уже явно обозначило себя: ольмеки (800. до н. э. – 600 (?) н. э.), которые проживали в тропиках Веракруса и Табаско; 800 год до н. э. отмечает в Мексике начало доклассического периода.

Долгое время предполагали, что культура ольмеков окажется одной из древнейших культур, и в настоящее время метод радиоуглеродного датирования предметов из ольмекского поселения в Ла-Венте подтвердил данные о том, что ольмекские постройки «видимо, были созданы и использовались в течение четырех столетий... в 800–400 гг. до н. э.».

В ацтекской мифологической истории ольмеки были известны как «народ, живущий там, где восходит солнце», а их записанная иероглифами история показывает, что их райское «богатство» заключалось в каучуке, смолах, нефрите, шоколаде и птичьим оперением. Нам неизвестно, как они сами себя называли. «Ольмеки» – производное от *олли* (резина); их символическое обозначение, которое часто воспроизводится, – это дерево жизни, «плачущее древо». Они торговали резиной и, по-видимому, делали резиновые мячи, которые использовались в игре под названием *тлачтли*. Талантливый и загадочный народ, они появились не

позже 1000 года до н. э. на землях вдоль перешейка Теуантепек (где территория Мексики сужается между двумя океанами), но особенно густо они селились в районе бассейна реки Коацакоалькос на побережье Мексиканского залива. На протяжении многих веков погребальные курганы и пирамиды, возведенные ольмеками, были скрыты под покровом тропической растительности; здесь археологи обнаружили предметы, вырезанные из нефрита, искусно слепленные фигурки из глины «беспрецедентно высокого художественного качества», как свидетельствует о том Мигель Коваррубиас.

Лишь сравнительно недавно Мэтью Стирлингом были извлечены из земли огромные ольмекские каменные головы. В Трес-Сапотесе он обнаружил гигантскую голову высотой около 2,5 м с плоским носом и с чувственными толстыми губами. Скульптура эта выразительна и реалистична; такую манеру изображения невозможно обнаружить ни у какого другого народа, и, увидев ее однажды, ее уже невозможно забыть или спутать с чем-то иным. Потом были найдены другие каменные головы; есть созданные в том же стиле резные маски, головы меньшего размера и топоры, и все это – все те же коренастые фигурки с проткнутыми носами, с выраженными монголоидными чертами и узкими щелками вместо глаз. Они были обнаружены на весьма удаленных друг от друга территориях. Однако огромные памятники ольмеков находят, главным образом, между Веракрусом, Табаско, горной Гватемалой и Оахакой – все это определено ольмекские владения. Стела из Трес– Сапотеса, испещренная черточками и точками, несет на себе то, что общепризнанно считается самой ранней из зарегистрированных дат в истории Америки: 31 год до н. э.

Только сейчас комплексы построек ольмеков начинают привлекать к себе внимание. У ольмеков были города-храмы, вертикальные каменные стелы, на которых отмечен бег времени или запечатлены важные события; ступенчатые пирамиды, внутренние дворы, игра в мяч под названием *тлачтли*, – все это являлось широко распространенными у них особенностями культуры. Ольмеки все еще проживали на своих исконных землях в тропиках, когда появились первые испанцы. Об ольмеках нет никаких записей, помимо замечания о том, что они татуировали свое тело, инкрустировали зубы нефритом, уплощали себе головы, выщипывали волосы на лице, охотились за головами как за трофеями, сдирали с них кожу и высушивали на манер индейцев хиваро с верховьев Амазонки, которые делали *тсантса*, сувениры из высушенных человеческих голов.

Искусство ольмеков уникально – оно отличается простотой, прямоотой и силой. Ничего похожего невозможно найти во всей Мексике. Но помимо этого «искусства», они, вероятно, обладали определенной социальной динамикой, чтобы наложить свой отпечаток на историю культуры Мексики.

Майя (2000 до н. э. – 1697 н. э.), которые появились раньше, оказали огромное влияние на развитие культуры в Мексике и просуществовали дольше всего. В течение какого времени они строили свои города-храмы, прежде чем возник их первый календарь, неизвестно. Самая древняя стела в Уашактуне (Вашактуне) датируется 328 годом н. э.

Рис. 5. Ольмекская культура, символом которой служат огромные каменные головы с толстыми губами и широкими ноздрями, обнаруженные в зарослях тропической растительности в штатах Веракрус и Табаско. Культура ольмеков датируется от 800 года до н. э. и более поздним временем

С древнейших времен между всеми этими народами существовал взаимный культурный обмен. Обширная торговая зона – район Шикаланго в Кампече – служила у майя центром контактов с окружающим миром, где в условиях мира товары, произведенные в их краях, обменивались на товары из Центральной Мексики. Владея обширными, по традиции принадлежавшими их племени землями, майя, не подвергаясь серьезным вторжениям извне вплоть до XII века, усовершенствовали свой календарь, иероглифическое письмо и резьбу по камню и создали сложные храмовые города, которые еще можно увидеть в наши дни. Их влияние на другие культуры высокогорных плато Мексики было весьма заметным.

Монте-Альбан (500 до н. э. – 1469 н. э.), обрядовый центр и храмовый город, расположен над высокими безлесными холмами в штате Оахака. Он смотрит сверху на долину и современный испано-язычный город Оахака. Монте-Альбан – один из древнейших городов в Мексике, люди жили в нем с самого раннего доклассического периода, быть может, с 1000 года до н. э., вплоть до прихода испанцев в 1522 году. Этот огромный отрезок времени протяженностью двадцать пять веков разделяется на пять археологических пластов. Его происхождение покрыто тайной. Доктор Альфонсо Касо, который открыл Монте-Альбан и постоянно работал в нем в течение двадцати лет, полагает, что внешние постройки Монте-Альбана датируются не позднее 500 года до н. э. Даже в то отдаленное время его жители уже создали иероглифическое письмо, календарь и законченную систему представлений о происхождении мира.

Рис. 6. Искусство сапотек, центром которого был Монте-Альбан и его окрестности, представлено этим характерным образцом погребальной керамики

Кто были эти древние строители? С самого начала, по-видимому, это был «город богов», пусть и без жителей, куда приходили как мужчины, так и женщины. Прежде чем город (его настоящее название неизвестно) приобрел свой сапотекский облик, в нем с древнейших времен существовал храм с фризом из пляшущих фигур, выполненный в стиле ольмек, «выразительный и загадочный образец древнего стиля, запечатлевший чудовищ». Эти фигуры и стелы, созданные в манере ольмек, вместе со все еще не поддающимися расшифровке иероглифами, остаются главной тайной Монте-Альбана.

Становится понятно, насколько давно все это происходило, если вспомнить, что в тот же период мировой истории Навуходоносор разрушил Иерусалим и увел иудеев в «вавилонский плен». Персидский царь Кир находился в зените могущества, а весь Средний Восток был охвачен духом экспансии. К тому времени, когда народы Мексики начинали возводить свои города-храмы, персы (Камбис) покорили Египет и собирались вторгнуться в Грецию (Дарий I, Ксеркс). И хотя у американских аборигенов не было стимулов, которые давал «Благодатный полумесяц» на Ближнем Востоке, – он подарил миру колесо, железо (железо впервые было получено в горах Хеттской державы. – *Ред.*) и алфавит, – они далеко продвинулись в деле градостроительства, письменности и скульптуры.

Примерно в 300 году Монте-Альбан вступил в переходный период, сбросил влияние майя и обратился к собственным, сапотекским истокам. В течение четырех последующих столетий главная его площадь была расширена, сооружены храмы, пирамиды, площадки для игры в мяч и покрытые фресками гробницы.

Миштеки (668⁵ —1521), чьей столицей была Чолула (близ Пуэблы), с точки зрения географии занимали буферную зону между побережьем и плато. На них обрушивались все периодически поднимавшиеся волны завоеваний сначала с побережья (ольмеки), затем с нагорья (тольтеки). Впоследствии миштеки сами стали завоевателями; после 1350 года они распространили свое влияние дальше на юг, на Монте-Альбан, только для того, чтобы вскоре (после 1450) попасть под власть ацтеков.

У миштеков существовали поразительные сказания о самих себе. Представитель индейской знати по имени Иштлильшочитль писал в XVII столетии о великанах и ольмеках и, подробно, о пирамиде, посвященной Пернатому Змею, самой большой пирамиде в Северной и Южной Америке. Кецалькоатль был таинственной фигурой, известной на территории всей Центральной Мексики и Юкатана. Можно допустить, что он когда-то существовал (впоследствии тольтекские правители заимствовали это имя в качестве приставки к титулу — подобно тому, как мусульманские правители в настоящее время носят имя своего пророка; или подобно римским правителям, которые называли себя «цезарями»). Трудно отделить человека от мифа. Кецалькоатль был творцом, жрецом и правителем, родившимся в результате непорочного зачатия спустя годы после смерти своего отца (его мать забеременела, проглотив кусочек нефрита). Он оставался правителем тольтеков на протяжении двадцати лет. Кецалькоатль жил в Туле (Толлане) и, потерпев поражение в гражданской войне⁶, бежал вместе с большой группой вооруженных тольтеков, достиг реки Коацакоалькос в день 1-Тростник по ацтекскому календарю (знак, под которым он родился), и отплыл в открытое море, пообещав вернуться в такой же год и день.

⁵ Эту дату вычислил Коваррубиас путем вычитания пятисот лет оккупации ольмеками земель миштеков, о которых упоминает Хуан де Торквемада в своем труде «Monarquía Indiana» (Мадрид, 1723), из 1168 года, даты, когда ольмеки были изгнаны из Чолулы.

⁶ Возможно, это была настоящая политическая борьба за власть между сторонниками двух концепций правления: миролюбивый «положительный» Кецалькоатль против «отрицательного», наводившего ужас Тескатлипоки («Дымящееся Зеркало»); всему этому было дано рациональное объяснение для «соотнесения исторических событий с более древним мифом».

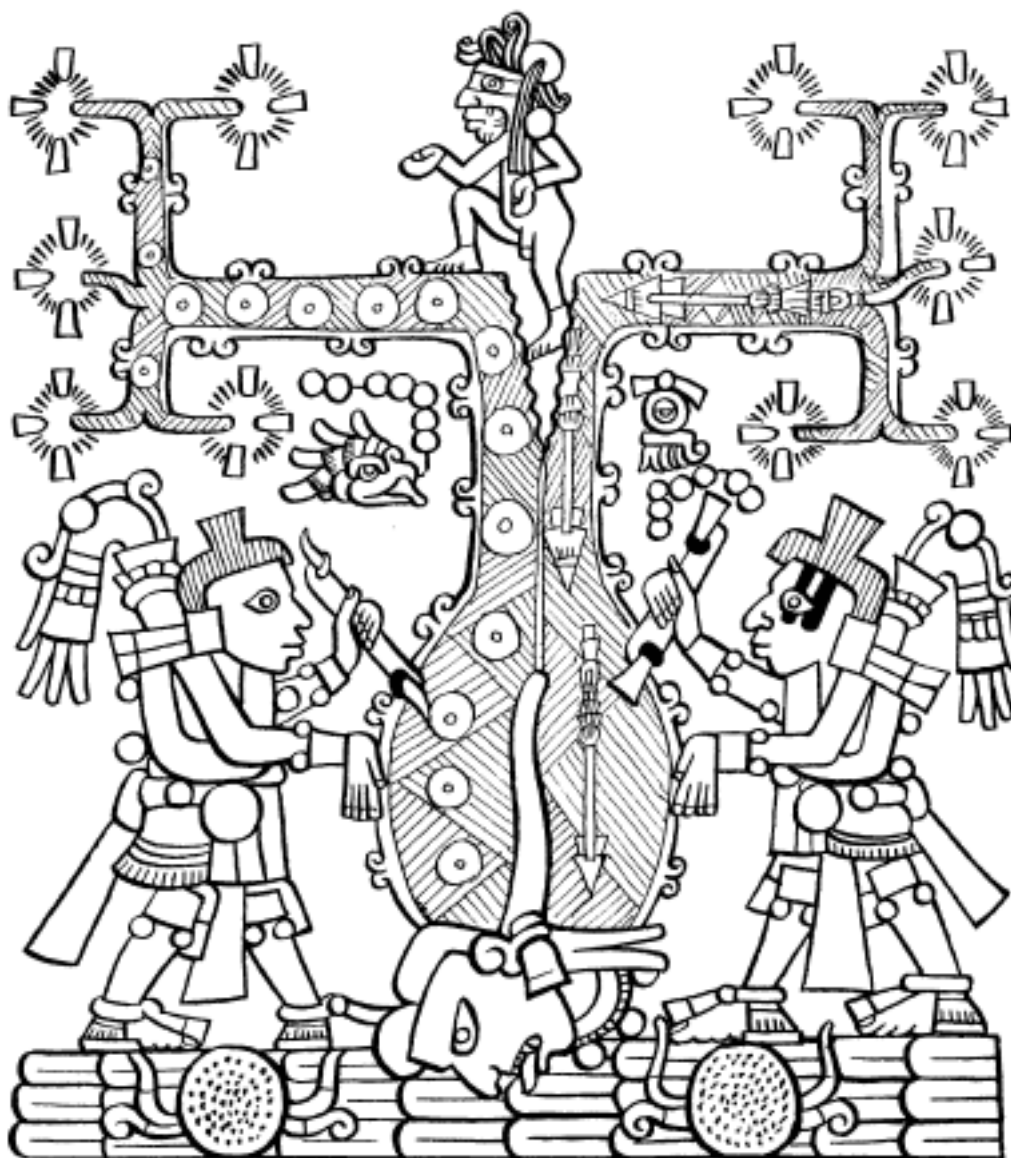

Рис. 7. Внешне искусство миштеков имеет сходство с ацтекским. Цивилизация миштеков, возникшая не позднее 700 года до н. э., имела свой центр в нынешней Чолуле. Иллюстрация взята из части миштековского кодекса – это миф об их происхождении

Он оставил свой след среди миштеков, которые, подобно другим высокоразвитым народам в этот период, имели письменность и бумагу (некоторые миштековские кодексы сохранились). Миштеки далеко продвинулись в искусстве строительства, в области сельскохозяйственного и социального планирования, и, несмотря на грабительские войны и завоевания, их культурное влияние длилось тысячи лет; они сильно повлияли на ацтеков.

Уастеки (хуастеки) (500 до н. э. – 1521 н. э.) населяли земли к северу от Веракруса и дальше в глубь материка, включая горную Мексику (в настоящее время это штаты Тамаулипас, Сан-Луис-Потоси, Идальго и Керетаро). Как было установлено, они также являлись одной из древних культур и пребывали в более или менее постоянной активности на протяжении двух тысяч лет, но после прихода испанцев о них ничего не известно. Отличительные черты искусства уастеков были известны уже многие десятилетия, однако только раскопки, проведенные за последние пятнадцать лет, открыли миру архитектуру уастеков.

Тотонаки, «открытые» собирателями предметов современного искусства благодаря своеобразному стилю в искусстве, также появились в доклассический период. Насколько известно, культурное присутствие тотонаков не прерывалось в Центральном Веракрусе примерно с 500 года до н. э. вплоть до прибытия в 1519 году Эрнана Кортеса. Они образовали своего рода лингвистический «сэндвич» между ольмеками и уастеками (последние в этническом и языковом отношении были родственны майя). Страна тотонаков в течение многих десятилетий создавала «самые прекрасные и утонченные образцы индейского искусства»: глиняные, всегда смеющиеся фигурки ручной работы; «смеющиеся головы» и насаженные на шип каменные головы в натуральную величину, предназначенные для крепления на стенах в качестве архитектурного украшения; необычные U-образные предметы величиной с конский хомут, напоминающие его по форме и по размеру, вырезанные из полированного зеленого или черного камня, изящно украшенные и предназначенные для неизвестной цели.

Это веселое сибаритское искусство являет собой резкий контраст по отношению к строгим формам искусства майя или ацтеков. Они также оставили после себя внушительное число городов-храмов, которые, пусть покрытые джунглями и разрушенные веками, по-прежнему сохраняют свою форму, так что мексиканские археологи имеют возможность их восстановить. Вся эта культура, взращенная тысячелетиями, была в распоряжении ацтеков.

Рис. 8. Одна из «смеющихся голов» тотонаков

После 200 года до н. э. в долине Анауака на нагорье в Центральной Мексике тольтеки научились лучше вести свое сельское хозяйство, и у них появились излишки продукции. Вместе с этим возник Теотиуакан.

Тольтек-Теотиуакан (около 200 до н. э. – около 700 н. э.), «город, где жили боги», расположенный в 42 км к северо-востоку от Мехико, своей величиной превосходит все созданное в Мексике и Центральной Америке (за исключением, быть может, Тикаля в Гватемале); остатки только одного этого огромного церемониального комплекса покрывают площадь 8

квадратных миль (т. е. около 13 км, автор несколько преувеличивает, на самом деле 7,5 км². — *Ред.*). Поражает воображение то, как тольтекам в столь древний период удалось организовать такое большое количество людей, имеющих в достатке свободное время и не озабоченных борьбой за добывание пропитания, построить и обслуживать такой огромный религиозный центр. Теотиуакан пользовался такой известностью, что он послужил моделью для всех последующих городов-храмов, и тольтеки остались (даже когда их памятники скрыла земля и растительность и они превратились лишь в смутные воспоминания) в памяти жителей Мексики искусными строителями, и с тех пор все мастера-ремесленники, особенно живописцы и создатели *тлакуило*, именовались «тольтеками» вплоть до ацтекских времен.

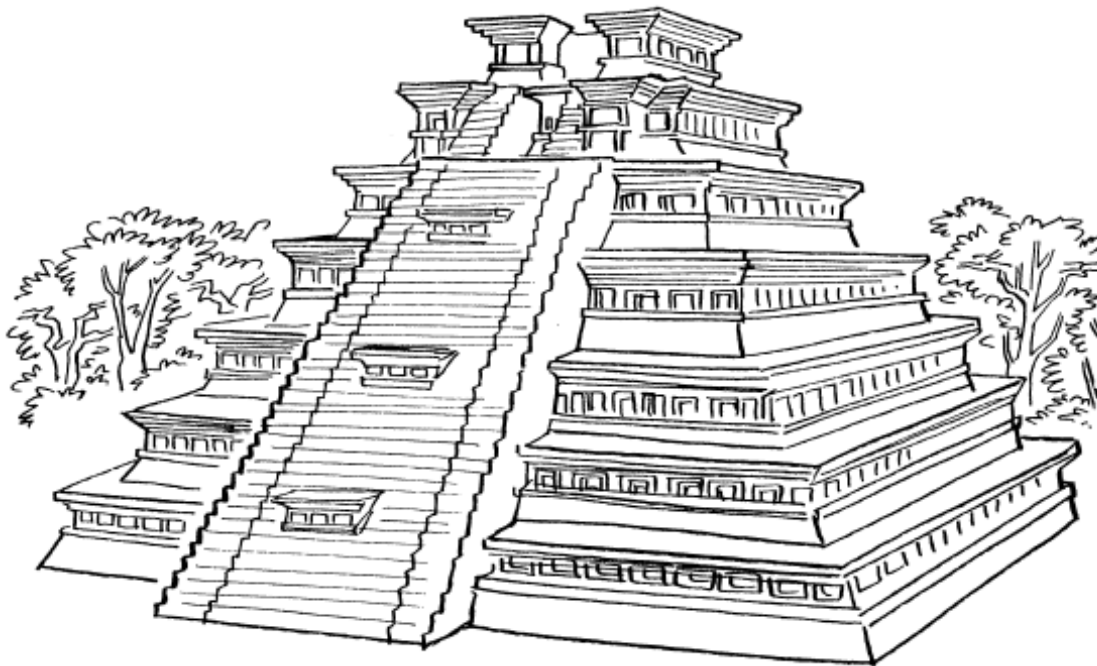

Рис. 9. Типичные особенности архитектуры тотонаков представлены в храме в Эль-Тахине (Тахине), Веракрус. В нишах располагались небольшие идолы; храм находился на вершине пирамиды. Тотонаки появились в 500 году до н. э. Это племя было в расцвете своей культуры, когда в 1519 году прибыл Кортес

История тольтеков, которая становится яснее, если читать ее в свете современных археологических находок, обнаруживается в «Летописях Куаутитлана»; позднее менее умозрительная литература и дальнейшие исследования и раскопки заполнили ее пробелы. Тольтеки ткали ткани из хлопка, и это означает, что они поддерживали связь с регионами с жарким климатом, поскольку хлопок не растет на высокогорных плато. Мужчины носили более плотные одежды в холодную погоду, а женщины одевались в свободные *уипилли* и юбки, обернутые вокруг тела. Воины тольтеков носили (как и ацтеки тысячелетием позже) доспехи из стеганой хлопчатобумажной ткани. Их оружие было такое же, как и у ацтеков; а их жрецы, как и жрецы ацтеков, ходили грязные, в нестираных черных балахонах, метя ими по земле. Тольтекские вожди одевались как простые люди, только их одежда была более тонкой работы, а браки были моногамными. В своих домах тольтеки строили паровую баню *темаскаль* — обычай, распространенный и у ацтеков.

Когда история тольтеков проявляется в окружающих ее мифах, она следует определенному шаблону. Некий жрец-звездочет вел их через Мексику до тех пор, пока люди не обнаружили плодородную долину. Там тольтеки построили свой город Толлан (или Тулу). Пере-

чень их царей в хронологической последовательности (вероятно, это повторялось нараспев веками) врезался в память так, что, когда в XVI столетии его повторили двуязычному писцу и записали на бумаге, он воспроизвел имена тольтекских правителей. В этой хронологии говорилось о влиянии тольтеков в период царствования их восьмого владыки, правившего всей землей между штатами Халиско на западе и Морелос на востоке, рассказывалось о сложных обрядах их политеистической религии и упоминалось о женщине по имени *Xochitl* (произносится как «шочитль»), которая ввела в обиход напиток, в настоящее время именуемый «пульке», подвергнув брожению сок американской агавы.

Подобно соперничавшим с ними племенам того же периода, тольтеки Теотиуакана обладали идеографическим письмом, племенными хрониками, книгами из бумаги *аматль*, которые в рисунках изображали их ошеломляющие исследователей представления о происхождении мира. Тольтеки также имели пятидесятидвухгодичный цикл, магический *тональ-поуалли* («счет судьбы»), систему прогнозирования, основанную на периоде, насчитывающем 260 дней, и лунный календарь для повседневного пользования. И они построили вызывающий благоговейный страх храмовый город Теотиуакан.

Теотиуакан просуществовал приблизительно с 200 года до н. э. до приблизительно 700 года н. э. Период его медленного заката прослеживается в найденной здесь керамике. Она отражает постепенные перемены, которые происходили в племени, потерявшем свое политическое влияние, но сохранившем уважение других племен. Иное племя, чичимеки, вторглось на территорию тольтеков и захватило остатки «империи». Но их поглотил хаос, который последовал между 1100 и 1300 годами вслед за «веком культурного единства». Тем временем тольтеки, теперь ставшие переселенцами, основали два новых культурных центра – Тулу (Толлан) и Шочикалько.

Тула (около 700—1156 (около 1175. – *Ред.*) представляет огромную важность. Тула, которая когда-то считалась чисто мифологическим вымыслом, породив ироническое замечание у одного автора о «туманной науке антропологии и точном искусстве мифа», получила археологическое подтверждение. Очень большое сходство ее архитектуры с городами страны майя, и в особенности с городом Чичен-Ица на Юкатане, подтверждает путь тольтеков в эти края, проделанный ими в XII веке. Является ли эта Тула легендарным «Толланом», который, согласно описанию хрониста– священника Саагуна, был прекрасным городом «богатых дворцов из зеленого нефрита и белых и красных раковин, где початки кукурузы и тыквы достигали роста человека, где рос разноцветный хлопок, а воздух был всегда полон редкими птицами с драгоценным оперением...»? Если Тула – это Толлан, то восемь веков, прошедших с тех пор, совершенно изменили этот край. Теперь земля здесь сухая, выжженная, пыльная, и ни одной здравомыслящей «ценной птице» не придет в голову туда залететь.

Рис. 10. Тольтек-Теотиуакан был классической культурой долины Мехико. Он просуществовал приблизительно с 300 года до н. э. до приблизительно 700 года н. э. Символ Кецалькоатля – змеиная голова в гирлянде из перьев кетцала (квезала) – принадлежит тольтекам

И тем не менее описание этого города не столь сказочно, как кажется на первый взгляд. Археологи обнаружили стены, покрытые замысловатой резьбой и росписью, ступенчатую пирамиду с остатками храма на вершине и символом Кецалькоатля – двумя каменными раскрашенными змеями высотой пятнадцать метров, которые служили «кариатидами» для изящных храмовых фасадов. Там были найдены скульптурные колонны для храма воинов; исполинские вырезанные из камня фигуры и этот скульптурный образ, который распространился дальше всего остального – полулежащая фигура Чак-Моола, безучастно глядящая в пространство и держащая каменный поднос, на который клали как пищу для богов трепещущие человеческие сердца. Точно такая же устрашающая фигура без каких-либо изменений будет вырезана и установлена в столице ацтеков, а другая окажется в тысяче километров восточнее, на Юкатане.

Шочикалько (около 700—1200), возникший благодаря тольтекам (или их влиянию), со своим знаменитым храмом Пернатого Змея, был построен приблизительно в то же время, что и Тула (около 700). Одинок раскинувшийся под солнцем поверх голых холмов не более чем в 30 км по прямой к югу от Куэрнаваки, он был одной из первых «руин», вошедших в литературу. Его исследовал Антонио Альсате в 1777 году, а рисунки, сделанные в нем, были опубликованы в 1810 году Александром фон Гумбольдтом.

Шочикалько, «город цветов», был церемониальным, а быть может, и административным центром для племен, которые жили в этом регионе. Занимая сильно укрепленную позицию, он расположен на самых высоких холмах и смотрит сверху вниз на два пресноводных, богатых рыбой и дичью озера, находящиеся в 3 км от него, и на плодородный край. Холмы были искусственно выровнены и террасированы для создания опорных пунктов на случай

обороны. Четыре дороги с четырех сторон света вели к главной площади, где высится храм Кецалькоатля. Ацтекам он был известен и оказал на них свое влияние.

Таким образом, культуры на земле Мексики существовали уже за двадцать пять столетий до того, как ацтеки появились на свете как организованное племя (мы перечислили далеко не все). К тому времени, когда ацтеки заявили о себе (ближе к 1200 н. э.), волны этих более древних культур уже неоднократно набегали и откатывались назад, охватывая весь этот край, опустошая одна другую и в то же время создавая все разнообразные аспекты того, что мы называем цивилизацией.

Рис. 11. Тула тольтеков. Этот сказочный город к северу от Мехико, как предполагается, был выстроен между 900 (около 700. – Ред.) и 1156 (около 1175. – Ред.) годами, и правил им Кецалькоатль. Множество тольтекских архитектурных форм найдены в городе Чичен-Ица на Юкатане

И наследниками всего этого явились ацтеки.

Глава 2 НАРОД

Происхождение ацтеков

Ацтеки появились в Анауаке, долине Мехико, в 1168 году. Это событие, зафиксированное в их идеографических хрониках, было соотнесено с нашим календарем; никто еще не усомнился в этой дате.

Теночки-ацтеки были безземельными скитальцами, «нуждавшимся» племенем, пришедшим с севера Мексики (некоторые считают, что с территорий, которые сейчас находятся на юго-западе США, но этому нет доказательств). Их родным языком был язык науатль, на котором говорили и тольтеки. Ацтеки ничего не имели; они скитались по земле, то ненадолго поселяясь в одном месте, то снова отправляясь странствовать и пытаясь отщипнуть краешек от чужих земель, пока не происходило вооруженное столкновение; после чего скитания возобновлялись. Дата «1168 год», безусловно, не говорит нам с уверенностью, что именно тогда началось заселение ацтеками Мексики, а всего лишь сообщает о том, что в то время, как полагает доктор Вайян, ацтеки, которые ничего собой не представляли с точки зрения культуры, начали пользоваться календарем, повсеместно использовавшимся уже на протяжении тысячи лет. Кто такие были ацтеки и откуда они пришли? Ответы на эти вопросы дают их мифохроники⁷. Подобно всем другим подобным мифам о своем происхождении, подобные истории отличаются в деталях, но не по основному содержанию. Инки вышли из пещер, грекам помог выйти из темного убежища божественный *autologos*; в христианских мифах в изобилии встречаются гроты, населенные божественным духом. Так и ацтеки. В какой-то пещере они нашли Мудреца Колибри, знаменитого Уицилопочтли (это имя испанцы так и не научились произносить и называли его Уичилобос – «ведьмоволк»). Этот идол дал им совет. Это был хороший совет: странствуйте, ищите земли, избегайте крупных вооруженных столкновений, высылайте вперед первопроходцев, пусть они сажают кукурузу, а когда созреет урожай, приходите и собирайте его; держите меня, Уицилопочтли, всегда при себе, несите меня, как знамя, кормите меня человеческими сердцами, вырванными из груди принесенных в жертву... И все это ацтеки выполнили.

Нам не известно даже приблизительно, сколько людей насчитывало племя мешиков-теночков, когда оно пришло в Анауак. Оно было очень маленьким: может быть, оно насчитывало тысячу человек, может быть, пять тысяч – вряд ли больше. По крайней мере, в таком густонаселенном регионе, как долина Анауак, они играли такую незначительную роль, что их появление на берегах озер прошло совершенно незамеченным, и нет никаких записей об их появлении в густых лесах Чапультепека на протяжении жизни поколения, жившего около 1250 года. Все это можно понять. Никто не считал «историческими» события, происходившие внутри других племен. История шла в вертикальном, а не горизонтальном направлении, в ней не было перекрестных ссылок. В течение этих «лет скитаний» ацтеки впитывали в себя культуру своих соседей. Их племя росло. У них появились враги. Ацтеки стали расширять свои владения. Так как в их кланах было слишком мало женщин, они стали прибегать к кражам женщин у других племен, и теперь их соседи во всей долине впервые узнали об ацтеках. Они подверглись нападению. Одна часть племени была обращена в раб-

⁷ Происхождение слова «ацтек» применительно к теночкам не является достоверным. По их словам, они пришли из какой-то сказочной страны Ацтлан, и по этой причине испанцы называли их «ацтеками». Совершенно точно известно, что до Конкисты они ни сами не называли себя так, ни их кто-либо другой.

ство, другая спаслась на одном из болотистых островков озера Тескоко. Те, кто остались, участвовали в войнах, которые вели захватившие их в плен люди. Во время этих войн они проявили такую храбрость, что, когда их спросили, какую награду они хотят, они попросили даровать им дочь вождя, чтобы с ее помощью создать уважаемый род. Их просьба была выполнена, но они принесли в жертву эту прекрасную девушку, содрали с нее кожу и надели ее на своего главного жреца, чтобы тот мог олицетворять собой богиню природы. Когда вождь пленивших их людей, отец девушки, прибыл к ним в великолепном наряде, он, естественно, ожидал, что будет присутствовать на свадебной церемонии. Вместо этого он обнаружил вышеописанное. Его гнев легко понять. Те теночки, которые спаслись в ходе бойни, которую устроили его воины, бежали и присоединились к своим соплеменникам на втором островке озера.

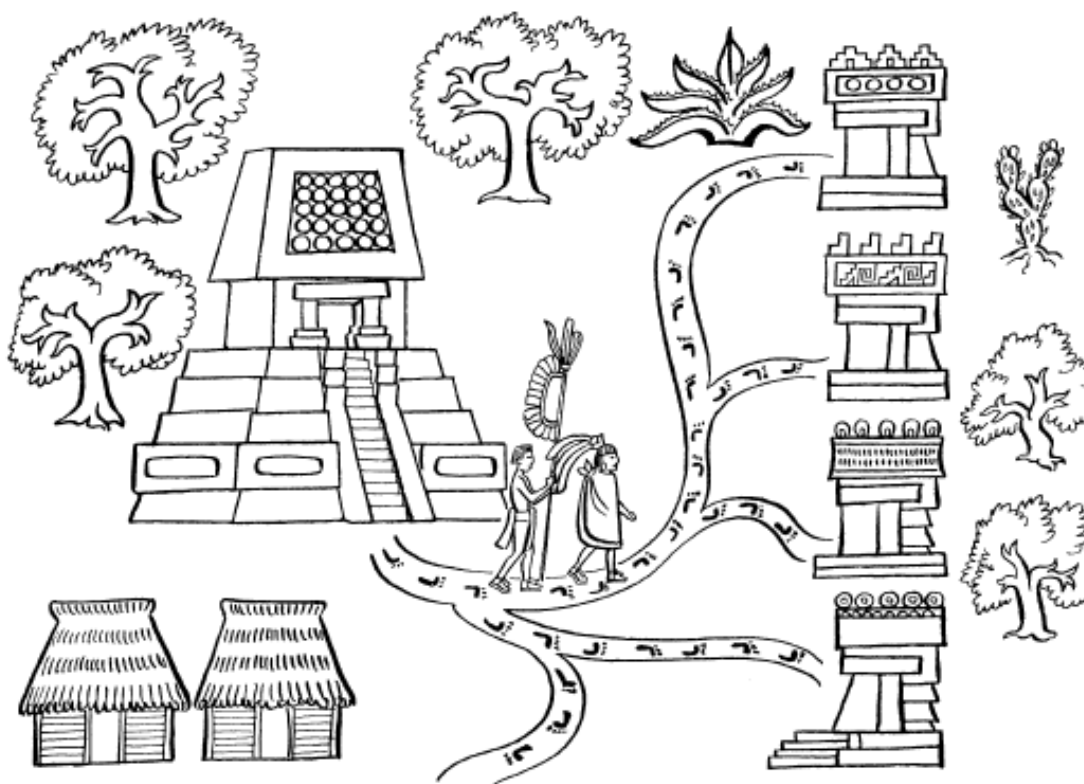

Рис. 12. Ацтекские храмы и дома; ацтекский правитель на пути к ним. Следы ног говорят о движении. Из ацтекского кодекса

Теночтитлан, островной город-государство, начал свою историю с 1325 года. Озер, на которых лежала зарождающаяся столица ацтеков и которые были такими же бесформенными, как свободно перемещающаяся протоплазма, было пять⁸. Они располагались в долине Анауак, которая представляла собой равнину, находившуюся на высоте около 2300 м над уровнем моря. С высоких заснеженных гор, окружавших ее, стекали бурные потоки, которые и наполнили эти озера – фактически одно озеро, имевшее около 80 км в длину, площадь поверхности около 1300 км², окруженное высокой и тонкой болотной травой. Озера были глубокими в одних местах и мелкими в других, особенно вокруг островков, на которых воз-

⁸ Эти озера составляли части одного озера, и названий было пять: озера Чалько и Хочимилько были пресноводными; озеро Тескоко – солоноватое, а самые северные озера Халтокан и Сумпанго – очень соленые.

ник город теночков-ацтеков. Насущной необходимостью для них в тот момент было жилье. Сначала были построены мазанки с крышами из тростника и болотной травы. Позднее, в том же самом году (1325), ацтеки открыли свой первый храм. Вначале, по соглашению с племенами, которые обитали по берегам озер, они получили разрешение использовать пограничные земли для выращивания растений. Эту землю они расширили при помощи сельского хозяйства *chinampa* (чинампа). Метод состоял в том, чтобы изготавливать искусственные плавучие острова из ветвей и прутьев, отбуксировывать их к островкам, закреплять на мелководье и наполнять землей. В этих корзинах ацтеки выращивали свой урожай. Таким образом, Мехико–Теночтитлан был создан вручную.

С 1403 по 1455 год (третий ацтекский период) растущий город–государство, заключая союзы и ведя войны, переживая периоды спада и роста, преодолел примитивную ступень развития и открыл новые, более широкие культурные горизонты. После этого ацтеки оказались в центре событий на арене Мексики и стали главными действующими лицами, распоряжавшимися жизнью в долине Анауак и за ее пределами. Они расширили свои владения, как это делают все народы, как живет сама жизнь за счет других жизней и других народов; это справедливо, понятно и естественно.

Технические приемы развивались медленно. Обработка металлов шла из Южной Америки на север медленными шагами не напрямую, а через торговлю и появилась в Мексике приблизительно в XI веке. И хотя жители Центральной Америки были развиты во многих отношениях, у них еще не было колеса, ручной мельницы и тягловых животных. Мехико в 1519 году, по словам Берланда, «стоял на той ступени развития, на которой находились Шумер и Египет в 3500 году до н. э.». Однако это сравнение не совсем точное, и не все ясно.

В тот же самый исторический момент – это был 1100 год, – когда инки в Перу выходили из такой же неизвестности, чтобы превратиться в настоящую империю, ацтеки, движимые теми же имперскими устремлениями, постепенно становились владыками Мексики.

Таким образом, в промежутке между 1168 и 1521 годами мешики-теночки, которых называли ацтеками, добились своего.

Внешний вид

Основой общества ацтеков был простой индеец, *масеуалли*.

Несмотря на то что ацтек не был живым автоматом, как простой индеец в империи инков, где тот являлся лишь одной единицей из «пересчитанных по головам», он все же был рядовым, когда речь шла о каких-то работах. Слово «*масеуа*» произошло от слова «страдать» или «заслужить достоинство» – на самом деле он делал и то и другое. Он был членом рода и частью некой ячейки, чего-то вроде общества взаимопомощи. Короче, это был трудоспособный индеец, плативший налоги. В первую очередь, он был фермером, или, говоря языком европейцев, крестьянином. Как весьма обоснованно выразился Освальд Шпенглер, это был «вечно существующий человек, независимый от всякой культуры... тот, кто шел впереди нее... пережил ее, это бессловесное создание, которое размножалось из поколения в поколение; род его занятий и способности были ограничены работой на земле; он обладал мистическим, простым, цепким и практичным разумом».

И все же этот простой ацтек был и чем-то еще. Он был еще и воином, частью народного ополчения, состоявшего из земледельцев. Подобно тому как обычный римлянин был работником и солдатом, так и в обычном *масеуалли* (множественное число *масеуальтин*) следует видеть крестьянина-воина.

Подобно большинству индейцев в Мексике, он был невысокого роста, от 153 до 165 см, коренастый, с крупной головой. Неутомимый, он с детства привык много ходить и мог нести груз весом 34 кг пятнадцать часов в день. У него были длинные руки и широкие ступни,

пропорциональные его росту; ступни он ставил прямо, но имел склонность немного заворачивать носки внутрь; на рисунках ацтеков можно увидеть, что свод стопы у них был очень высок.

Рис. 13. Ацтекский крестьянин-воин масеуалли. Будучи простолюдином, он составлял основу ацтекского общества. Эти фигурки, перерисованные из «Кодекса Мендосы», демонстрируют две стороны его жизни: крестьянина и воина

Отличительным признаком внешности ацтеков были абсолютно черные глаза, прикрытые веками с кожной складкой, которая придает глазу миндалевидную форму. Волосы были темного цвета, жесткие и густые, но не на теле и лице. Ацтек был относительно безбородый, и растительность на лице считалась нежелательной, поэтому матери использовали щипчики, чтобы ее выщипать, и прикладывали горячую ткань для угнетения роста волос. Ацтеки были «безбородыми», хотя, по словам Кортеса, у тласкаланцев «имелись цирюльники для бритья бород». Другой выдающейся чертой на лице ацтека был крючковатый «римский» нос (хотя любой гражданин Римской империи был бы шокирован таким одиозным сравнением), который к старости вырастал еще больше. Цвет кожи ацтеков варьировал от темного до светло-коричневого; лицо могло приобретать свирепое выражение, и часто на нем можно было видеть немалое достоинство – с таким выражением лица они сражались или вели праздную беседу.

Ацтекские женщины были, естественно, ниже ростом, приблизительно 150 см, и более изящные. И все же это была обманчивая хрупкость. Детей они рожали быстро, часто прямо на кукурузном поле; они следовали за своими мужчинами в долгих переходах (еще в недавние времена женщины в мексиканской армии служили в квартирмейстерской службе сухопутных войск) и несли свою долю груза, неизменно включая младенца. Многие из них обладали замечательной внешностью – так считали испанцы, которые женились на них и находили их привлекательными. Донья Марина, «Язык», индейская девушка, которая помогла испанцам одержать победу над Монтесумой, была названа «прекрасной женщиной... весьма изящной».

Рис. 14. Кулинария ацтеков. Вверху слева камоти (сладкий картофель); справа находится каменный метатль, на котором размалывают зерно. Женщина готовит красный перец на жаровне кумаль, а в нижнем правом углу лежат только что испеченные кукурузные лепешки; они накрыты, чтобы сохранить их свежесть

Одежда у обычного мужчины была простой и практичной; один и тот же наряд носили и днем, и ночью. Все носили набедренную повязку (маштли), своего рода пояс, который пропускался между ног и закреплялся на талии, а два его конца свисали спереди и сзади и были обычно украшены. В этом наряде он совершал переходы, неся груз. Плащ (*тильмантли*) – в настоящее время он называется «манта» – представлял собой прямоугольный кусок тканой материи, который завязывали на одном плече; сначала его изготавливали из грубых волокон американской агавы (метль), а позднее, когда наладилась связь с тропическими регионами, из хлопка. Ацтеки не пользовались ни пуговицами, ни булавками. *Тильмантли* был ниспадающей одеждой и закрывал все тело, когда человек садился. Многие такие плащи часто были красиво сотканы, но об этом у нас имеется крайне мало сведений, кроме рисунков ацтеков и описаний, сделанных завоевателями-испанцами. Простой индеец обычно ходил босой, пока не приобретал вес в обществе; тогда он начинал носить сандалии (*кактли*), сделанные из кожи животных или же волокон американской агавы. У вождя, или полубога, они были из золота.

Прически были нескольких видов. Обычно волосы свисали спереди челкой, а сзади цирюльник обрезал их обсидиановым ножом – немцы называли бы такую прическу *Pagankopf* (голова язычника), – или волосы отращивали и заплетали в толстую косу. Во время войны прическу украшали двумя перьями индейки или орла.

Одежда женщин класса простолюдинов хоть и была одного покроя, но весьма разнообразной по цвету, рисунку и узору, так как ткачихами были главным образом женщины. Женщина носила нижнюю юбку (*куэйтли*) длиной до лодыжек, на которой часто была великолепная вышивка; находясь вне дома, женщина надевала поверх нее платье, похожее на

пончо (уипиль). Оно представляло собой прямоугольный кусок ткани с разрезом, через который продевалась голова, бока зашивали, но оставляли прорезы для рук. Таково прозаическое описание одного такого прекрасного по цвету и узору образца ткацкого искусства, обнаруженного на этом континенте, который Берналь Диас, бывший в то время впечатлительным, довольно молодым человеком (р. ок. 1492, ум. ок. 1593. – Ред.), назвал «богатым и великолепно украшенным». Свои сандалии, более легкие, чем мужские, ацтекская женщина надевала только в поездках или если этого требовало ее положение в обществе. Ее волосы, черные и блестящие, были длинными; в праздничные дни она вплетала в них ленточки и распускала волосы, находясь в доме. Когда женщина работала в поле, то волосы были собраны и обернуты вокруг головы. Косметикой пользовались главным образом женщины «привилегированных классов» или куртизанки (*ауианиме*) и даже иногда простолюдинки, когда их душу задевали товары на рынке. В их распоряжении были мази, духи и кремы.

Язык

Ацтеки говорили на языке науатль (произносится «на-уа-тль»).

Они не придумали его, не усовершенствовали, так как на этом языке уже говорили тольтеки, чичимеки и многие другие племена. Но науатль стал языком империи общения в Мексике и Центральной Америке (подобно тому как язык кечуа стал языком инков в Перу) после завоевания ацтеками одних регионов и благодаря ацтекским купцам, то есть торговле с другими регионами. А когда впоследствии этот язык был приведен к испанской орфографии, дальнейшее свое развитие он получил благодаря церкви, которая использовала его для перевода основ христианского вероучения в виде вопросов и ответов и других религиозных книг, расширив, таким образом, сферу его применения.

Науатль входит в групп науа, одну из восьми групп языков юто-ацтекской языковой системы. Он, особенно язык ацтеков, подвергся более детальному изучению, чем «какая-либо другая группа языков в Америке». Это было сделано главным образом благодаря покойному Б.Л. Хорфу, который не был профессионалом. Язык науатль является родственным некоторым языкам индейцев, живших на юго-западе материка (племен пима, шошонов, сонора), поэтому некоторые и считают, что ацтеки являлись воинственным племенем выходцев из этого региона. В Мексике насчитывается 700 языков; язык науатль, область распространения которого ограничивалась центральным плато, но была расширена вслед за завоеваниями ацтеков, принадлежит к одной из пяти больших групп, входящих в макросемью языков пенути. Его изучение очень ограничено, и люди, изучающие его, используют между собой и в своих публикациях технические термины, которые никогда не используются при обычном общении. Если неспециалисту доведется прочитать работу о «Происхождении суффикса – *тль* в языке ацтеков» (этот суффикс читатель будет часто встречать на стараницах этой книги), то он окажется точно так же сбит с толку, как и Алиса в Стране чудес, когда она увидела улыбку Чеширского кота.

Науатль – это живой язык. Тысячи людей все еще говорят на нем, на нем написаны книги и есть музыкальные записи; некоторые выдающиеся ученые Мексики разговаривают на нем; он очень живой и пластичный, что будет видно при рассмотрении классификации диких растений ацтеков (см. раздел «Лекарственные растения»). Этот язык был таким же сложным, как и идеографическое письмо ацтеков; на нем можно было выражать сильные чувства и писать стихи. И хотя первые испанцы посчитали суффикс – *тль* сбивающим с толку, знатоки в XVI веке, овладевшие этим языком, нашли его ясным и гармоничным, обладающим немалым запасом слов.

И хотя здесь нет места для того, чтобы обсудить грамматику языка ацтеков, мы отметили, что в нем было все то, что один автор назвал «языковыми правилами поведения за сто-

лом». Наша современная грамматика сложилась незадолго до начала Реформации; до этого царило живое безразличие к синтаксису и правописанию. Поэтому так удивительно обнаружить какой-либо народ, каким были американские индейцы, столь далеко живущий от сети коммуникаций Старого Света, который создал язык с такой сложной грамматикой. В нем были производные слова и сращения, «возникающие из контекста, и произношение безотносительно значения»; естественным результатом этого была агглютинация. Неизвестно, что добавили ацтеки к своему, доставшемуся им в наследство языку науатль, но тем не менее это добавление, вероятно, было существенным, потому что в результате их захватнических войн в ацтекский мир влился поток новых вещей, и у них должна была быть какая-то жесткая грамматика, чтобы принять их в свой язык при помощи личных и временных окончаний. Одной из первых книг, опубликованных в Мексике (в 1555 году), был словарь, составленный Мотолиниа. Грамматики, катехизисы, переложения текстов с идеографического языка науатль на испанскую орфографию следовали век за веком, пока в настоящее время их не стало достаточно для серьезного изучения «литературы ацтеков».

Речь ацтекского *масеуалли* была такой же земной, как и речь человека от сохи в любом другом месте; практичный и небрежный в разговоре, он строил свою речь, которая вырастала из необходимости, являющейся живой морфологией любого языка. Простые люди не придавали большого значения суффиксам, окончаниям лица, числа, падежа и рода; но в школах *кальмекак* Мехико-Теночтитлана, где обучали правильно говорить на языке науатль, исправляли ошибки в речи и расширяли словарный запас так, чтобы высокопоставленные лица умели должным образом говорить с богами или произвести впечатление на заезжих вождей; язык науатль здесь тщательно изучался. Так и должно было быть. Те информаторы, которые вместе с первыми испанцами занимались тем, что записывали разные тексты на языке науатль, *знали* грамматику своего языка. Будет достаточно такого примера: когда в 1529 году Саагун приступил к записи сохранившихся в памяти сказаний ацтеков, он, используя свою собственную орфографию, написал на языке науатль о солнце, главном божестве года, так:

Tonatiuh [солнце] quautlevanitl
 Xippilli, nteutl [бог]
 Tone, tlaextia motonameyotia,
 Tontoqui, tetlati, tetkaati, teytoni, teixlileuh,
 Teixtilo, teixcaputzo, teixtlecaleuh.

Солнце, орел, огненная стрела,
 Правитель года, бог
 Озаряет, заставляет все сверкать, освещает все своими лучами.
 Он дарит тепло, обжигает людей, вызывает у них пот,
 Делает цвет кожи у людей темным, дает им загар,
 Делает их черными, как дым.

На языке науатль можно было выразить многое небольшим количеством слов. И, несмотря на то что этот язык не был так широко распространен с географической точки зрения, как язык кечуа в Перу, распространившийся по тем же самым причинам, т. е. вследствие завоевания инками территорий от Чили до Колумбии, язык ацтеков проник достаточно далеко, от Мексики до Никарагуа.

Родовая община – сообщество ацтеков, совместно владеющих землей

Все – или почти все – древние общества коренных жителей Америки были демократическими.

Люди занимали определенное социальное положение, но классов не было. Землей владела родовая община, а не отдельный человек, и большинство решений принималось путем народного голосования, как, например, у индейцев с американских равнин. Или это делалось таким способом, который описал Тацит, рассказывая о принятии решений германцами в глубине своих лесов: «Когда народ должен принять решение, все занимают свои места, полностью вооружившись... затем всех призывают замолчать... и все слушают короля или вождя с вниманием, которое гарантирует им их возраст, занимаемое положение, воинские отличия или красноречие... Если предложение не нравится людям, то они криками выражают свое несогласие. Если они одобряют его, то стучат своими копьями».

Рис. 15. Чинампа, «плавающие сады», на которых велось сельское хозяйство на озерах Мехико. В огромные сплетенные из тростника корзины ацтеки насыпали землю, затем сажали деревья, закрепив «плавающий сад» при помощи кольев. Из таких «плотов» вырос город Мехико

Как только индеец начал жить, полностью полагаясь на сельское хозяйство, он стал членом коммуны. Это могла быть либо родовая община, либо сиб (семья кровных родственников), как это было среди индейцев с равнин. Родовая община имела тотем или эмблему (подобно гербу, которым обладает какая-то группа людей), у инков это был *айлью*, или им мог быть *кальпулли* (от слова «кали» – дом), как это было у ацтеков. В основном индейские общины в Америке основывались на таком типе организации, как родовая община, которая

была экономической единицей, члены которой были объединены сверхъестественными (т. е. кровными) узами.

Индеец рождался членом родовой общины, или *кальпулли*. *Кальпулли* представлял собой группу домов, в которых жили разросшиеся семьи. Эта родовая община владела некоторыми землями, которые обрабатывались совместно. Женатому мужчине выделялся свой земельный надел непосредственно кланом. Ни один человек не имел прав на землю, которую он обрабатывал; он мог пользоваться только тем, что на ней выросло. Если человек умирал, не оставив потомства, или земля оставалась заброшенной, или его «с позором изгоняли» из родовой общины, то земельный надел возвращался в общее пользование.

В некоторых общинах велись точные записи на бумаге *аматль* о различных земельных участках, к которым прилагался рисунок, похожий на ребус, означавший имя хозяина. Согласно записям ацтеков, у них изначально было семь *кальпулли*; как только они поселились в своем островном государстве Теночтитлане, то их количество увеличилось до двадцати.

Рис. 16. Вожди ацтеков, возглавляющие четыре родковые общины (символы которых находятся над их головами), направляются в долину Мехико в 1168 г.

Каждая община владела или имела по договору землю на берегу озера. Поначалу сельскохозяйственные угодья были весьма ограничены; если у *кальпулли* их не было, его члены с усердием делали *чинампа*, так называемые «плавающие сады». Они представляли собой сплетенные из тростника корзины диаметром около двух с половиной метров, заполненные землей и закрепленные на мелководье. Корни деревьев, проникая сквозь дно корзины, в конце концов прочно связывали их с дном озера. Благодаря такому трудоемкому способу *кальпулли* могли увеличить объем сельскохозяйственной продукции и расширить владения своего клана. К тому же продолжались захватнические войны ацтеков, и все больше чужих племен были вынуждены уступать свою территорию на суше; земли становилось много, и ее делили пропорционально между всеми общинами, составлявшими племя ацтеков. Эта система землевладения была, по словам В. Гордона Чайльда, «неизбежным ограничением... экономики эпохи неолита... Единственным выходом для растущего населения было присоединение все новых и новых земель для обработки, а пригодные для этого земли были безграничны».

Общиннородовая система ацтеков была не такая жесткая, как перуанская система *айлья*, которая имела излишне организованную структуру. И тем не менее она была устроена

так, что вся семейная группа, *кальпулли*, развивалась как единица общества. «Мексиканское общество, – по замечанию доктора Вайяна, – существовало для блага племени, и каждый его член должен был выполнять свои обязанности для сохранения общины».

Рожденный в общине индеец не мог потерять ни свои права внутри нее, ни свое право на участок земли, находящийся во владении общины, размер которого был достаточен для того, чтобы прокормить членов его семьи. Только соответствующим образом избранные вожди общины могли лишить индейца этих прав, изгнав его за преступление или другие антиобщественные действия.

Брак – связывание тильмантли

Связанные вместе, «сросшиеся», на разговорном языке американских индейцев, – это был не просто оборот речи применительно к обществу ацтеков. Символом бракосочетания действительно было связывание вместе краев плащей *тильмантли* невесты и жениха. И, будучи соединенными таким образом, они оказывались «сцепленными» на всю жизнь.

Мужчина женился в двадцать лет, девушка выходила замуж приблизительно в шестнадцать. В этом обществе не было запрещено оставаться холостяком, как это было у инков. Но экономические факторы, а особенно приготовление еды, делали невозможным мужчине жить без женщины: ежедневное (два раза в день) приготовление кукурузных лепешек, которые были незаменимой пищей в жизни индейцев, отнимало в общей сложности четыре часа в день, и это было работой женщины.

Брак разрешался только между членами разных родовых общин, так как все члены общины считались единокровными родственниками, и поэтому вступать в брак с кем-то из своей общины было бы кровосмешением. Так как брак носил экзогамный характер, то с ним были связаны более сложные формальности, чем у нас. Молодой человек, подумывающий о женитьбе, должен был спросить разрешения у совета клана. При всем том, что свою роль играли сексуальная привлекательность и любовь, ацтеки знали тогда, как и сейчас, что мужчина не только женится на женщине, но и создает семью. В данном случае это было больше чем семейный контракт, это был социальный контракт, так как благодаря этому контракту появившийся на свет ребенок наследовал право войти в общину.

Старые женщины были посредниками при заключении брака. В «Кодексе Мендосы» есть любопытная история, изложенная в идеографических рисунках, нечто вроде комикса, рассказывающая обо всей этой процедуре. В то время как любовь, без сомнения, была определяющим фактором в процессе ухаживания, на нее не делался большой акцент. Существовало слишком много запретов. Реми де Гурмон (1858–1915, французский писатель) считал, что, если человек хочет что-либо понять в движении жизни, следует ассоциировать понятие удовольствия с понятием любви. Тем не менее правда и то, что в пантеоне ацтеков нет богини любви, равно как и нет рисунков или керамики с изображением актов производства на свет потомства, какие существуют в Перу.

Вечером в день бракосочетания старуха-сваха относил невесту в дом жениха на своей спине. На церемонии присутствовали все главные члены семьи, а также вожди общины. Они сидели на циновках лицом друг к другу и слушали или дремали под тягучие наставления – «мы собрались здесь...» – и в паузах между речами слуга наливал щедрые порции пьянящего *октли*. Это было больше чем бракосочетание: одна община связывала себя с другой общиной; в семью, совместно владеющую землей, вливалась новая кровь.

Когда заканчивались потоки речей, тогда, пытаясь помешать сверхъестественным силам, окружающим это новое семейное предприятие, мужчина и женщина садились на травяной коврик, их плащи связывали узлом, и они соединялись.

Не было установленного правила в отношении того, должен ли был мужчина уходить жить в клан женщины или она приходила в его клан. Определенно известно, что мужчина не спал со своей женой в первые ночи после брака; правом первой ночи, называемым в антропологии *jus primae noctis*, наслаждались дядя, братья и даже отец новобрачной. Это не рассматривалось как кровосмешение, а делалось с целью спасти обоих брачующихся от того, что Леви-Брюль (Л. Леви-Брюль, 1857–1939, французский социолог. – *Ред.*) назвал «тайнственными миазмами супружества». Мужчины, «друзья» невесты и жениха, брали на себя эту ответственность, чтобы избавить молодоженов от всякого контакта со сверхъестественными силами. Если взять либретто «Женитьбы Фигаро» Моцарта, то это основная тема оперы: граф желает воспользоваться своей древней прерогативой и быть первым, кто проведет ночь с невестой.

Рис. 17. Брак – связывание тильмантли. Иллюстрация из «Кодекса Мендосы» изображает брачные обычаи ацтеков. Мужчина и женщина, связанные вместе, слушают наставления, которые им читают старухи-свахи

У ацтекской женщины были права, но не такие широкие, как у мужчины. Так, она могла владеть собственностью, обращаться к совету общины за правосудием, а если с ней жестоко обращался муж, то могла получить развод. Будучи разведенной, она могла снова выйти замуж; став вдовой, она могла выйти замуж, но только за одного из членов общины усопшего мужа. Бесплодие было тяжелым бременем, тем, чего женщина боялась, так как если она не рожала своему мужу детей, то он мог по своему желанию развестись с ней. Людям, которые так тесно соприкасались с войной и смертью, дети были важны и необходимы.

В те времена, как и сейчас, власть женщины основывалась на сексе; она руководила всем благодаря своему организму; женщина обладала привилегиями, которые ей дают мужчины, опьяненные желанием. Тогда, как и в настоящее время, женщины должны были быть целомудренными; за измену женщину могли казнить. Женщина не должна была иметь никаких связей до брака; однако мужчина мог иметь такую связь при условии, что женщина

замужняя. Если замужняя женщина оказывалась замешанной в многократных соитиях и рожала ребенка, то с этим не было таких больших проблем, как у незамужней женщины.

Женщина, естественно, не имела всех возможностей, которые предоставлялись мужчинам. Также у нее не было возможности, как у инков, – если она имела миловидную внешность – быть выкупленной с дальних окраин и привезенной в Куско, чтобы прославиться как *ньюста*, «Избранная женщина». Ацтекская женщина должна была приобретать влияние, опираясь на свои собственные достоинства или тело, и даже когда она обретала его, она должна была действовать не напрямую, а вскользь, как слон на шахматной доске. Благодаря простой случайности она могла оказаться в важном месте в нужное время и таким образом стать «языком» в истории, как это произошло с доньей Мариной (подругой Кортеса. – *Ред.*), которую ее мать продала в другое племя после своего повторного замужества, так как она не хотела присутствия дочери, когда у нее в доме новый молодой муж. Но в общем, у женщины было свое место. Женщина могла не занимать его как отдельная личность, но как представительницу своего вида ее туда возвращали. И для этого была веская причина. Единственной целью супружеской пары в этом или каком-либо другом обществе было освободить женщину от всего, что не носило чисто сексуальный характер, чтобы она могла рожать детей. «Подобно произведению на свет потомства, – писал Реми де Гурмон, – материнская любовь является заповедью, вторым условием бесконечности жизни...»

Внебрачное сожителство в жизни ацтеков существовало. Это парадоксальное условие, имеющее место в полублагополучном государстве. Так в СССР утверждают (напомним, что книга написана до 1961 года. – *Ред.*), что в их стране проституции не может быть, – она существует. Теоретически в таком организованном обществе, как общество ацтеков, проституции не должно было быть. И все же великие воины ацтеков имели наложниц. У Монтесумы было «много женщин-любовниц», как пишет Берналь Диас, видевший их собственными глазами. Как и всегда, постоянное ведение войн внесло большие изменения в традиционные обычаи племени. Вооруженный конфликт, как и везде, ослаблял домашние узы и узы родительской власти. Законы морали, изменчивые по своей сути, являются в лучшем случае лишь руководством к достижению идеала человеческого счастья. «Мораль, – писал Реми де Гурмон, – будет меняться в соответствии с изменчивостью идеала». У нас нет точного представления о том, насколько широко было в действительности распространено внебрачное сожителство, но у ацтеков было слово для его обозначения: *ауианиме*.

Дом: калли

Поженившись, молодожены строили свой собственный дом. Как и все остальное, это было делом всей общины. Это было так же характерно для Мехико-Теночтитлана, как и за его пределами. Тип дома, который строил *масеуалли*, зависел от того, где и кем был этот человек. В законченном виде он отражал сущность «вечно живущего человека», крестьянина племени. Даже самые большие ацтекские храмы и дворцы вели свое происхождение от простого дома индейца. Майя знали это и увековечили такой крестьянский дом как элемент в украшении южного крыла четырехугольного здания, так называемого «Женского монастыря» в Ушмале. Доктор Вайян подтверждает, что «большие города ацтеков родились из простых деревень оседлых соплеменников... Они представляли собой хижины с тростниковыми крышами, покоившимися на плетеных стенах, обмазанных глиной...». На берегах озера, в умеренной зоне долины Анауак такие дома существуют и по сей день.

В «городе», поделенном на родовые общины, этот дом мог быть построен из необожженного кирпича, скрепленного «цементом» из глины, и затем покрашен. Мы мало знаем о нем: все разрушено. Здесь ничего не осталось, в отличие от Мачу-Пикчу или Ольянтайтамбо (в 50 км к северо-западу от Куско. – *Ред.*) в Перу, где можно проследить эволюцию домов

местных жителей от дома *канча* до дворцового комплекса верховного инки. В Мексике и в стране майя остались только храмы, пирамиды, церемониальные площадки для игры в мяч; связующее звено эволюции между крестьянским домом и помпезным храмом исчезло.

Рис. 18. Кухня у ацтеков. Женщина слева размалывает зерно. Женщина справа лепит кукурузную лепешку тлашкалли. В центре расположен кумаль, на котором пекут кукурузные лепешки

Интерьер дома делился на кухню и те его части, где спали и жили. Это легко можно увидеть на фрагменте кодекса ацтеков, который дает представление о происхождении *тла-тоани*, наследных вождей Ацкапотцалько, и содержит в себе изображение типичного ацтекского дома.

В одном конце дома находились огонь и кухня – не очаг в нашем понимании, а камни одной высоты, утопленные в глинобитный пол, в котором просто были дрова. В доме не было ни трубы, ни окон, ни очага; дым находил себе выход через щели между стеблями тростника крыши. Горящие угли женщины сгребали в кучу ночью и раздували утром своим дыханием.

Из-за того что город вырос из «плавающих садов», в нем было так же много каналов, как и в Венеции, и обычно дом простолюдина в городе своим выходом был обращен на канал. Большая часть домов, как писал Кортес, «имели только один этаж». Материалами, из которых были построены дома в зависимости от своей значимости, «были *тецонтли* (вулканическая порода, легко поддающаяся обработке, серовато-красного цвета) и необожженный кирпич, из которого ставили стены, обмазывая их известью, а в пригородах и по берегам острова [дома строили] из тростника и соломы, как и подобало... низшим классам». Близ многих домов имелись сады, в которых росли цветы или лекарственные растения. В каждом доме у стены имелась пристроенная парная баня или *темаскаль*.

Рис. 19. Темаскаль (паровая баня). Она имела почти во всех домах ацтеков. Пар получали, выливая воду на разогретые камни или огонь

Кукурузные лепешки пекли на кухне на плоском глиняном блюде (*кумаль*); рядом на треногах стояли горшки для варки и лежали разнообразные деревянные ложки и другие простые приспособления для готовки. В другой части дома имелось земляное возвышение, на котором была расстелена сплетенная из травы циновка (*петлатль*). У самого высокопоставленного вождя в этой стране не было ничего лучше. Это удивило даже Берналя Диаса, который написал, что у ацтеков «были кровати из циновок с пологом наверху, и лучше кроватей нет, каким бы великим ни был вождь...». Пол представлял собой утоптанную землю, на которой лежала *петлатль* или шкура оленя. Крыши домов без окон были остроконечными или четырехскатными. Дверей не было, преградой ночной прохлады был только кусок ткани, свисавший перед дверным проемом. Одежда висела на колышках, вбитых в стены. Весла для каноэ, оружие, щиты с изображением тотема родовой общины обычно находились в храме клана, а такие семейные богатства, как нефрит, перья, бирюза, праздничная одежда, хранились в плетеном сундуке *петлакали* (буквально: «домашний сундук», слово, которое для ацтека было синонимом слова «сокровище»). Столов у ацтеков не было, и мало кто пользовался стульями. У них были жаровни (см. раздел «Гончары и керамика»), чтобы не пускать в дом ночную прохладу, а для освещения – длинные смолистые сосновые лучины, которые давали мерцающий свет. Такими, с некоторыми отклонениями, зависевшими от положения человека в обществе, были дома простых индейцев.

Ритмы дня и ночи

«Я должен действовать, потому что я живу» – таковы были первые слова гомункулуса, когда он появился из перегонного куба Фауста.

Человек должен жить. Перед рассветом ацтеков пробуждал к жизни стук деревянных барабанов с больших храмов, а каждый маленький *теокали* (пирамида с храмом наверху. – *Ред.*) в городе подхватывал этот сигнал. Когда появлялась Венера, утренняя звезда, – а это случалось приблизительно в четыре часа утра, – начинался день, и к утреннему шуму добавлялись трубные звуки раковин, в которые дули жрецы, и все остальные храмы откликались,

поддерживая основную мелодию. Огни, которые были притушены, раздувались, и надо всем городом Мехико-Теночтитланом в безветренное небо поднимался слабый дым.

Индеец, как это делают крестьяне повсюду, вставал до восхода солнца; будь то город или сельская местность, этот инстинкт был присущ всем. Он шел в паровую баню, лил воду на разогретые камни, проходил через пар, нырял в канал независимо от того, был ли он богатым или бедным человеком, простолюдином или вождем – все ацтеки одинаково откликались на заданный ритм жизни. Даже Монтесума вставал в это же время и шел на утреннее заседание суда.

Все совершали утреннее омовение. Народ ацтеков был сравнительно чистоплотным, так как вода была доступна всем. Испанцы не могли скрыть свое удивление по этому поводу, прибыв из Западной Европы, где редко кто мылся раз в месяц. Андрес де Тапия, спутник Кортеса, утверждал: «Монтесума принимал ванну два раза в день... и все индейцы мылись часто». Не имея свиней и жира, ацтеки не имели и мыла в таком виде, в каком мы его знаем, но у них было природное моющее средство, корни растения *копаль-шокотль*, которое практически мыслящие испанцы называли «мыльным деревом» (*Saponaia*); эти корни давали пену и выполняли работу мыла.

Люди, которые были слишком бедны, чтобы иметь раба (*тлакотли*), или молодожены, у которых еще не было детей, должны были два раза в день сами готовить тесто из кукурузной муки для лепешек (*тлашкалли*). Простого способа не было. Сухие кукурузные зерна вымачивали, затем варили, и тогда зерно вылущивалось из оболочки; затем его размалывали на каменном *метатле* при помощи рифленого каменного валика. Этот способ приготовления кукурузной муки настолько старый, что описываемые предметы попадают среди первых (а также последних) археологических находок, которые отдает земля. Пресный хлеб из кукурузной муки в форме блина пекли на плоском блюде *кумаль*. Это была неизменная основная пища, которую ацтеки употребляли на протяжении всей жизни. К ней добавлялись бобы, красный стручковый перец, рыба, иногда мясо. Из кукурузы делали *тамале* (острое блюдо из мексиканской кухни; лепешка из кукурузной муки с начинкой из мясного фарша с перцем чили, обернутая кукурузными листьями; готовится на пару. – *Пер.*) или *атолли* – кашу из кукурузы, приправленную медом и перцем чили. День начинался и заканчивался одной и той же пищей. Не было крупного рогатого скота, коз, свиней, лошадей, пока их не привезли белые люди, а значит, не было ни молока, ни сыра. Во всей Мексике не было ничего, похожего на мате, парагвайский чай. Шоколад (какао-бобы) привозили из жарких стран, и только хорошо обеспеченные люди могли его иметь. Не было никакого жира для жарки, все либо пекли, либо варили. Еду запивали слабоалкогольным напитком *октли*.

Кукуруза была основой жизни. Жизнь всех индейских племен от Никарагуа до Аризоны основывалась на ней. Все города-храмы построили свою экономику на кукурузе. День любого человека начинался и заканчивался зернами кукурузы, и не столь важно, насколько экзотическую пищу употребляли вожди ацтеков (что так поразило их завоевателей) – основной едой оставалась простая кукурузная лепешка. Ни одно другое растение не сыграло такой большой роли в развитии какой-либо культуры.

После такой трапезы почти во тьме мужчина и женщина клали еду и питье в корзинку, висевшую на шее, и шли в поле. Если они работали на *чинампа*, то здесь земля была обработана. Если у них были участки земли, выделенные им общиной на побережье, то они с помощью шестов направляли свою лодку, выдолбленную из дерева, к полям, которые супруги обрабатывали вдвоем или коллективно вместе с другими членами клана. Однако в связи с тем, что ацтеки очень часто вели захватнические войны и часто возникала необходимость усмирять восстания среди недавно или давно покоренных народов, всякий годный к военной службе мужчина мог в любой момент быть призван на войну. Такова была жизнь крестьянина-солдата.

До наступления сумерек вечером ацтеки снова оказывались дома, и снова нужно было приниматься за приготовление кукурузных лепешек. На рынке можно было купить индейку, утку, оленину, бобы, кашу *камоти* и тому подобное; вечерняя трапеза, самая основательная, проходила между четырьмя и пятью часами дня. Мужчина (или мужчины) садились на корточки на тростниковые циновки и пальцами брали пищу из горшков с едой, принесенной для них. Женщины ели отдельно.

Вечером комнату освещали сосновые лучины. При этом свете женщины пряли, или ткали, или готовили пьянящий напиток *пульке*. Мужчины делали весла для каноэ, циновки, ножи, наконечники для стрел и рыболовные крючки из обсидиана или вырезали из камня ручные зернотерки – их они продадут на рынке. Когда начинали ежегодно рождаться дети, то их сначала клали в колыбель, а затем, когда дети уже могли передвигаться самостоятельно, они вплетались в вышеописанную ткань жизни.

Прежде всего – дети.

В этом государстве, где война велась постоянно и с ней неразрывно была связана смерть, увеличение рождаемости, даже если это означало перенаселение города, было одной из важных обязанностей всех. Как только женщина становилась беременной, она попадала под защиту бога Тескатлипоки. В «Кодексе Мендосы» есть целый рассказ в картинках о рождении, наречении именем, воспитании, наказании ребенка с подробностями пеленания и видами колыбелей. Когда рождался ребенок, его родители приводили в дом колдуна (*тональ-поулки*) из своего местного храма. Колдун сверялся с гороскопом (*тоналаматль*), который был чем-то вроде книги судьбы и в развернутом виде имел в длину более 6 м. Необходимо было определить, родилось ли дитя под хорошим или под плохим знаком. Наречение именем было очень важно, и если обнаруживалось, что день несчастливый, то присвоение имени откладывали до более благоприятного момента – уклонение от беды само по себе является осуществлением доброго начала. «Что таится в имени?»

Для индейцев – все. Это символ, «титул» (на разговорном языке, распространенном на Среднем Западе в США). У многих первобытных людей было два имени: светское и личное. Личное имя было известно и использовалось только близкими членами семьи в связи с верой в то, что если его слишком часто произносить, то оно может потерять свою силу. Во время болезни знахарь использовал настоящее имя, чтобы призвать умирающего назад к жизни. Мальчиков называли по имени отца или деда, и обычно это были динамичные имена, вроде: Дымящийся Гребень (*Чимальпопока*), Obsидиановый Змей (*Ицкоатль*), Говорящий Орел (*Куаутлатоа*); девочек, которые всегда пробуждают поэтические чувства, награждали названиями цветов, звезд, птиц: Ибис (Атототль), Зеленый Цветок (*Матлаль-шочитль*) или Дождевой Цветок (*Куиаушочитль*).

Так как люди занимали разное социальное положение, не принадлежа к какому-либо классу, не было необходимости оставаться на невысокой ступени социальной лестницы, даже если человек на ней был рожден. В Перу государство существовало для Инки; у ацтеков государство развивалось на благо отдельного человека. Человек, как подчеркнул Вайян, «мог добиться *положения* благодаря своим собственным усилиям», но это положение его дети не наследовали автоматически, «если только они не зарабатывали его равноценной службой на благо племени». Это могло быть достигнуто различными путями: быть хорошим крестьянином, охотником, ремесленником или солдатом или даже торговцем; если человек отличался в какой-нибудь из этих сфер деятельности, то это возводило человека в ранг руководителя.

Некоторое образование давали мальчикам в школе клана, которая называлась *тельпоч-калли*. Каждый клан содержал несколько таких школ, каждой из которых руководил учитель *тельпочтлатоке*. Им был либо известный воин, либо старейшина. Здесь мальчики изучали мифологическую историю своего племени, обряды и, прежде всего, учились пользоваться

боевым оружием. Без сомнения, вскоре учитель уже имел возможность отыскать среди них тех, кто демонстрировал сноровку в обращении с оружием, – существовал небольшой костяк профессиональных солдат, и молодого ацтека можно было склонить к этому занятию. Ремесленники и художники тоже пользовались уважением, или мальчик мог стать торговцем, за исключением того, что в этом роде деятельности существовала тенденция передавать ее от отца к сыну. Или, если мальчик проявлял мистические склонности, его могли послать в *кальмекак* (который испанцы приравнивали к монастырю), и там он мог изучить все сложности профессии жреца. В постоянно расширяющемся мире ацтеков многое было возможно.

В целом обучение ребенка оставалось в руках его родителей. Учение шло путем подражания. Можно проследить метод такого обучения в записанной с помощью картинок истории. Трехлетнему ребенку полагается половина кукурузной лепешки в день – лепешка имеет один фут (30 см с небольшим) в диаметре; в тринадцать лет мальчик съедает две такие большие лепешки в день. Мальчик копирует своего отца; сначала он носит маленький мешочек, подвешенный на шее, так как он должен быть сам себе тягловое животное; эта ноша ежемечасно увеличивается, пока, как и его отец, юноша не сможет носить груз весом шестьдесят фунтов (34 кг). Он ловит рыбу, сажает растения, выдалбливает каноэ; он собирает тростник, плетет *петлатли*, изготавливает сандалии, носит, ходит, бегает. Все это подробно записано при помощи слов и картинок.

Рис. 20. Жизнь начиналась и заканчивалась чтением гороскопа. При рождении человека старики сверялись с гороскопом (тоналаматль), чтобы определить счастливые и несчастные дни в жизни новорожденного

Наказание детей не всегда было пропорционально проступку. Безусловно, дисциплина ацтекского ребенка не была бы одобрена нашим излишне робким обществом, создавшим «ребенка прогресса». За некоторые нарушения отец держал голову ребенка над дымом, за другие его руку кололи колючкой агавы до тех пор, пока не потечет кровь. Так как на этих рисунках мы видим, что отец говорит, увещая ребенка, во время исполнения наказания (по завитку перед его лицом, который обозначает речь, мы видим, что он говорит), то маль-

чик получает урок. Конечно, это было не хуже несчастий Бенвенуто Челлини, которые он пережил в пятилетнем возрасте, когда ему показалось, что он видит ящерицу, сидящую на углях в огне: «Мой отец, который мгновенно понял, в чем дело... отвесил мне сильнейший удар в ухо, отчего я зарыдал и заорал изо всей мочи». Челлини успокоили слова отца: «Мой дорогой малыш, я бью тебя не за что-то плохое... а для того, чтобы ты запомнил... что ты видел саламандру».

Дочери были похожи на своих матерей; одежда была одинаковой. В шесть лет девочка учится прясть; в восемь она подметает полы и ест полторы лепешки в день; в тринадцать она сама печет лепешки, что и будет делать два раза в день всю свою оставшуюся жизнь.

Это ощущение своего предназначения было источником социального поведения ацтеков. Оно основывалось на древних традициях, продиктованных привычкой, продолжалось благодаря обычаю и родительской власти. Что сделано, то сделано; что не сделано, то нет. Достоинством ацтеков, прежде всего, было то, что вкладывали в это слово и древние римляне. Ум древнего римлянина имел установки крестьянина-солдата, и, хотя все это далеко по времени и расстоянию, то, что было сказано о положительных чертах римского крестьянина-солдата, можно повторить и в адрес ацтеков: «Беспрестанный труд – это жребий крестьянина, так как времена года не ждут... Капризы погоды и мор могут обмануть его ожидания; он должен пойти на компромисс и быть терпеливым... Повседневная однообразная работа составляет его жизнь... жизнь полей – это его жизнь... Для него знания, полученные из опыта, стоят больше, чем умозрительная теория. Его достоинствами являются честность и бережливость, предусмотрительность и терпение, трудолюбие, выносливость и мужество, уверенность в своих силах, простота и смирение перед тем, что сильнее его».

Поля: мильпа

Жизнь ацтеков вращалась вокруг кукурузного поля, *милпы*. И неспроста. Ни одна другая цивилизация, оставившая свои следы на дороге времени, не основывала в такой степени свою жизнь на использовании одного-единственного растения так, как индейцы зависели от кукурузы (сентли). Еще до 3000 года до н. э. цивилизации Ближнего Востока – шумерская, египетская – выращивали такие стручковые растения, как бобы, горох, чечевицу, вику, высокое содержание протеина в которых упрощало их хранение в условиях полупустыни. Что касается зерновых культур, таких как пшеница, «этот самый важный злак, произрастающий не в тропиках»⁹, то ее выращивали в Индии со времен мезолита. «Пшеница, ячмень, рожь, просо, могар» – все они входили в состав пищи и лежали в основе экономики всех народов, которые процветали в зоне «Благодатного полумесяца». И тем не менее ни одна из упомянутых выше цивилизаций не зависела исключительно от одного растения, как цивилизации Мексики и Юкатана.

⁹ Пшеница была найдена в Трое II, 2300 год до н. э.

Рис. 21. Египтяне изготавливают хлеб, фреска в Фивах, датируемая 1900 годом до н. э. Зерно перетирают в каменной ступе и пекут пресный хлеб на плоской печи. Выпеченный хлеб представлен на рисунке в виде двух кружков

Египтянам, к примеру, согласно папирусу Харриса (XX династия, около 1200 до н. э.), были известны свыше тридцати сортов хлеба – у ацтеков был один. Пища египтян была разнообразной: горох, чечевица, арбузы, артишоки, салат-латук, цикорий, редис, лук, чеснок, лук-порей. У них были жиры, как растительные, так и животные, – у ацтеков не было никаких. Египтяне употребляли в пищу говядину, мед, финики, а также молоко, сыр и даже масло, которые были неизвестны ацтекам вплоть до 1525 года. В таких условиях желудок заставлял человека принимать окружающую его среду как неизменную. Именно из кухни вышли на белый свет многие технические приспособления и процессы, например печь, духовка, консервирование, сбраживание, способы перемалывания. Самостоятельные кухонные изобретения можно легко распознать, сравнивая египетских женщин, делающих пресный хлеб, как показано на настенных рисунках в Фивах (около 1900 года до н. э.), с ацтекским способом выпекания кукурузных лепешек в 1520 году н. э.

Кукуруза сделала возможной оседлую жизнь в Мексике. Так как у людей здесь была только одна зерновая культура, то вполне понятно, почему она играла такую огромную роль в обрядах и в обыденной жизни. По вопросу происхождения этой зерновой культуры среди ботаников нет единого мнения. И хотя некоторые генетики считают, что самое большое разнообразие ее видов появилось в Мексике, эта точка зрения ставится под сомнение. Некоторые предлагают считать местом, откуда распространилась эта культура, Парагвай, другие оспаривают это утверждение. В настоящее время «имеющиеся данные указывают на то, что первые виды кукурузы распространились во всех направлениях из неизвестного центра». В начале XX века с легкостью утверждалось, что маис (карибское название этой зерновой культуры) развился из растения *теосинте*, которое большинством считалось предком кукурузы – так же как дикорастущая трава была предком пшеницы. В настоящее время теорию ботаников опровергают находки, указывающие на гибрид между каким-то видом трипсакума и маисом (и *теосинте*, и трипсакум будут скрещены с маисом). А один из наших великих географов, которого нелегко вынудить принять идею о контактах с Азией, заявил – чтобы все еще больше усложнить, – что происхождение маиса «нельзя даже с уверенностью отне-

сти к Новому Свету до тех пор, пока остаются неразрешенными некоторые вопросы, касающиеся Юго– Восточной Азии». Откуда бы ни началось распространение маиса, хорошо сформировавшиеся початки кукурузы длиной 5 см были найдены в могилах на пустынном побережье Перу и были датированы (при помощи радиоуглеродного анализа) 2500 годом до н. э. Так как следует начинать с начала, как это делала Алиса в Стране чудес, мы можем начать с этой даты и позволить тем, кто хочет, проследовать по запутанному следу маиса. Отправной пункт находится в библиографии.

Возделывание почвы оставалось неизменным уже три тысячи лет. То, что верно для техники земледелия у ацтеков, верно и для всех других племен в этих краях. Поля *милпас* находились на расстоянии от 3 до 25 км от жилищ. Если на земле рос лес, то в предыдущий год деревья на ней были срублены каменными топорами. Кустарник и деревья сжигали, и зола превращалась в почву; большие деревья оставляли гнить и со временем превращаться в перегной. Землю переворачивали и подготавливали для посева при помощи палки-копалки (коа). Март был месяцем посевной. Зерна кукурузы бросали в отверстия в земле глубиной 10–12 см. В зонах умеренного климата одновременно с кукурузой сеяли бобы и растения из семейства тыквенных. Так как кукуруза росла быстрее, то ее стебли служили опорой для вьющихся плетей этих растений. Апрель приносил дожди, и если боги задерживали желанный дождь, то люди приносили жертву Тлалоку, богу дождя. Из восемнадцати месяцев года ацтеков почти каждому соответствовали свои обряды и танцы, связанные с ростом и уборкой кукурузы. Кукуруза созревала в июле, тогда и устраивали праздник в честь богини молодой кукурузы (см. раздел «Праздничные дни»). В августе дождь, о котором просили в апреле, нужно было не допустить; ацтекам приходилось так или иначе умиловать богов, чтобы они не посылали дождь, который испортил бы урожай. И следовало еще одно жертвоприношение, на этот раз зрелой женщине, олицетворявшей богиню зрелой кукурузы.

Какой урожай в результате получал индеец? Исследования, проведенные среди майя, могут быть приблизительно применимы и к ацтекам, хотя сельское хозяйство майя в более жарком климате давало несколько больший урожай. Один акр (4046,86 м²) давал 20 бушелей обмолоченной кукурузы. Один бушель (35,24 л) составлял 56 фунтов (25,4 кг), что случайно почти совпадает с величиной «груза», который мужчина мог нести на своей спине. Средний размер поля на Юкатане составлял 10 акров (т. е. 40,5 тыс. м², или 4 с небольшим гектара), и немного меньше был средний размер поля на территории ацтеков, где земли не хватало. Ежегодно оно давало ацтекской семье урожай, равный 200 бушелям кукурузы (5080 кг). Чтобы расчистить, засеять, прополоть и собрать урожай с этой земли с помощью жены и, скажем, четверых детей, ацтекскому крестьянину приходилось тратить около 200 дней. На этом же самом поле он также сажал бобы, кабачки, тыквы, повышая урожайность поля и продуктивность своего двухсотдневного труда. Так как среднее потребление кукурузы в виде лепешек составляет полтора фунта (0,68 кг) в день на человека, то семья потребляла лишь одну треть произведенной продукции, или 3380 фунтов (153 кг) в год против 11 200 фунтов (5080 кг) всего собранного урожая, что делало возможным пустить излишек на обмен, продажу и различные налоги. Имея в запасе еще 165 неиспользованных дней в году (если только его не призывали идти воевать), ацтек мог использовать их, занимаясь ремеслами: плести циновки, делать сандалии из волокон агавы, изготавливать каноэ, оружие и т. д. Все это он обменивал на нужные ему вещи на рынках.

Рис. 22. Мать учит ацтекскую девочку печь кукурузные лепешки. Она перетирает зерна в каменной ступе. Круг перед ней изображает приспособление для выпекания, кумаль. На стене висят испеченные лепешки. Из «Кодекса Мендосы»

Кукуруза была «основой». Что еще? Бобы (этль) выращивали на том же самом поле, используя стебли кукурузы в качестве опор, а также тыквы и кабачки, все вида *Cucurbita*; между ними сажали их изогнутую разновидность (*айоте*).

У ацтеков не было другого «основного продукта питания», картофеля, которым в первобытные времена кормилась половина Южной Америки. В качестве выращиваемой культуры картофель не был известен в Мексике, *пока его не привезли сюда испанцы*. Сначала картофель был завезен в Испанию и появился в Европе как продукт питания для бедных; в 1565 году сэр Джон Хокинс привез его в Англию. И только потом картофель возвратился в Америку. В Мексике он появился в качестве «европейской пищи», и в настоящее время картофель в Мексике выращивают только на продажу, для людей, занимающих высокое положение в обществе. Таким образом, и в Мексике, и где-либо в Северной Америке картофель стали выращивать только после Конкисты. Это любопытно, так как клубневое растение *solanus* распространено вплоть до реки Колорадо, расположенной значительно севернее. Когда у ацтеков появился картофель, у них не было даже названия для него. Они называли его *пелон-камоти*, «перуанский сладкий картофель». Как станет ясно чуть позже, *между Перу и Мексикой никогда не было прямых связей* до появления белого человека.

У ацтеков был сладкий картофель *камоти*, который рос в более теплых долинах, расположенных ниже чем 1800 м над уровнем моря. Клубневое растение *ипомеа* является одним из представителей большого семейства, насчитывающего свыше ста видов, распространенных по всему миру. У китайцев был ямс, родом из Старого Света, который они называли *шу*. Этот ямс (*Dioscorea*) встречается по всей Полинезии, вплоть до Новой Зеландии, где его старательно выращивали маори. Но с точки зрения ботаники нельзя приравнять *камоти* к ямсу; это разные растения, хотя их и постоянно путают в Соединенных Штатах. Мало европейцев знакомы с тем или с другим, так что, когда Тур Хейердал, пытаясь внести неверную поправку в антропологию, назидательно писал: «В V веке Тики привез... перуанский

сладкий картофель в Новую Зеландию», он продемонстрировал свою неосведомленность в области ботаники.

Рис. 23. Хранилище для снятого урожая кукурузы ацтеков. Справа женщина убирает на хранение кукурузные зерна в большой глиняный сосуд, другая женщина держит тамале, все еще популярную еду, несмотря на прошедшие три тысячи лет

Ацтеки культивировали почти все растения, названия которых привычны нам сейчас: томаты (*томатль*) выращивали на временно не использующихся полях, там, где не бывало заморозков; жгучий перец (*чили*), все разновидности стручкового перца росли рядом с *томатлем*, студенистые плоды которого ценились как пища для детей и больных. Различные виды амарантов, которые они называли *уаутли*, выращивали для того, чтобы делать из них плоские лепешки. Ананасы, родиной которых были более теплые края от Панамы до Бразилии, появились в Мексике, будучи завезенными, возможно, с островов Вест-Индии, произрастали вплоть до Халиско на высоте до 1800 м над уровнем моря. Когда могли, ацтеки выращивали их. Очень наблюдательный путешественник иезуит Хосе де Акоста попробовал их в Мехико в 1565 году и нашел, что они «свежие, сочные и легкие для пищеварения, а в жару хорошо восстанавливают силы». Кортес послал один ананас в Испанию «нашему императору Карлу... стоило немалого труда и забот доставить его так далеко... и все же он так и не попробовал его».

Авокадо – мексиканское слово *ауакатль* превратилось в *ауакате*, авокадо – ацтеки выращивали в своих более теплых долинах. «Жвачное» дерево *чикль-сапотль* дошло до нас, не изменив ни названия, ни плодов. Шоколад (*чоколатль*), и напиток, и слово, пришел к нам от мексиканского крестьянина, который выращивал это дерево, если его земли располагались в низменных и теплых краях. Эти деревья хорошо росли на Тихоокеанском побережье вплоть до Тепика (штат Неярит) на севере. Везде шоколад был важным элементом местной культуры. Он был обожаем ацтеками, которые подслащивали его диким медом, ароматизи-

ровали ванилью, смешивали с *ачиотлем*. Монтесума пил его большими глотками из кубков, сделанных из чистого золота: «некий напиток, приготовленный из какао... подавали... с большим почтением».

Подготовка и обработка кукурузного поля *милъна* были коллективными. Члены клана помогали друг другу, и, когда крестьянин-солдат уходил воевать, его поля обрабатывали другие сородичи. Несмотря на то что число выращиваемых растений кажется впечатляющим, сельское хозяйство ацтеков не было таким развитым, как у инков.

Ацтеки не делали сложные террасы, как это делали в Андах; они не делали грунт искусственно, за исключением их уловки с *чинампа*. У них не было никаких удобрений, кроме своих собственных испражнений, тогда как у инков было птичье гуано и потроха лам. Орошение развивалось по воле случая, будучи связанным с природой края. Избыток дождевой воды нельзя было использовать так, как в Перу. Приемы ирригации, неотделимые от развитого сельского хозяйства, были в жалком состоянии. Зависимость ацтеков от дождя являлась «причиной» их бесконечной озабоченности тем, чтобы умиловить богов, и причиной ведения войн с целью получения большей дани и захвата людей для принесения в жертву; с помощью жертвоприношений можно было уговорить бога дождя пролить на землю удерживаемую им влагу. Так как расположение бога дождя можно было удерживать, только питая его человеческими сердцами, а их можно было получить, беря в бою пленных, то долгий мир был бедствием. Безопасность таилась только в бесконечной войне.

Это был кошмар.

Налоги в пользу государства

Даже в таком безденежном обществе, как общество ацтеков, за все, к сожалению, надо было платить; налоги и смерть для простого ацтека – *масеуалли* были неизбежны. В Вавилоне были придуманы деньги, этот символ, который упростил жизнь во всем мире. Но из-за географической изоляции ни одна американская цивилизация в доисторические времена не знала денег (если исключить используемые в качестве средства платежа зерна какао. «Какао – это плод, который по размеру меньше миндаля, – рассказывает нам Хосе де Акоста. – Они используют зерна какао вместо денег: за пять зерен какао они покупают одно, за тридцать зерен – другое, а за сотню – третье, не споря... Из них они делают напиток, который они называют шоколадом»).

Налоги, как бы ни обстояли дела с деньгами в виде какао, платили все работающие, а их размер, по-видимому, определялся внутри клана. «Совет племени делил землю между кланами, и люди, возглавлявшие каждый клан, в свою очередь выделяли свою долю каждому главе семьи по закону и справедливости». Также оставались земли для главы храмовых служащих, для военных нужд и для выплаты податей. Другие части этой земли, которой распоряжался клан, обрабатывались сообща, а урожай (кукуруза, бобы или волокна агавы) шел в уплату налогов в главный совет племени – на нужды религии, армии, «царя» и его многочисленных и не платящих налогов приближенных (жрецов, военачальников, ремесленников, наложниц, служащих королевского птичника), а также на инженерные работы в самом Мехико-Теночтитлане и за его пределами и на все другие государственные атрибуты, так хорошо знакомые нам в настоящее время.

В дополнение к продуктам питания, которые посылались в центральные хранилища и записывались в учетных книгах учетчиком податей, члены клана должны были участвовать в строительных работах по возведению общественных зданий – под руководством строителей-архитекторов, которые были освобождены от уплаты налогов, прокладывали сточные каналы, строили акведуки и дороги. «Царь» ацтеков также имел земли, которые обрабатывались кланами по очереди; урожай с них также шел в казенные хранилища.

«Скажи мне, что ты ешь, и я скажу, кто ты», – написал Ансельм Брийят-Саварен в своей работе «Психология хорошего вкуса», написанной в Коннектикуте в то время, пока ученый ждал, когда догорит Французская революция. Этот афоризм мог быть применим ко всем теократиям эпохи неолита, особенно к ацтекской. Храмовые города в Америке часто сравнивают с храмовыми городами Шумера. В первобытных обществах все были крестьянами, так как «в гипотетической чистой экономике неолита не было профессионалов, работающих полный рабочий день». С развитием сельского хозяйства стали появляться излишки продукции, и при храмах возникли зернохранилища – как в Шумере, так и в Америке. Так как человек стал полностью зависеть от сельского хозяйства, а солнце и дождь были порождением богов, которые «были собственниками» земли, возделываемой людьми, первые плоды «десятины», выражаясь христианским языком, отдавали храму на содержание сонма жрецов, выступавших в роли посредников между богами и людьми. Эти излишки шли на возвеличивание храма, обеспечение интересов класса жрецов и в обмен на ввозимое сырье, нехватка которого у них ощущалась. Для управления всем этим возникал храмовый город и появлялись специалисты: ремесленники, управляющие, клерки (*тлакуило*), которые записывали доходы и расходы. Такие древние храмовые отчеты есть в древнейших клинописных текстах Шумера (3500 до н. э.). А их аналоги в Мексике представляли собой – пока не были уничтожены – самые старые записи ацтеков.

Очевидно, что представители правящего класса не потребляли лично все то, что потом шло в Мехико-Теночтитлан. Излишки шли на то, чтобы расплатиться со специалистами. Их также хранили для общего пользования во время неурожая. Необходимость вести отчетность, по мнению некоторых археологов, была одним из факторов, приведших к изобретению письменности.

То, что инки, также создавшие государство, основанное на податях, придумали только *киту*, а не письменность, остается одной из загадок истории.

Ткачество – женское искусство

Ткачество было одним из занятий, которое принадлежало исключительно женщине.

Она собирала волокна, подготавливала их, пряла, красила, а затем ткала; в это мужчины не вмешивались. Иногда не замечают тот факт, что в этом необычном мире, где каждый в той или иной степени был ремесленником, безымянные общинные ткачи-ремесленники все были женщинами. Их искусство было недолговечным. Ни одно из миллиона вытканых изделий не уцелело, и все, что мы знаем об узорах ацтеков, дошло до нас благодаря книге податей или было нарисовано на керамике и фресках.

Ткацкий станок ацтеков был прост. Этот тип известен – с небольшими вариациями – на территории обеих Америк. Две деревянные рейки прикрепляются каждая к краю основы ткани, чтобы ткань тянулась до желаемой длины. Нижняя рейка прикрепляется к поясу ткача спереди при помощи ремня, обхватывающего человека за поясницу, а верхняя привязывается к столбу или дереву. Основа ткани имела в ширину три фута. Ткань получали при помощи челнока, снующего между нитями натянутой пряжи: так просто. И тем не менее на этих ткацких станках были произведены, если можно доверять восторгам конкистадоров, прекраснейшие ткани, которые они когда-либо видели. «Их было восемь, этих девиц, – писал Берналь Диас, – и все восемь были одеты в богатые национальные одежды с великолепными орнаментами...»

Ацтеки, пока скитались по свету, использовали волокна агавы (*метль*), колючего растения с сочными, мясистыми листьями, которое после кукурузы было одним из самых полезных растений в Мексике. Оно давало местным жителям пьянящий напиток *октли*, волокно для веревок, которое под названием «хенекен» является хорошо известным промышленным

товаром, и множество других товаров, которые слишком многочисленны и разнообразны, чтобы быть упомянутыми здесь. Эта агава была основным источником волокна. Мясистый лист (формально это не лист) этого растения пронизан крепкими волокнами, которые, если их высушить и размять, можно сделать достаточно мягкими для прядения. Из этого волокна агавы, похожего на очень грубую льняную нить, ацтекские женщины ткали свои первые ткани. Позднее, когда ацтеки поднялись по социальной лестнице и могли заняться бартерным обменом, они стали получать хлопок из долин с более теплым климатом. Вскоре хлопок перешел из разряда роскоши в разряд необходимых вещей, и одним из главных заданий, которые получали их торговцы, отправлявшиеся в жаркие южные страны за товарами или податями, было достать столь необходимый хлопок. Женщины выменивали хлопок на рынке, или, когда он поступал в качестве дани, его распределяли поровну между кланами, и каждая ткачиха получала свою долю.

Хлопковое волокно пряли на обычном веретене, которое представляло собой изящную деревянную палочку длиной от 25 до 30 см, уравновешенную с нижнего конца керамическим блоком. Все это является «традиционным», и где бы ни было распространено прядение и ткачество, древние способы подготовки волокна были одни и те же. Только очень опытный археолог мог бы найти различия между веретеном из Палестины (3000 до н. э.), Трои (2500 до н. э.), Перу (2000 до н. э.), страны майя (200 до н. э.) или ацтеков (1300 н. э.). Довольно любопытно, что все, что осталось от искусства Мексики и Юкатана, – это керамический блок веретена. Все остальное: ткацкие изделия, ткацкий станок и даже палочки – исчезло во времени. Способ прядения волокна, когда рабочий конец веретена остается в небольшой керамической миске, был запечатлен самими ацтеками в рисунках.

Рис. 24. Ткачество было женским искусством. Слева женщина работает на ткацком станке, привязанном к ее талии ремнем. Справа из вычесанного хлопка делают нить при помощи веретена, конец которого находится в глиняной миске

После прядения волокна красили, причем протравой для закрепления цвета служила моча. Красители были главным образом растительного происхождения: *ачиотль* (род *Bixa*) давал красный цвет (позднее под названием *анатто* его использовали уже в нашем хозяйстве для окрашивания маргарина); кустарник индиго давал темно-синий цвет; кошениль, насекомых-вредителей, индейцы собирали, как и подразумевает его латинское название *cacti*, на кактусах и получали из них ярко-красный, карминный, цвет. И были еще другие. Темные семена *genipa*, которые можно найти в тропиках, давали черный цвет. Бледно-лиловый цвет, как и средиземноморский «королевский пурпур из Тира», получали из моллюска, встречающегося на Тихоокеанском побережье.

Цвет имел большое значение. Он был символом, и очень реальным для ацтеков. Если красная краска использовалась как кровь, она действительно становилась эквивалентом крови; это *была* кровь. Черный цвет олицетворял войну, потому что черное обсидиановое стекло шло на лезвия боевых мечей (*макуа-уитль*). Он также был символом религии: жрецы одевались исключительно в черное. Желтый цвет был цветом пищи, потому что такого цвета были кукурузные зерна. Синий означал жертвоприношение, а зеленый считался королевским цветом, потому что это был цвет перьев птицы кетцаль (квезал), которые могли носить только вожди. Французские символисты во главе с Малларме в конце XIX столетия использовали цвет в своей поэзии точно так же. Они наводнили весь Париж аллегориями и скрытым смыслом этой древней магии (таким новым, по их мнению), но на самом деле все это было старо как мир.

Рисунок мог быть любым – все было позволено, все допускалось. Под защитой богини Шочикецаль ткачиха могла выразить на холсте все, что она принимала близко к сердцу. Из природы и окружающей жизни она брала земные вещи: рыб, улиток, кактусы, птичьи перья, шкуры ягуаров, солнце, даже падающий снег – все использовалось для мотивов рисунка. Были и геометрические узоры, сильно стилизованные животные. Происходило преобразование предметно-изобразительного искусства в узоры, покрывающие всю поверхность ткани. Все это видно на рисунках, взятых из книги податей и перерисованных с реальных ткацких изделий, доставленных в Мехико-Теночтитлан.

Для себя женщины ткали юбки до щиколоток, старательно обшитые каймой, а в качестве верхней части костюма выступал хорошо известный *уипилли*. Ацтекские женщины давали волю своей фантазии. Поразительный эффект, который производило женское платье, не был преувеличен конкистадорами. Вот описание, сделанное одним священником во время ежемесячных праздников, когда женщины, а особенно великолепно одетые наложницы, танцевали с воинами: «...и все были красиво одеты, великолепно украшены, на всех были юбки изумительной работы и прекрасные *уипилли*. Юбки одних были украшены узорами с изображением сердец, других – рыб, у третьих на юбках был узор из спиралей или листьев. Некоторые были без узоров; но на всех была кайма и бахрома... Что касается рубашек, то на некоторых женщинах были темные свободные одежды, на других были мотивы, напоминающие дым или черные полосы, на третьих были изображены дома или рыбы...»

Для мужчин женщины ткали два главных предмета одежды: набедренную повязку (*маштли*), представляющую собой полосу материи, украшенную на концах, которая обертывалась вокруг талии, и длинный плащ (тилмантли), который завязывался на плече, так как у ацтеков не было ни брошей, ни булавок, ни пуговиц. Портрет Нецауальпилли, «царя» Тескоко, союзника Теночтитлана, демонстрирует такой костюм, тщательно изготовленный для такой высокопоставленной особы.

Война не давала женщинам сидеть без дела. Они ткали грубую хлопчатобумажную ткань для военных доспехов (шиколли), а также – для защиты от стрел – стеганные хлопчатобумажные куртки, в чем-то похожие на те, которые используют китайцы для защиты от холода. Испанцы часто ценили эти куртки выше своих собственных стальных доспехов.

Жрецы носили черные пончо до щиколоток, которые ткали для них юные девственницы, приписанные к храмам. На этих пончо была кайма из черепов и скрещенных костей, что так соответствовало черной магии ацтекских верований.

Гончары и керамика

Гончарное дело, как ткачество и строительство домов, являлось частью культурного оснащения ацтеков. Керамику в той или иной форме изготавливали все, даже если не все делали высококачественную керамику. Эта самостоятельность подсказала Олдосу Хаксли во время его поездок по Мексике сослаться на «цельность первобытного человека». Гончарное искусство подтверждает ту мысль, что «первобытный человек вынужден быть цельным человеком, овладевшим всеми умениями, необходимыми в общине... Если он не является таковым, он погибает». Все племена были гончарами. Гончары Чолулы были особенно знамениты благодаря своей красно-черной керамике. Этим ремеслом по большей части занимались дома – в часы досуга, оставшиеся после сельскохозяйственных трудов. Какие-то гончары, которые поднялись в общественных глазах как ремесленники, оставили занятия сельским хозяйством и организовали гильдию гончаров. Утилитарная керамика грубой работы была предназначена для повседневного использования при приготовлении пищи. Горшки на треноге, большая плоская круглая сковорода *кумаль* для выпекания лепешек, миски с шершавой поверхностью, которые служили терками для измельчения перца чили, – все это вместе с керамическими кубками для пульке имелось в каждом доме. Более высококачественные и изящные керамические изделия, которые археологи находят в могилах, – почти такие же тонкие, как и хороший фарфор, с великолепными украшениями, были предназначены для мертвых.

Гончарное искусство не ограничивалось простыми горшками и кубками для питья. Из глины делали веретенные блоки, которые утяжеляли прялки. Изготавливались керамические куклы с шарнирными руками. Делали игрушки с колесами, хотя мысль использовать колесо как-то иначе никогда не приходила ацтекам в голову. Массово изготавливались небольшие глиняные божки, боги плодородия и кукурузных зерен; эти фигурки крестьянин ронял на своем кукурузном поле, чтобы вымолить у местных духов хороший урожай. В каждом доме была жаровня, топившаяся древесным углем, чтобы разгонять холод, а в храмах были большие керамические жаровни высотой в рост человека, соединявшие в себе красоту и практичность, ритуальную полезность с архитектурным орнаментом. У ацтеков были глиняные штампы и печати, которые использовались для нанесения оттисков на ткань и бумагу *аматль* – шаг в эволюции печатного дела. После идеографического письма следующим неизбежным шагом (как считали китайцы) было упростить идеограмму до символа и «печатать» – делать оттиск печати на бумаге. Так, имея эти глиняные штампы и бумагу *аматль*, ацтеки были очень близки к настоящему печатанию.

Керамика, не говоря уже о красоте форм, дает в руки археологов важные документальные свидетельства. Возможно, о глиняных черепках скучно читать и над ними так же скучно работать, но они представляют собой часть истории. Неграмотный народ дает более точную информацию о себе в своей керамике, чем в своих легендах и архитектуре. Многого можно определить по стилистическим изменениям, отраженным в керамике. Возникает культ нового бога, начинается новая эпоха, новый век – это в первую очередь отражается на керамических изделиях. Приходит завоеватель, и храмы остаются стоять, но простые люди реагируют на перемены – это мы видели во время наших недавних войн, – и завоеватель виден в стиле одежды, обычаях, привычках; керамика дает представление о том, как за достижениями следует полоса упадка. Используя глиняные черепки для установления пространственных отношений, археолог применяет некоторые методы геологии: стратиграфи-

ческая выемка кучи кухонных отходов на месте археологических раскопок обнаруживает возникающие в процессе жизни отходы. Изделия из глины здесь перемешаны со всеми другими остатками материальной культуры человека, и они нетленны. Своей раскраской, формами, материалами и техническими приемами изготовления они раскрывают свой возраст и устанавливают относительную хронологию.

Рис. 25. Керамика ацтеков. Здесь изображены предметы быта и экспорта во времена наивысшего расцвета ацтекской державы. Керамическое изделие с длинной ручкой использовалось жрецами для сжигания камеди. Другие сосуды были предназначены для еды и питья. Все они были практичны, их не клали в могилы или гробницы

Гончарное искусство в этом обществе ремесленников было функционально. С психологической точки зрения оно приносило чувство удовлетворения; занятие ремеслами является одним из терапевтических приемов психиатров. Оно приносило общественную пользу: экономика, основанная на развитии ремесел, не так подвержена колебаниям, как экономика, основанная на массовом производстве продукции. Ацтеки, незнакомые с такими рассуждениями, думали только о том, чтобы использовать излишек гончарной продукции в качестве средства обмена в рыночный день.

Рынок: тиакис

Рынок был подобен наполеоновской оценке Швейцарии; если бы он не существовал, его надо было бы изобрести, – нейтральная территория, на которой торгуют воюющие друг с другом народы. Мысль, что торговля неприкосновенна, стара, как само человеческое общество. Рынок не надо было изобретать, он возникал везде, где человек жил и торговал, продавал и обменивал. И даже при этом рынок в Мехико был удивительным.

«Когда мы прибыли на огромную рыночную площадь, – вспоминал хронист, – нас поразило количество людей и товаров... а также то, какой поддерживается на ней порядок и контроль...» «Да, – соглашается Эрнан Кортес, посетивший тот же самый рынок, – ежедневно туда приходят более шестидесяти тысяч человек, чтобы продать или обменять что-то... Сама площадь в два раза больше Саламанки... Здесь продается любой товар... Есть ряд, где продается дичь (куропатки, индейки, перепела, голуби, попугаи, совы, пустельги)... Есть ряд, где торгуют травами, кореньями и лекарственными растениями... и здесь же стоят аптеки, где они продают лекарства, сделанные из этих трав. Здесь есть парикмахерские, в которых можно помыть и подстричь волосы». И словно они соперничают друг с другом, Берналь Диас вспоминает о «других товарах», т. е.: «Рабов-индейцев, как мужчин, так и женщин, привозят точно так же, как португальцы привозят негров из Гвинеи... привязанными к длинным шестам...» Затем шли торговцы, которые «продавали большие куски... хлопчатобумажной ткани и изделия из крученой нити...». Много было грубой ткани, сотканной из волокон агавы, которую использовали те, кто носил на своей спине грузы, и сандалий, изготовленных из того же самого волокна. Кортес писал о разнообразных звериных шкурах, выставленных на продажу, и о керамике «очень хорошего качества». А его спутник просил не забыть о «бумаге», предлагаемой покупателям, «которая в этой стране называется *аматль*, а еще тростник с запахом *ликуидамбар*... и табак... много кошенили... И я чуть не забыл о тех, кто продает соль, и о тех, кто делает каменные ножи...». Здесь продавали «золото и серебро [это было бы невозможно в Перу, где Великий Инка «владел» всеми металлами] и драгоценные камни, перья, плащи...». И при всей этой торговой суете здесь царил порядок. «Прекрасное здание, – уверял Кортес своего сеньора, Карла V, – стоит на этой огромной площади и служит как бы присутственным местом, где всегда заседают десять или двенадцать человек судей, которые совместно рассматривают все дела, возникающие в ходе работы рынка, и немедленно выносят приговоры правонарушителям».

Таков был рынок (*тиакис*), а их на острове было пять. В каждом городе был свой тиакис, и праздничные дни устраивались таким образом, чтобы люди могли посетить различные рынки, расположенные в долине Анауак.

Рис. 26. Деятельность на рынке (тиакис) охватывала все сферы жизни ацтеков, их интересы и потребление. Можно увидеть, как женщины торгуются, покупая продукты питания, а мужчины – предметы роскоши

Рынок в Мехико был большим, возможно, даже самым большим из всех, но он был не единственным: рынок в Чолуле был своеобразной Меккой из-за своего огромного храма Кецалькоатля, который привлекал к себе людей со всей Мексики. Даже те, кто традиционно враждовал, временно сдерживали свою вражду в то время, когда они вели свои торговые дела. Торговля была священна. Испанцы, которые на своем пути в Мехико вошли в Тласкалу, племенное государство, находившееся в состоянии постоянной войны с ацтеками, обнаружили город, который, по мнению Кортеса, был «больше Гранады... а рынок в нем вмещал ежедневно более тридцати тысяч человек, которые продавали и покупали... здесь недостатка нет ни в чем. Здесь есть золото, серебро, и драгоценные камни, и лавки ювелиров... Есть глиняная посуда... такого же высокого качества, как и в Испании. Есть палатки, где парикмахер может помыть вам волосы и побрить... есть также общественные бани... И везде царит порядок... так как они ведут себя как здравомыслящие люди... Самый развитый город в Африке не может сравниться с ними».

Если слово «ходить» означало идти на рынок, то мужчины ходили. Это просто невероятно, пока внимательно не просмотришь все данные, какие расстояния с древнейших времен проходили люди, чтобы сбыть на рынке свои излишки и купить себе все необходимое. Задолго до 2500 года до н. э. человек во многих уголках мира уже ходил на рынок. «В самых отдаленных уголках обитаемого мира, – писал греческий историк Геродот, который сам посетил многие из них, – можно найти самые великолепные товары». Все древние торговые пути были путями, по которым доставляли предметы роскоши, и рынки были тем местом, где их продавали. Дороги Персии были запружены «людьми, едущими по царским делам». Людей привлекала торговля в далекой долине Инда так давно, что, когда Александр Македонский отважился пойти туда, ожидая чего-то другого, он «увидел хорошие дороги из глиняных кирпичей», а всевозможные «деревья с желтыми плодами росли по их обеим сторонам». Была ли это торговля в Древнем Китае, или на Дунае, или в районе «Благодатного полумесяца», которая привлекала человека, – все стремились избавиться от излишков и приобрести предметы роскоши. Торговля была тем магнитом, который влек людей на рынки во всех частях света.

Рынок ацтеков, который в число товаров включал дань, мало отличался сначала от обычной «американской» системы взимания дани с побежденных на войне. Но ацтеки упорядочили ее, и каждые полгода 371 город-вассал поставлял возложенную на него дань в виде такого разнообразия и количества товаров, что были нужны учетные книги, чтобы уследить за всем. В дальнейшем рынок насыщался благодаря деятельности странствующих купцов. Берналь Диас написал: «Но зачем я трачу так много слов, чтобы подробно изложить, что они продают на этом огромном рынке? – ведь я никогда не доберусь до конца, если буду рассказывать во всех подробностях».

Праздничные дни

Праздники в древней Мексике шли почти непрерывно. Не так легко отделить праздничное от обрядового, церковное от мирского, так как все было связано вместе. Однако не трудно обнаружить параллель с не столь далекими временами, когда казни через повешение или удушение гарротой (обруч, стягиваемый винтом) всегда были поводами для праздников, и понять, как в делах такого рода праздник и священный ритуал были связаны между собой.

Как и все другие развитые племена, ацтеки имели свой календарь, разделенный на восемнадцать месяцев по двадцать дней в каждом. Каждому из этих восемнадцати месяцев соответствовали свои обряды и праздники. У месяцев были описательные названия. Первый месяц назывался Атлькоулако («жажда воды»), и были соответствующие церемонии, процессии и жертвоприношения. Вторым месяцем был Тлакашипеуалицтли («снятие кожи с людей»), когда на протяжении шестнадцати дней проходили церемонии и шествия, во время которых жрецы плясали, одетые в кожу принесенных в жертву людей. Эта кожа, естественно, обладала магической силой: она давала плясавшему в ней жрецу силу восставшего из мертвых (т. е. силу жертвы, чья кожа была на нем). Эта кожа не была просто символом, служащим прообразом чего-то, каким символ является для нас, — это была полная реальность. Мы можем отчасти понять значение этого, быть может, из рассказа Анатоля Франса о горожанине XVIII века из Сеза, у которого его служанка украла несколько дублонов. Зная свои права, он потребовал себе кожу воровки, после того как ее судили и казнили, и сделал себе из нее панталоны. Всякий раз, когда мысль об этой потере овладевала им, он хлопал себя по бедру и говорил: «Дерзкая девчонка. Дерзкая девчонка».

Третий месяц, Тосоцтонтли, начинался с «поста», а если это не трогало сердце бога дождя Тлалока, то тогда жрецы проводили другой праздник, с танцами в снятой человеческой коже в честь Шипе. Четвертый месяц приводил людей с полей в город, чтобы поклониться молодой кукурузе. Алтари в домах украшались гирляндами из початков кукурузы. В эти дни не было кровопролитий, и юные девушки возносили свои девственные молитвы семенам кукурузы. К началу пятого месяца (с 3 по 22 мая) уже начинался период дождей; в это время проходили обряды, во время которых человек исполнял роль бога, и в жертву богу дождя приносили детей, чтобы отблагодарить его (в третий месяц ацтеки приносили детей в жертву, чтобы вызвать дождь). Безусловно, было бы клеветой утверждать, что это было связано с людоедством, хотя Берналь Диас писал: «Я слышал, что у них был обычай готовить для Монтесумы мясо маленьких мальчиков». Если такое и имело место, то это был ритуальный каннибализм.

Седьмой месяц (с 12 июня по 1 июля) был отмечен подражательными плясками работников, которые добывали соль из озер долины Анауак. Восьмой месяц (со 2 по 21 июля) был полон веселья: все наслаждались вкусом кукурузы во время восьмидневного праздника, который начинался не раньше, чем жрецы отправят на тот свет рабыню, одетую в великолепные одежды и олицетворявшую богиню молодой кукурузы. Девятый месяц, Тлашочи-мако («рождение цветов»), приносил с собой праздники, которые длились несколько дней и были необычны тем, что мужчины и женщины плясали вместе; они «даже касались женщин», как объяснил один старый ацтек. Эти празднества устраивал растущий класс торговцев (почтека), а впоследствии они посвящались их богу Якатекутли (Иакатекутли), покровителю торговцев.

В десятый месяц (с 11 по 30 августа), по-видимому, праздновали «опадение плодов». Как и когда-то в Европе, люди приходили в праздничном настроении, чтобы посмотреть, как кого-нибудь растянут на жертвенном камне и четвертуют или, что даже еще лучше, обезглавят. Стоит только посмотреть на выразительные рисунки Жака Калло, который изображал парижан, шумно веселящихся во время казни, чтобы увидеть, как праздник перемешан с кровопролитием. В мире ацтеков обряды, посвященные богу огня Уэуэтеотлю, тоже, без сомнения, привлекали праздничные толпы. Военнопленные плясали вместе со своими победителями, а затем, как писал доктор Вайян, они поднимались на возвышение, где их лица обсыпали болеутоляющим порошком *яутли*, который на несколько последующих минут заглушал боль. Полусонных пленников начинали кружить вокруг пылающего костра, толкали в огонь, а затем их вытаскивали из него, еще живых, чтобы вырезать их еще бьющиеся сердца и отдать их богам. После еды и пьянящего напитка *октли* начинались соревнования

по лазанию по шесту высотой около 15 м с целью достать различные бумажные эмблемы, прикрепленные на его вершине.

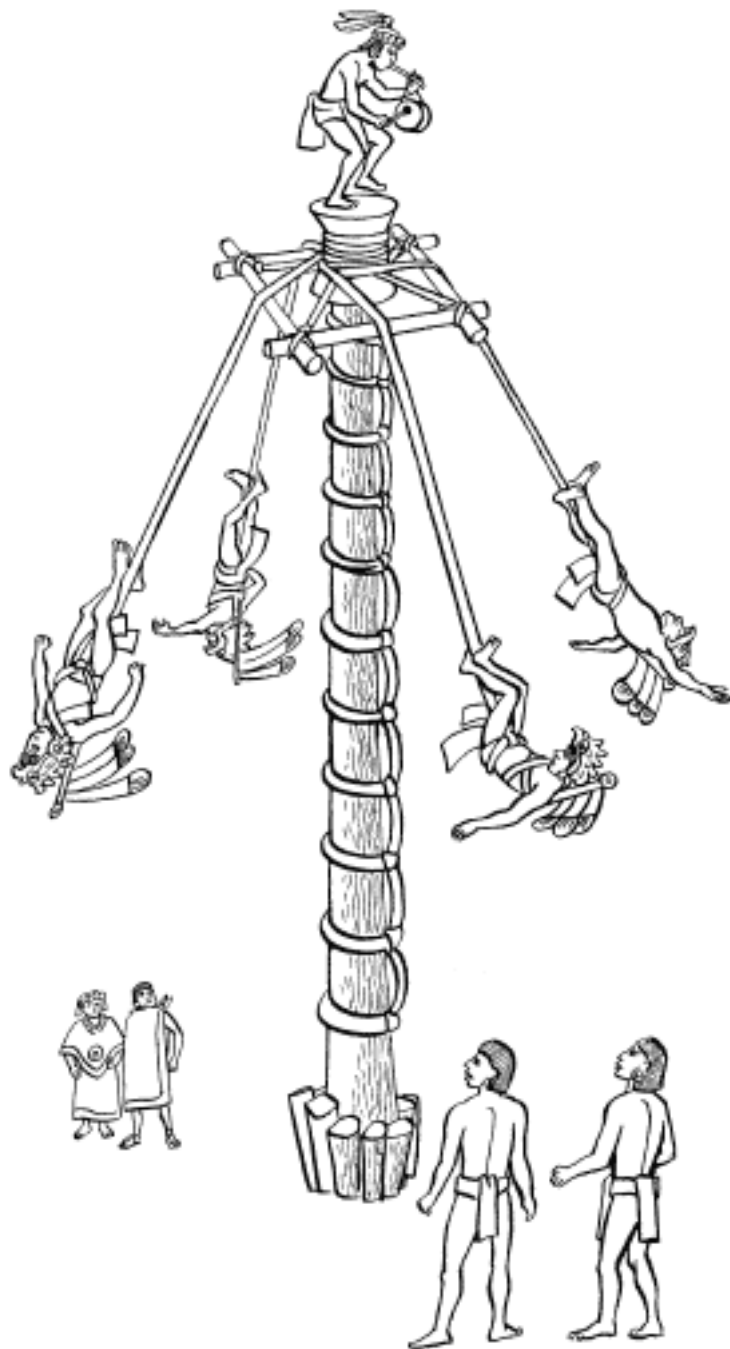

Рис. 27. Церемониальная игра «летающее колесо», в которой мужчины, переодетые птицами, висели на веревках и крутились, создавая впечатление полета. Это развлечение до сих пор устраивается в некоторых уголках Мексики

Одиннадцатым месяцем (с 31 августа по 19 сентября) был Очпаництли («месяц мётел»), который конечно же не обходился без жертвоприношений. Это был также месяц военной доблести, когда все кланы проходили строем с новым оружием и знаками отличия на щитах; проходила процессия воинов Орла и воинов Ягуара (которые в качестве боевых

доспехов носили шкуры животных), фаланга воинов, обладающих особыми привилегиями. Праздник заканчивался состязанием гладиаторов.

Двенадцатый месяц Теотлеко отмечал возвращение богов на землю (тео – «бог», *тлеко* – «возвращение»), когда веселился и млад и стар, так как ритуальное распитие спиртного становилось в эти дни нормой.

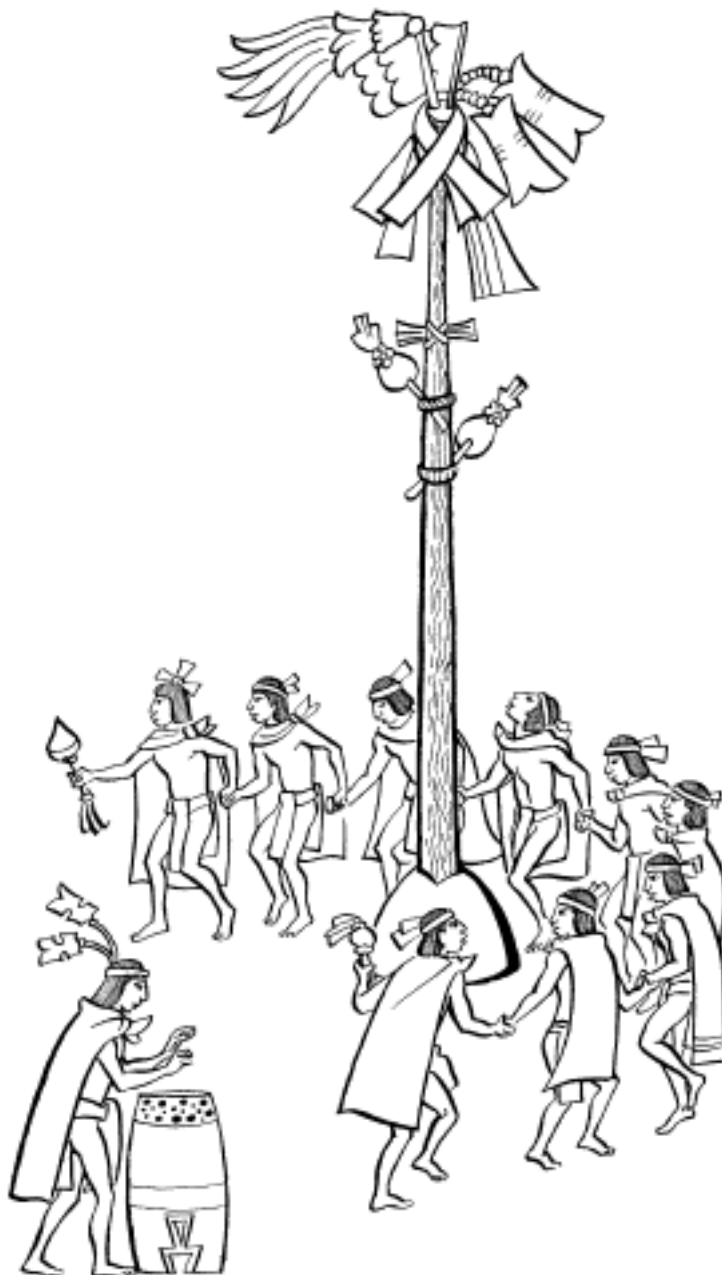

Рис. 28. Танец Шокотльуэтци проходил в месяц, носящий то же название, чтобы отпраздновать «опадение плодов». Мужчины плясали вокруг дерева, украшенного бумажными флагами. Из «Кодекса Мендосы»

Тринадцатый месяц (с 10 по 29 октября) был связан с богом Тлалоком, требовательным богом дождя. Четырнадцатый включал в себя различные епитимьи для всех сроком на четыре дня, в течение которых мужчины должны были воздерживаться от соитий со своими женами. Панкецалицтли («праздник флагов»), пятнадцатый месяц, воздавал почести богу

войны сначала посредством шуточных боев. Затем, как пишет Саагун, «женщины пели и плясали, перемешиваясь в толпе с мужчинами...». Они выливали себе на головы воду из кувшинов – почти так же, как это делали на карнавале в Лиме, – снимали свое мокрое платье, красили руки и ноги в синий цвет и одевались в бумагу *аматль*. Люди, намеченные на принесение в жертву, тоже были одеты в бумажные одежды.

К началу шестнадцатого месяца (с 9 по 28 декабря) уже опять шли дожди, и название месяца Атемоцтли означало «сошествие воды». Люди в течение пяти дней соблюдали пост, готовясь к этому празднику. Ночью они вырезали из бумаги *аматль* «различные фигурки, прикрепляли их к шестам, ставили шесты у себя в доме и приглашали в дом того, чье изображение из бумаги они вырезали». Ацтеки давали обеты, пишет Саагун, «и в то же время брали барабаны, погремушки и панцири черепахи и начинали на них играть». Семнадцатый месяц приносил холода – был уже конец декабря. Теперь люди пытались тронуть сердце бога дождя и уговорить его дать им желанные осадки. Сначала начинали рыдать женщины, потом мужчины; мужчины колотили женщин мешками, набитыми соломой, чтобы усилить их плач. Восемнадцатый, последний месяц года, носил название Ицкалли. Это было время массовых жертвоприношений. Женщин, которых должны были принести в жертву, одевали в бумажную одежду, а после этого отправляли в Куаутитлан, где военнопленных привязывали к столбам на манер индейцев пауни с Западных равнин США и расстреливали стрелами.

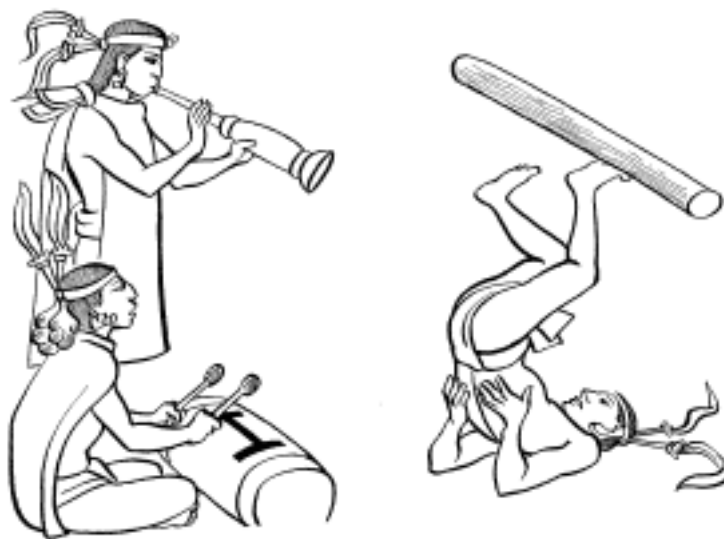

Рис. 29. Праздничные дни оживлялись жонглерами и музыкантами. Шуты были частью окружения высокопоставленного ацтека

Восемнадцать ацтекских месяцев по 20 дней в каждом все вместе давали 360 дней. Воображение не могло охватить больше. Оно насытилось. Следом шли *немонтеми*, «пять пустых дней» (с 7 по 11 февраля). Никто ничего не делал: не зажигали огня, не играла музыка, не занимались любовью... Человек сидел свернувшись калачиком и ждал, ждал...

Изобразить жизнь ацтеков как одну сплошную, полную радости идиллию под мерный бой барабанов, зовущий на неистовые пляски жрецов, было бы, как это видно из этой главы, промахом. Ацтеки испытывали ужас как перед жизнью, так и перед ее стихиями. Метель, явление природы вполне уместное на высоте более 2200 м над уровнем моря, заставляла их души видеть в этом чудо. Невольная потеря крови была катастрофой. Любой контакт с женскими менструальными выделениями мог вызвать цепь несчастий.

Теночтитлан, возможно, был раем, но в этом раю было беспокойно.

Музыка

Музыка ацтеков – на самом деле музыка в Америке вообще – была связана с танцами: любая музыка «в чистом виде» исчезла. То, что от нее осталось, наводит на мысль, что ее сильной стороной был ритм, а слабой – звук. К такому выводу, по крайней мере, можно прийти, глядя на музыкальные инструменты: в большой, вертикально стоящий барабан, который представлял собой натянутую на деревянный каркас кожу (уэуэтли), били голыми руками, при этом можно было немного управлять ритмом и качеством звука. Его аналог меньшего размера вешали на шею, и в него били обеими руками, но контакт с телом ухудшал резонанс.

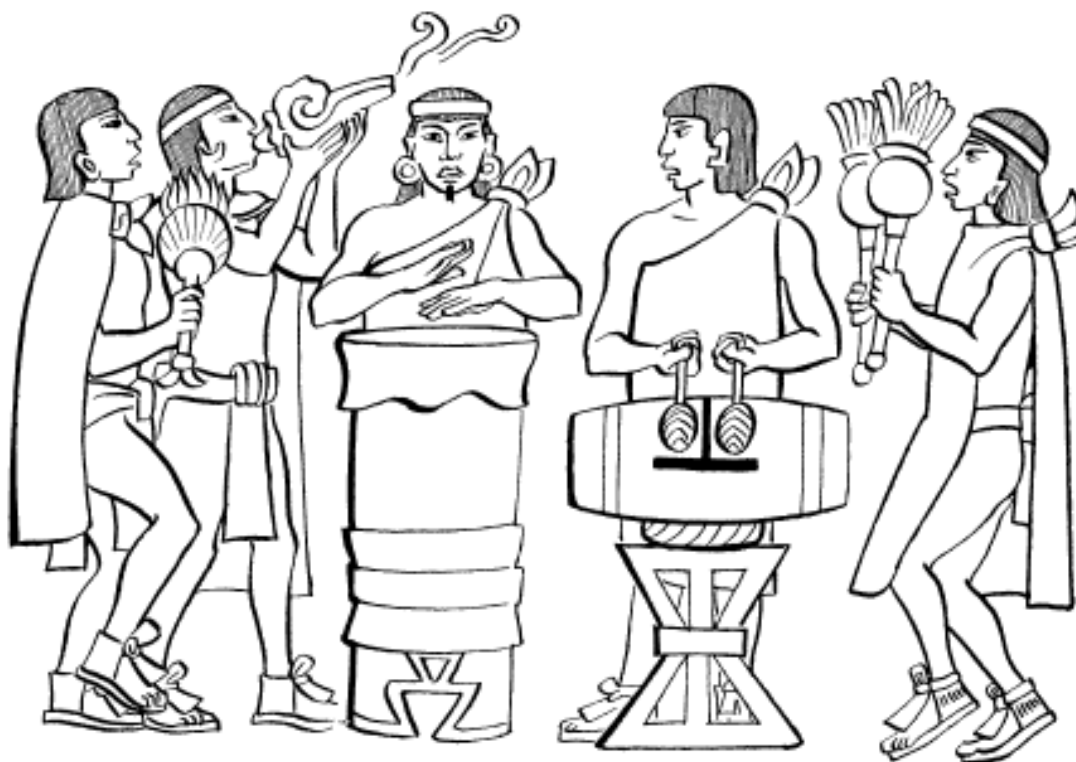

Рис. 30. Музыка и музыкальные инструменты. Труба, барабан и трещотки из тыкв задавали основной тон. Ацтек слева дует в рожок, который представляет собой раковину моллюска. Человек, стоящий рядом с ним, бьет в барабан уэуэтли – вертикально стоящий барабан, сделанный из натянутой шкуры. Другой ацтек бьет в двузвучный деревянный тепонцатли резиновыми колотушками.

Танцующий рядом с ним человек трясет тыквами-погремушками

В двузвучный деревянный барабан *тепонцатли* били колотушками с резиновыми наконечниками, получалось звучно, но однообразно. Из раковины моллюска – у всех народов, так или иначе связанных с морем, включая инков, роль музыкального инструмента выполняли раковины; такое впечатление, что их использовали во всем мире, – можно было извлечь впечатляющий глубокий звук. Несколько таких раковин звучали рано утром, возвещая о том, что взошла Венера, и пробуждая людей ото сна. Так как у ацтеков не было ни струнных музыкальных инструментов, ни таких инструментов, как маримба (африканский музыкальный ударный инструмент типа ксилофона. – *Пер.*) – эти инструменты были культурными заимствованиями у рабов– негров, – их сильной стороной были различные

ударные инструменты. У ацтеков также были флейты вроде свирели, сделанные из глины или тростника, и свистки; а в добавление к трещоткам – наполненные семенами тыквы, а также приспособления из семян или ракушек, которые надевались на щиколотки, для поддержания ритма. Их до сих пор используют в настоящее время индейцы из племени яки. Ацтеки использовали также зазубренные кости, – обычно это были человеческие бедренные кости – которые, если по ним скрести палкой, наводят на мысль о современной кубинской музыке. Необходимо отметить, что эта музыка была ритмичной, но не мелодичной; ее заметный эффект выражался в создании ритма для танцора, а ее внутренний эффект носил гипнотический характер.

Танец был неотделим от музыки, как и пение, и ритм. У ацтеков были разнообразные массовые танцы и, разумеется, групповые танцы. Но будь то воины или жрецы, торговцы или вожди – под какой бы маской он ни исполнялся – танец имел одно назначение: получить помощь у невидимых сил, от которых зависело процветание ацтеков. Пьянство само представляло собой ритуал и было священным. Танец с музыкой были предназначены для того, чтобы склонить на свою сторону богов. Смысл танца для танцоров, равно как и для зрителей, состоял в «мистическом контакте», слиянии с богом, который, как они надеялись, услышит их зов. Величайшее значение имело битье в барабан: оно успокаивало душу и делало богов сговорчивыми. Барабанный бой также оказывал по-настоящему мистическое воздействие; он влиял на расположение невидимых сил и на зрителей таким образом, что «с точки зрения мистики барабан был незаменимой составляющей магических искупительных средств».

Барабан и песня были неотделимы друг от друга. Под низкие ноты, извлекаемые из большого барабана, и под бой двузвучных деревянных барабанов, придающих дополнительное достоинство общему фону, певец (*куикани*) исполнял для бога ацтеков следующий гимн:

Я Чародей Колибри, воин, мне нет равных.
Не зря я надел свой наряд из желтых перьев,
ведь солнце взошло.

Помимо того что песня, музыка и ритм нарушали скучное однообразие жизни ацтеков, их использовали – и так было всегда – для запоминания. Нет сомнений в том, к какому эффекту стремился ацтекский импресарио. Различные эпизоды танца, одни и те же бесконечно повторяемые движения, громкие звуки, украшения и маски – все они имели одну цель, одну религиозную цель – вызвать вспышку эмоций, в которой все присутствующие теряют самообладание и начинают верить, что их желание заручиться благосклонностью богов сбылось.

Игры

Игры всегда были забавой. Но для ацтеков игра сама по себе была недостаточна. Для них это было серьезное дело, связанное с магией и ритуалом; игра не имела ничего общего с отдыхом. Они были более серьезны в том, что не подразумевало серьезности, чем в серьезных делах. Этому есть аналогия на страницах *La Rotisserie de la reine Pedauque* Анатоля Франса, где во время чрезвычайно забавной сцены игры в карты автор размышляет о том, что «люди более щепетильны в игре, чем в серьезных делах, и более честны во время игры в триктрак, когда честность – преодолимая помеха, и забывают о ней во время сражений или заключения мирных договоров, когда она создала бы затруднения».

Страсти, которые проявляются в человеке во время игр, лучше всего были видны в игре под названием *тлачтли*, в которую играли индейцы от Гондураса до Аризоны. Начинаясь она как спортивная игра, а в конце концов стала ритуалом. Никто не может точно

сказать, где или когда она возникла, за исключением того, что у ольмеков, живших в жарких краях на побережье Мексиканского залива, где рос каучук¹⁰, эта игра была еще в 500 году до н. э. Площадка для игры в мяч была найдена в ольмекском храмовом комплексе в Ла-Венте. Название этой игры у них произошло от слова, обозначающего каучук, *оли* (*оль-мек* «каучуковый народ»).

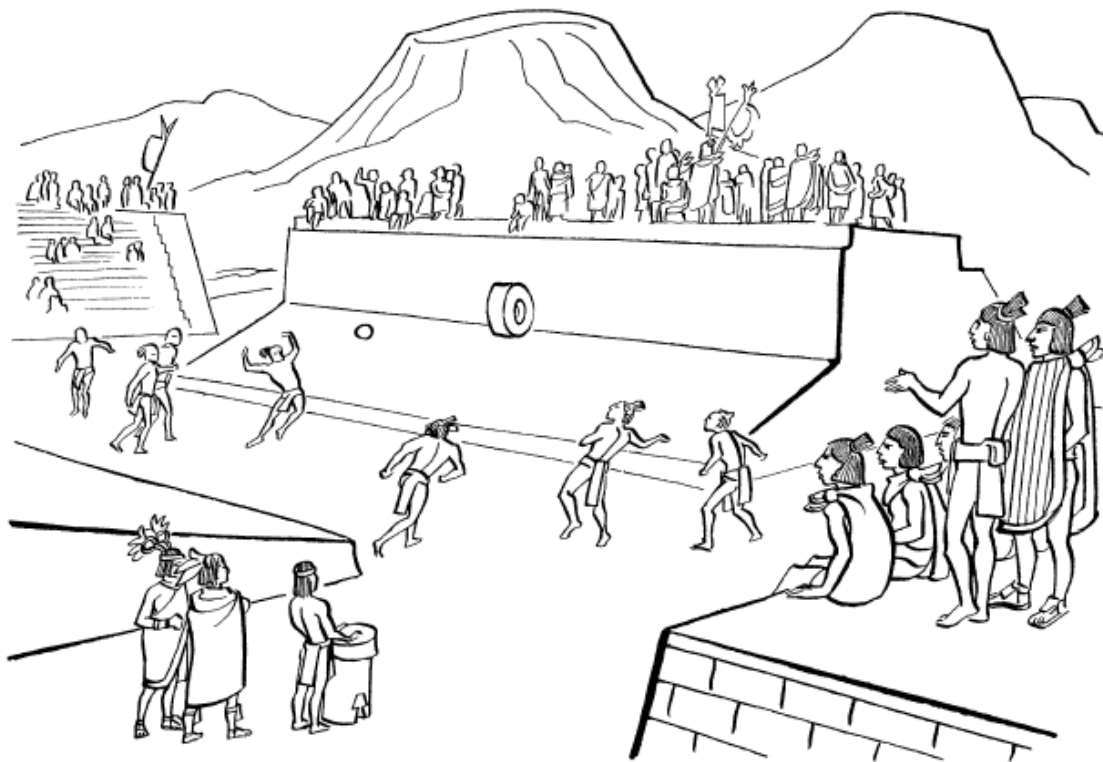

Рис. 31. Тлachtли была первой игрой в баскетбол. В популярную и в то же время ритуальную игру играли на прямоугольной площадке, на которой стояли вертикально каменные «корзины». Мяч был сделан из жесткого каучука. Эта игра была известна и популярна от Гондураса до Аризоны

Уже тогда игра в *тлachtли* имела определенные правила. Даже в доацтекский период выразительные глиняные фигурки людей, играющих в одну из разновидностей этой игры, показывают, что она была такой же популярной и ритуальной, как и бейсбол в США (если кому-то нужна аналогия). В эту игру играли на площадке (см. рис. 31), по сторонам которой были стены с рядами сидений. В центре ее находилась «корзина», каменное или деревянное кольцо, установленное не горизонтально, как в баскетболе, а вертикально. Цель состояла в том, чтобы попасть каучуковым мячом в кольцо. Мяч был твердым, не надутым. Игрокам разрешалось бить по нему только ногами, или бедрами, или локтями; на них были толстые накладки, как у вратаря в хоккее на льду. И хотя многие играли в *тлachtли*, эта игра была по своей сути религиозной игрой, проводившейся перед вождями племен. В Мехико-Теночтитлане площадка для игры в мяч стояла за священной изгородью перед выставленными черепами тех, кого принесли в жертву в главном храме. Одной своей стороной она граничила с храмом, посвященным воинам Орла.

¹⁰ Шарль Мари де ла Кондамен (1701–1774) был первым, кто начал экспериментировать с каучуком. Он обнаружил, что индейцы Амазонии используют его как нечто вроде спринцовки. О каучуке из Веракруса впервые упомянул Овьедо, испанский историкограф, в 1500 году.

Монах Бернардино де Саагун (светская фамилия Рибера. – *Ред.*) писал об этой игре: «Мячи были приблизительно того же размера, что и мячи для боулинга, то есть диаметром шесть дюймов (15,24 см), и были твердыми, сделанными из смолы, называемой улли... она очень легкая, и мяч из нее подскакивает, как будто надутый». И игроки, и зрители делали на игру огромные ставки: «золото, бирюзу, рабов, дорогие накидки, даже кукурузные поля и дома [это напоминает случай, когда кардинал Мазарини проиграл целый замок за одну игру в *bezique*]... в другой раз владыка играл в мяч для развлечения... он также привел с собой хороших игроков, а другие господа играли в команде противника, и они выиграли золото, и *чальчигитес*, и золотые бусы, и бирюзу, и рабов, и богатые накидки, и кукурузные поля, и дома и т. д. [перья, какао, плащи из перьев]... площадка для игры в мяч... состояла из двух стен, отстоявших одна от другой на расстояние двадцать или тридцать футов (6–9 м); стены... были побелены и имели около восьми с половиной футов (2,6 м) в высоту, а в середине площадки была линия, которая использовалась во время игры... между двумя стенами в центре площадки находились два камня, похожие на выдолбленные мельничные жернова, один напротив другого; и в каждом было отверстие, достаточное для того, чтобы вместить мяч... И тот, кто попадал в него мячом, выигрывал игру. Они не играли при помощи рук, а вместо этого били по мячу ягодицами; для игры у них на руках были надеты перчатки, а на ягодицах – кожаный ремень, которым ударяли по мячу».

В других играх ацтеки также были, безусловно, «так же педантичны, как и в серьезных делах». Игра *патолли*, чем-то похожая на триктрак или парчези, была менее возбуждающая; в нее играли на размеченной доске или бумаге, а бобы исполняли роль фишек. Цель состояла в том, чтобы пройти по всей доске и возвратиться «домой», чтобы оказаться победителем. Нет сомнений в том, что это та самая игра, в которую Кортес имел обыкновение играть с Монтесумой, когда тот стал пленником испанцев в своем собственном дворце. Берналь Диас назвал ее *тотолоке*. Это была, по его словам, азартная игра, в которой использовали «очень гладкие округлые фишки, сделанные из золота... Эти фишки и небольшие пластинки, также сделанные из золота, они бросают на некоторое расстояние... За пять бросков или попыток они выигрывали или проигрывали какое-то количество золотых предметов или драгоценных камней, которые они ставили на кон»¹¹.

¹¹ В этой игре было только два игрока, но у каждого официально был свой собственный ведущий счета. У Кортеса им был Педро де Альварадо, прозванный ацтеками «солнцем» из-за своих белокурых волос. Монтесума заметил, что Альварадо всегда отмечает больше очков, чем выигрывает Кортес, и «смеясь, учтиво сказал, что тот поступает неправильно, потому что Кортес за эту игру делает слишком много ишошоль», т. е. он плутует.

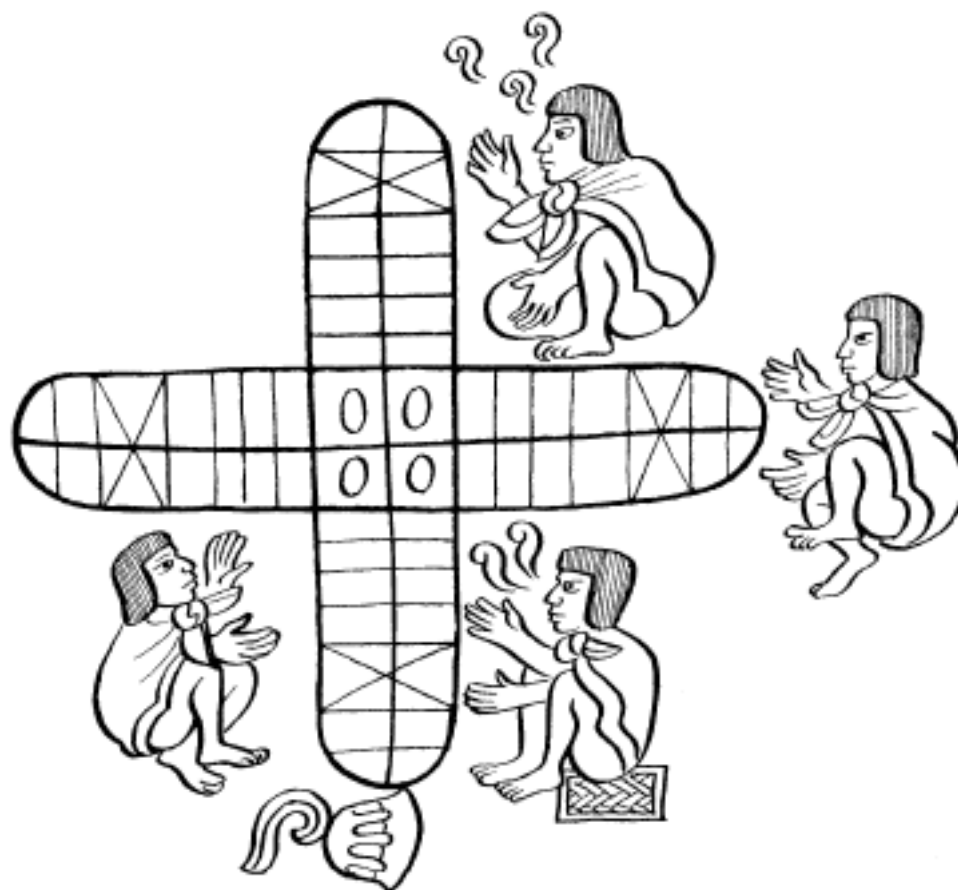

Рис. 32. В игре патолли, похожей на игру парчези, использовали доску в форме креста. И хотя эта игра была азартной, патолли была наполовину священной и находилась под покровительством Макуильшо читля («пять цветков»), бога весенней растительности

У ацтеков были и другие игры, в которые играли главным образом дети (аналоги этих игр есть и в нашей жизни). Это было временем отдыха маленького человека – до того, как обряды и беспросветный пессимизм жизни ацтеков обращали его избыточную природную веселость во что-то мрачное и печальное.

Рациональность правосудия

«Своды законов, – сказал Рабле (когда оставил далеко в прошлом «Пантагрюэля» и подобные сочинения и стал очень серьезным), – опираются на необходимость, а не на справедливость». И ацтеки согласились бы с этим. Они не знали слов «как будто», их правосудие было суровое, быстрое и не подлежало обжалованию. Какие были преступления? Кража, супружеская измена, богохульство, убийство и пьянство (если только это не было связано с обрядами).

Все эти преступления карались смертной казнью. Вряд ли народ, предававшийся массовым ритуальным убийствам, приходил в ужас от такой смерти. Однако здесь была основополагающая разница: война и ритуальное жертвоприношение, убийство и насилие во время сражения не имели никакого отношения к клану или племени. На практике это не отличается от явлений нашей собственной морали: «Нет нравственных явлений, есть только нравственное толкование явлений», мы награждаем убийцу во время войны и считаем убийство вопиющим явлением в мирное время.

Общество ацтеков – это касается любого общества – существовало (теоретически и по большей части на практике) ради блага своих составных частей. Понятия ацтеков о справедливости шли с древних времен. Кража для них была проступком, обычным наказанием за которое было возмещение убытка. За вещи, которые нельзя было вернуть, наказанием была смерть, или изгнание из клана (что было тем же самым), или обращение в рабство. Супружеская измена влекла за собой смерть, хотя тут были возможны варианты в зависимости от материального положения людей, в нее вовлеченных. Наказание соплеменников, которые ненадлежащим образом использовали «царский путь» (дорогу ацтеков), было суровым; ограбление купцов, занимавшихся «священным делом», каралось смертью (забиванием камнями) – торговля и царская дорога были священны и неприкосновенны. Наказанием за убийство была, естественно, смерть.

Самыми ужасными были преступления против религии. Ограбление храма, преступление, которое могло спровоцировать немилость богов, или сомнения в действенности молитв – короче, поношение чего-либо, что могло навлечь несчастье на все племя, каралось немедленной смертью. И в христианском мире не было иначе; вот сообщение из Севильи об аутодафе, опубликованное в 1579 году в *Fugger News-Letters*: «Третий приговор; Хуан де Колор, раб, 35 лет, оскорбил имя Пречистой Девы и других святых – ставил под сомнение сотворенные Ею чудеса... сожжен у столба».

Колдовство было самым страшным из всех преступлений. Одержимость этим заложена в глубочайших фибрах первобытной души, особенно если колдовство было направлено на кого-то из собственного клана. А навлечение смерти посредством колдовства считалось самым тяжким преступлением, более тяжким, чем убийство, – это был каннибализм, т. е. поедание плоти родича. Смертный приговор приводился в исполнение только после длительных пыток. Однако чтобы оставаться объективными, мы должны вспомнить, насколько были распространены ведьмы в нашем собственном мире. Была такая знаменитая ведьма Вальпурга Хаусманн, которая, как сообщалось в одном из выпусков *Fugger News-Letters*, в 1587 году призналась, что за тридцать лет убила сорок три ребенка. Епископ Аугсбургский вынес вердикт: «Лишить жизни через сожжение...» А другой ведьме, судимой за колдовские злодеяния, приговор был изменен «в результате ее горячей мольбы на более легкий... сначала она будет задушена и только потом сожжена».

Рис. 33. Правосудие у ацтеков, как оно показано во «Флорентийском кодексе» на рисунке ацтекского художника. Три вождя осуждают преступника за жестокое преступление и смотрят на приведение приговора в исполнение – казнь через удушение гарротой

Отправление правосудия было задумано таким образом, чтобы люди жили в гармонии между собой. (Оно не было предназначено для их соседей, так как все остальные люди были врагами.)

Ацтеки жили по законам гораздо более суровым, чем те, что мы устанавливаем для себя. В вечном театре кровавой резни и смерти, в котором жили ацтеки, надо было уметь приспосабливаться.

Лекарственные растения

Лекарственные растения ацтеков были очень разнообразны и представляли собой интерес. Мало народов в ранней истории человечества оставили такое всестороннее описание растений: хозяйственных, декоративных и целебных. Ацтеки, подобно всем другим «мексиканцам» до них, были более непосредственными метафизиками, чем мы сами. Они носили амулеты для защиты от болезней в виде украшения на руке, в носу; амулетом мог быть приносящий удачу камешек или ракушка, талисман, предотвращающий пагубное влияние. Болезни, которые причислялись к бедствиям, вызывались невидимыми силами; защититься от них можно было, воззвав к тому же самому средству. И хотя ацтекской медицине было кое-что известно о патологии, она была связана с магией и религией. А так как жизнь есть обманчивый сон, а физика часто спасает от метафизики, ацтеки, будучи хорошими травниками, применяли то, что знали, чтобы облегчить болезнь.

Лекарь (*тиситль*) появлялся в случае серьезной болезни. Он приносил с собой все принадлежности шамана (на театральном языке – реквизит): раковины, крылья орла, пучок волос, табак (чтобы очищать окуриванием). Тиситль начинал как массажист, растирая тело,

чтобы найти и извлечь «волшебный дротик» (камушек, маленькую стрелу), который вошел в тело и «вызвал» болезнь. Одно из названий целителя происходит от слов *тетла-акуисилике*, или «тот, кто возвращает камень». Болезнь не была естественной, она имела мистическую причину. Ее приносили с гор ветры (ведь и мы верили в то, что лихорадка происходит от дурного воздуха; отсюда название – малярия), или бог дождя Тлалок за недостаточное поклонение насылал проказу, язву, даже болезнь ног (несчастье для людей, которые сами себе были тягловыми животными); или если влюбленные мужчина и женщина нарушали запрет на кровосмешение, они могли умереть от *тлацоль-микицтли* («смерть от любви»). Самым лучшим лечением такого стремления было вызывание духа плотского желания Тлацольтетео и посещение горячей бани (этот способ не сильно отличается от того, который описан в лимерике: «думать об Иисусе/ и венерических заболеваниях/ и риске стать отцом ребенка»).

Рис. 34. Лекарь за работой. Пожилая женщина, как показано во «Флорентийском кодексе», прикладывает листья к спине молодой матери

Если причину болезни, после того как магический предмет был извлечен, нельзя было легко определить, целитель давал больному настой коры *олоуки*. Так как это растение относится к роду дурман и обладает наркотическими свойствами, пациент начинал бредить и разговаривать и мог раскрыть причину своей болезни. (Этот же самый принцип лежит в основе наркотического лечения в современной медицине.) Когда этот фокус-покус заканчивался, целитель применял лекарства, одни – целесообразные, другие – неэффективные, а третьи (прямо как у нас) – смехотворные и даже вредные. Какими бы они ни были, индеец принимал их без возражений, боясь что-то изменить жалобами, которые могли ослабить их чудодейственные силы.

Какие болезни приходилось лечить ацтекам? Приблизительно те же самые, что поражали большинство американских индейцев до появления на континенте белого человека:

простуды, грипп и другие респираторные заболевания; малярию; множество кишечных инфекций и заражений паразитами; проказу; кожные заболевания и, очень возможно, сифилис.

Ацтекские травники разработали классификацию растений, особенно тех, которые обладают терапевтическим эффектом. Большая часть этих сведений, по счастью, была собрана до начала завоевания и его последствий, которые привели к гибели ацтекского общества. Несколько таких описаний растений дошли до наших дней, например, *The de la Cruz-Badiano Aztec Herbal*, которое было составлено в 1552 году.

Травник владел полным спектром целебных средств, что было известно Хосе де Акосте, ученому-иезуиту, путешествовавшему по Мексике в 1565 году: «Скажу только, что во времена... мексиканских царей было много больших знатоков лечения болезней лекарственными травами, которые обладали знаниями о многих целебных силах и свойствах трав, корней, деревьев и листьев... Есть тысяча таких лекарственных трав, которые обладают очищающими свойствами, таких как корни *гуануккоакана*, *Pignons of Pupia*, засахаренный *гуануккуо*, масло фигового дерева...»

Рис. 35. Мексиканские лекарственные растения. Из ацтекского сборника с описанием трав. Слева пейотль, справа эло-шочитль

Подобно всем лекарственным средствам, они состояли из равных частей лекарства, надежды и магии. Чтобы избавиться от нарывов, нужно взять листья *тлатль-анкуайе*, прикладывать их утром и в полдень и после прикладывания смывать мочой. Выпадение волос можно предотвратить с помощью лосьона, приготовленного из собачьей или оленьей мочи, смешанной с растением под названием *шу-амолли*. Если в бою проломили голову, «на рану следует наложить толстый слой растений, растущих в летней росе, с крупинками нефрита, хрусталя и *тлака-уацина*, а также слой земли с червями, перетертой с венозной кровью и белком одного яйца; вместо крови можно взять сожженных лягушек». Способы лечения наводят на мысль о болезнях, которые поражали ацтека: он ел слишком много кукурузы, слишком мало мяса и недостаточно овощей; тропики собирали свою дань кишечными инфекциями; роды не всегда протекали легко. Раздражение глаз лечили, смешивая корень *матлаль-шочитль* с материнским молоком (предупреждение: страдающий от этой болезни

должен воздерживаться от секса и носить на шее красный кристалл, а на правой руке – глаз лисы). Налитые кровью глаза, катаракту, опухоли в глазах лечили растениями, которые, как было установлено, обладали выраженным медикаментозным действием. Катары и простуды, обычные или осложненные, лечили, давая пациенту вдыхать аромат растения *а-точ-йетль*, которое представляет собой мяту болотную, используемую в коммерческой медицине.

Зубы у ацтеков обычно были хорошие, но люди часто страдали от распухших десен и боли. Лечили следующим образом: в зубе делали отверстие, в которое клали припарку из кактуса *теночтли* и муки.

Опухоли вырезали обсидиановыми ножами, а после хирургического вмешательства к ране прикладывали измельченные листья растений. «Болезни рук» лечили погружением рук в теплую воду, в которой были измельченные листья какого-нибудь вяжущего растения, после чего пациент должен был положить руку на муравейник и «позволить со всем терпением муравьям кусать свои больные руки». Боли в сердце, жжение в сердце, боли в боку, которые проистекали от чрезмерного употребления хмельного напитка *октли*, лечили другими травами.

Желудочные недомогания были частыми у людей, чьи внутренности кишели паразитами. В описании трав часто можно встретить лекарственные растения, которые убивают желудочных червей, лечат опухоли и дизентерию. Микстуру, которую ацтеки называли *коаненепилли*, использовали, «когда перекрыт выход мочи»; ее смешивали из горьких соков некоторых растений и «применяли как рвотное средство». «Если это средство не принесло пользы, – гласит травник, – то тогда нужно взять смолу очень стройной пальмы, накрыть хлопком, измазанным в меде и истолченным с травой *уиуиц-маллотик*, и все это осторожно ввести в мужской член».

Часто встречались такие заболевания, как подагра, инфекции прямой кишки и ревматизм («боль в коленях»). Еще чаще – «трещины в подошвах ног» у тех, кто много ходил и переносил тяжести. Существовали лекарства от лихорадки «с черной кровью» (которая хорошо диагностируется в травниках: «харкает кровью, тело дергается и поворачивается, пациент плохо видит»). Бывали случаи геморроя, который не являлся результатом, как часто предполагают, современных профессиональных стрессов. Но если кому-то нужно было пройти ацтекский курс лечения, то, наверное, лучше было бы остаться с геморроем («перед началом лечения пусть он убьет ласку и съест ее один вместе с кровью дракона (красная смола драконова и некоторых других деревьев. – *Ред.*)»). Стригущий лишай был свойственен этой местности; чесотка, расстройство пищеварения и бородавки – все это было составной частью житейских бед. Для всех недугов предлагались особые методы лечения. Тем, кто был «обременен страхом», нужно было только выпить порцию снадобья, приготовленного из травы под названием *тонатиу-ишиу*, смешанной с другими растениями, и сделать из него припарку, смешав с кровью волка, кровью и экскрементами *акуэкуэ-ишойалотля*, растертыми с морской пеной.

Вши на голове, душевное расстройство и козлий запах подмышек излечивались, очевидно, без труда. Много хлопот было связано с родами, и существовало много средств для увеличения количества молока и для лечения уплотнений в груди. Знатоки трав облегчали родовые боли, но его методы больше понравились бы Жан-Жаку Руссо, который популяризировал «благородного дикаря», нежели гинеколога: «Матку рожавшей женщины следует промыть соком растений. В матку следует также ввести растертую траву *айо нельуатль* и экскременты орла...»

Рис. 36. Агава американская (метль), способ сбора сладкого сока этого растения и хранения его до превращения в забродивший напиток октли

До настоящего времени не было проведено всестороннего изучения болезней ацтеков. Ничто не свидетельствует о хирургических вмешательствах или трепанациях черепа, как в Перу. Однако отсутствие данных не окончательно, так как у нас имеется всего несколько останков скелетов этих людей. Но нет сомнений в том, что травная медицина ацтеков была хорошо развита. Безусловно, народ, который мог предложить лекарство для снятия «усталости у тех, кто осуществляет управление и выполняет общественные обязанности»¹², вероятно, обладал обширной фармакопеей или хорошим чувством юмора.

Также требуется кровь животных, а именно: рыжего оцелота, *куэтлачтли*, *мицтли*, *окоточтли*, белого оцелота, *тлако-оцелотля*. Их кровью, а также вышеперечисленными соками хорошо умащивают тело человека.

Эти лекарственные средства придают телу гладиаторскую крепость, уносят усталость и укрепляют сердце человека, изгоняя из него робость.

И все же приходило время – и это касается всех, – когда лекарства уже не могли помочь. С самого зачатия ребенка все члены клана и племени делали все возможное, чтобы помочь ему в жизни: его мать лишали девственности другие мужчины, а не его отец, чтобы зло, царившее повсюду, не причинило бы ему вреда; при его рождении звали жреца, чтобы свериться со знамениями и дать ребенку имя в счастливый день; от колыбели до смертельной болезни боязнь «сущностей», которые перемещаются в мире, недоступном органам чувств, никогда не покидала атцтека. То, что человек делал или не делал, было всего лишь попыткой успешно пробраться между Сциллой и Харибдой по изменчивому морю жизни. Когда приближался конец, умирающий, вероятно, чувствовал, что было сделано недостаточно, чтобы

¹² Кора дерева *кецаль-илин*, цветы *эло-шочитля* и *ицки-шочитля*, плоды миндаля (*тлапаль-какауатль*), цветы *какало-шочитля*, *укал-шочитля*, *мека-шочитля*, *уэй-накацтли* и все ароматные летние цветы, листья деревьев: *а-илин*, *ойаметль*, *окотль*, *а-шокотль*, *эка-патли*, *тлако-ицки-шочитль*, *куаух-ишаухтли*, *томац-китль*, *ахуатль*, *тепейлин*, *айяух-куахуитль* и *те-папакуилти куауитль*, цветущие растения с молодой порослью, которые собирают до начала ветров, – из всех этих растений, из одного за другим, отжимают сок и смешивают с чистой ключевой водой в новых сосудах. Все это настаивается один день и одну ночь, а затем туда добавляют для цвета красный сок дерева *уитц-куауитль*.

умилостивить невидимые силы, что, наверное, где-то в пути что-то было забыто, где-то был допущен промах.

Теперь, когда силы были на исходе, умирающий знал, что одного понимания недостаточно, чтобы постичь мир; где-то должны быть доводы сердца. Сборник, описывающий травы ацтеков, дает последний совет; *тиситль*, «лекарь сверится со знамениями относительно того, умрет ли пациент или исцеление придет через глаза и уши... Отметина смерти – затемненность глаз... глаза становятся темными и невидящими... нос утончается... А также зубовой скрежет и... наконец, бормотание бессмысленных слов... на манер попугаев... Можно растереть грудь истолченной в воде древесины сосны... или проткнуть кожу волчьей костью, или костью орла, или пумы... или можно повесить близко к его ноздрям сердце пустельги, обернутое в шкуру оленя... Если ничего не помогает, то смертельный исход неотвратим... и смерть пришла».

Восставшие из мертвых

В «Волшебной горе» Томаса Манна говорится: «Это факт, что смерть человека больше касается тех, кто остался в живых, а не его самого». Безусловно, это было справедливо в отношении ацтеков. Смерть усложняла все. Живым приходилось нести епитимью в разных видах за антиобщественный акт, состоявший в смерти их сородича. Означает ли для нас смерть конец раз и навсегда? Ацтек не знал, как ответить на это. Он не обладал тонкостью французского поэта, который ответил на вопрос о смерти, сказав: «Я есть – ее нет; она есть – меня больше нет». «Для ацтека, – пишет Жак Сустель, – жизнь и смерть были аспектами одной и той же реальности». Он не мог (так же как и вы, и я) представить себе, что его нет на свете.

Затем появилась «исповедь» – древняя, как человеческое общество; умирающий должен был исповедаться. Это очень важная часть христианского обряда и моделей политического поведения у коммунистов; эта традиция уходит в далекое прошлое. Исповеди обладали хорошим свойством, они были необходимы, чтобы нейтрализовать дурные воздействия со стороны умирающего. Например, ацтек верил, что акт умирания нарушал чистоту, так как смерть была формой осквернения общества. На самом деле существовала связь между умирающим человеком и смертью, некое партнерство, вроде того, что объединяет живущего человека и его имущество. Человек несет ответственность; он является молчаливым соучастником постоянно растущего зла. Он должен исповедаться.

Для этого призывали колдуна. Он приходил, сверялся со священным свитком и окуривал умирающего табачным дымом; к богам возносились молитвы, чтобы он умер, как подобает ацтеку. Затем начинались приготовления тела к погребению. Сначала в рот покойника клали кусочек нефрита, который должен был занять место его сердца. Это не было похоже на обол (серебряная, позже медная монета, 5 драхмы. – Пер.), которую древние греки клали в рот умершему, чтобы тот мог заплатить Харону за перевоз через подземную реку Ахерон. Скорее это был символ сердца – «сердце из нефрита» – в его путешествии в потусторонний мир. Приготавливалась еда, в сосуды наливались напитки, завершалось изготовление мумии. Следующим шагом было погребение. Для умерших ацтеков были открыты два пути, но выбор на самом деле зависел от положения в обществе. Если умерший был обычным индейцем, то тело пеленали в ткань, обвязывали веревкой и украшали бумажными флажками; погребальные песнопения (*миккауикатль*) вкладывались в уста мертвых через голоса живых:

Куда мне идти?
Куда мне идти?

Дорогой бога двойной сущности.
Твой дом, случайно, не там, где обитают бессмертные?
Он, случайно, не на небесах?
Или он здесь, на земле,
Только там, где обитают бессмертные?

Смерть волнует и первобытных людей, и цивилизованных, так как умереть, по крайней мере, для ацтека означало совершить действие непредсказуемо далеких потенциальных возможностей. Умершие в действительности продолжали жить: они просто перешли с одной ступени развития на другую; они были невидимы, неосязаемы, неуязвимы. Мертвые (или лучше, по их ощущениям, *восставшие из мертвых*) становились невидимыми членами клана. Тело обычного человека, спеленутое тканью и связанное в смертельный тюр, имело одни вещи для жизни, а другие – для его путешествия из смерти в жизнь. Затем умершего кремировали, а пепел помещали в горшок, на который клали кусочек нефрита; горшок хранили в доме.

Кремации подвергали всех, за исключением тех случаев, когда речь шла о высокопоставленных лицах; вождей помещали в усыпальницы. «Анонимный завоеватель» после разграбления Мехико-Теночтитлана нашел одну из таких гробниц. Там он обнаружил сидящую мумию с личной эмблемой и мечом и драгоценные камни стоимостью до «трех тысяч кастельяно».

Усопшие отправлялись к тем духам-покровителям, которые защищали их в жизни; рыцари Орла, воины, отважные женщины (считались наравне с воинами) отправлялись в страну бога дождя Тлалока. Он также сердечно принимал души тех, кто ушел из жизни утонув, ведь он был богом воды. Какие поступки человек совершал или не совершал в жизни, не имело отношения к степени его бессмертия; поведение при жизни не определяло место души в мире теней. «Мир, – пишет доктор Вайян, – по вертикали был поделен на небеса и преисподние (у них было тринадцать небес и девять уровней преисподней), которые не имели значения с точки зрения морали». Только профессия при жизни и то, как именно умер человек, определяли, куда отправится душа умершего. Воины отправлялись после смерти в восточный рай, благоухающий цветами; женщины, умершие при родах, – в западный рай и возвращались на землю, чтобы являться детям и постоянно раздраженным женщинам. Те восставшие из мертвых, которые не были отнесены к какой-то определенной категории, отправлялись в Миктлан. Это был поистине *via dolorosa*¹³: нужно было переправляться через реки, взбираться на горы, пересекать пустыни, терпеть ледяные ветры и дожди; умершим были очень нужны все те амулеты, которые оставшиеся в живых положили в их погребальный костер в качестве талисманов им на дорожку. Когда душа прибывала в царство владыки мертвых, ее отправляли в одну из девяти преисподних; кусочек нефрита, вложенный в рот трупа до обертывания его тканью, оставлялся в качестве залога в седьмой преисподней.

¹³ Мучительный путь (*исп.*).

Рис. 37. Похороны ацтека

Несчастливые человеческие существа, мы нуждаемся в иллюзиях, даже умерев. Так как человеку, первобытному или цивилизованному, непереносима мысль о механистическом толковании вселенной, он не может постичь тот факт, что, когда человека нет, он перестает существовать. Неведение является не единственным необходимым условием счастья, это условие самой жизни; чувства, которые делают жизнь сносной для всех, вытекают из обмана и питаются иллюзиями.

«Мы не верим, – говорили ацтеки, – мы боимся».

А тем временем живые должны были находиться в трауре в течение восьмидесяти дней. Существовали разнообразные ограничения и запреты на пищу, одежду и занятия сексом; нужно было регулярно класть пищу у урны с прахом, возносить молитвы, делать жертвоприношения кровью, протыкая себе уши и язык. Все это необходимо было делать, чтобы заручиться добрым отношением к себе усопшего; его недовольство могло иметь ужасные последствия и подвергнуть живых двойному возмездию: со стороны справедливо обиженного мертвеца и со стороны сородичей клана, которым пришлось бы коллективно переносить последствия гнева умершего. Через восемьдесят дней запреты снимались. Они периодически повторялись на протяжении четырех лет: «Ведь... дело в том, что смерть человека больше касается живых, чем его самого».

Такой, от материнского лона до могилы, была повседневная жизнь простого ацтека, стоящего в основании пирамиды ацтекского общества.

Рис. 38. Монтесума Шокойоцин – Монтесума II, младший (р. 1466, правил с 1502 или 1503 по 1520). Будучи Говорящим Вождем, он правил в Мехико, когда страна достигла своего расцвета. И хотя материалы, из которых была сделана его одежда, были более высокого качества, в основном они были того же покроя, что и у его подданных: плащ, набедренная повязка и сандалии. Его головным убором была корона

Выше него по рангу были избранные вожди кланов; они, в свою очередь, имели своих представителей в совете племени (*текутли*), а на вершине этой любопытной мешанины из народных избранников находился «совет четырех» (тлатоани). И наконец, на самой вершине пребывал полубожественный Говорящий Вождь, Уэй Тлатоани, возглавлявший армию, верховный жрец, судья последней инстанции в городе-государстве Теночтитлане.

Хорошо известный «царь» Монтесума был Уэй Тлатоани в том роковом 1519 году.

Глава 3

«ЦАРИ» АЦТЕКОВ И ПРАВЯЩИЕ КЛАССЫ

Монтесума

У правителя ацтеков был титул – «Тот, кто говорит» (происходит от глагола *тлатоа* – «говорить»); и его выбирали. Так что Уильям Прескотт не был абсолютно не прав, когда назвал их форму правления «выборной монархией». Власть правителя не была абсолютной, как в перуанском теократическом государстве. Правитель ацтеков не заявлял о своих правах на страну, землю, людей, как это делал Инка. Теоретически у ацтеков была демократия. Каждая семья была членом земельной общины; несколько таких семей образовывали клан, а двадцать кланов составляли племя теночков. В каждом клане был свой совет и выбранный глава; самого старого, или самого мудрого, или самого опытного из глав кланов избирали в межклановый совет, который был связующим звеном между кланами и органом управления племенем. Этот совет сужался до четырех руководителей, которые были советниками главы государства, а также теми, кто выбирал «царя» (действующего; если искать подходящую аналогию, то их можно сравнить с выборщиками в Священной Римской империи), так как «цари» были таковыми не по праву первородства, а могли быть избраны *тлатоани* из братьев предыдущего правителя или, если у него их не было, из числа его племянников. Эти *тлатоани* были ключевыми фигурами в правительстве ацтеков; они избирали того «благородного» отпрыска, который, по их мнению, отличался своей храбростью, воинской доблестью и знаниями. Таким был Монтесума, «коронованный» в 1502 году. Есть его описание, которое производит самое глубокое впечатление, если его сравнивать с описаниями каких-либо других правителей любого из солнечных царств древней Америки.

Было 8 ноября 1519 года, когда Эрнан Кортес вступил со своей небольшой армией в Теночтитлан. В месте слияния двух насыпных дорог «меня вышла встречать почти тысяча знатных горожан; все они были одеты одинаково богато; подходя ко мне, каждый из них исполнял привычный у них ритуал, то есть клал руку на землю, а затем целовал ее – так что я почти час стоял на месте, пока они исполняли этот церемониал».

«Монтесума сам вышел встретить нас с двумястами знатными людьми... Они вышли вперед и выстроились вдоль улицы двумя длинными рядами, держась близко к стенам домов... Монтесуму вместе с двумя вождями несли посреди улицы; один вождь был от него справа, другой – слева. На Монтесуме были сандалии, тогда как другие – босиком».

Берналь Диас, который не довольствовался высокопарными политическими замечаниями, продолжил описание там, где остановился Кортес. «Великому Монтесуме было лет сорок; он был хорошего роста и пропорционального телосложения, стройный и худощавый, не очень смуглый, но имел естественный цвет лица, обычный для индейца. Волосы его не были длинны; его негустая борода имела хорошую форму. У него было несколько длинное, но приветливое лицо... Он был очень опрятный и чистоплотный; один раз в день он принимал ванну во второй половине дня. В наложницах у него были многочисленные дочери вождей, а дочери двух великих касиков были его двумя законными женами. Ему были чужды неестественные склонности (т. е. гомосексуализм). Ту одежду, которую он надевал однажды, он не надевал вторично ранее чем через четыре дня (Великий Инка никогда не надевал одну и ту же одежду дважды). В его охране было двести вождей... и, когда им нужно было поговорить с ним, они обязаны были снимать свои богатые накидки и надевать другие, простые... а также они должны были входить босыми, опустив глаза вниз и не глядя ему в лицо... Они отвечивали ему три поклона...» (У Великого Инки был схожий ритуал.)

Монтесума ел, как великий визирь. «Для каждого приема пищи готовили свыше тридцати различных блюд... и они ставили небольшие керамические жаровни под блюда, чтобы они не остыли... У него было такое разнообразие блюд... индейки, фазаны, местные куропатки, перепела, домашние и дикие утки, оленина, мясо кабана, болотная птица, голуби, зайцы... Их так много, что я никак не могу закончить их перечислять...» Монтесума сидел на низком сиденье, мягком и богато украшенном... Четыре очень красивые, чисто одетые женщины принесли ему воду для омовения рук в сосуде, похожем на глубокий таз, который они называют *шикалес*... А две другие женщины принесли ему хлеб в виде лепешек, а как только он начал есть, они поставили перед ним нечто вроде деревянной золоченой ширмы, чтобы никто не видел, как он ест... Пришли четыре старых великих вождя (это были *тлатоани*) и встали рядом (с женщинами), и с ними Монтесума время от времени беседовал. Говорят, что эти старейшины были его близкими родственниками и его советниками... Они принесли ему всевозможные фрукты... Время от времени им подавали некий напиток, сделанный из какао, в сосудах в форме чаш из чистого золота... Иногда во время еды присутствовали несколько весьма уродливых горбунов, которые у них выполняют роль шутов, и другие индейцы, которые тоже, вероятно, были придворными шутами...»

«Также на стол положили три трубки, раскрашенные и позолоченные, в которых был *ликидамбар*, смешанный с какими-то травами, которые они называют табаком. И когда он закончил с едой... он стал вдыхать дым из одной из этих трубок... и заснул».

Монтесума стал полубогом. И хотя он был выбран, вместе с властью он получил полубожественный ореол. Он был главным жрецом, верховным главнокомандующим армией, главой государства, правителем с неограниченной властью, сдерживаемой лишь древними обычаями, при котором были советники. Монтесума был девятым правителем, племянником последнего владыки по имени Ауицотль и внуком Монтесумы I (по прозвищу Гневный). Будучи претендентом на пост правителя ацтеков, он прошел обучение, подобно всем другим кандидатам, в «религиозной» школе *кальмекак* («дом с большими коридорами»). В этой школе на стене был нарисован образ Кецалькоатля, и там Монтесума узнал историю племени теночков из свитков, исписанных символическими значками. Его учили читать эти письмены и помнить список дат правления различных владык и исторических событий. Вот он:

Начало истории ацтеков – 1168 год (1068. – *Ред.*)

Основание Теночтитлана – 1325 год

АЦТЕКСКИЕ ПРАВИТЕЛИ ПОСЛЕ 1376 (ИЛИ 1375) ГОДА

Правитель	Начало правления	Конец правления
Акамапичтли	1375 год	1395 год
Уицильбуитль	1395 год	1414 год
Чимальпопока	1414 год	1428 год
Ицкоатль	1428 год	1440 год
Монтесума I	1440 год	1468 (или 1469) год
Ашайякатль	1468 (или 1469) год	1481 (или 1483) год
Тисок	1481 (или 1483) год	1486 год
Ауицотль	1486 год	1502 (или 1503) год
Монтесума II	1502 (или 1503) год	1520 год

Монтесума учился обращению с оружием ацтеков: мечом, пращой, луком и стрелами, так как подразумевалось, что он станет военачальником. Когда он изучил идеографическое письмо, он узнал о звездах, астрологии, календаре, а благодаря постоянному чтению *тона-ламатля* (который использовался в качестве вспомогательного средства для запоминания) он научился обрядам и толкованию явлений. В юности Монтесума принимал очень активное участие в войнах; позднее он уделял много времени религии, «будучи дотошным в своем внимании ко всем тягостным церемониалам веры ацтеков». Хосе де Акоста также написал, что Монтесума II был «серьезный и уравновешенный, говорил мало, так что когда он высказывал свое мнение... его боялись и слушали с почтением... Ходил он с такой важностью... и все говорили, что имя Монтесума (храбрый владыка) прекрасно согласуется с его характером».

Когда Монтесуму выбрали правителем, все увидели, что он подметает ступени огромного храма Уицилопочтли, которых насчитывалось 133 («чтобы показать, что он не желал империи», — добавляет Акоста в отступлении). «После того как выборщики... уведомили его о том, что его избрали царем, его повели к алтарю их богов... где он совершил жертвоприношение, пролив на него кровь из своих проткнутых ушей и икр ног».

Первое, что он сделал, — это лично пошел на войну, которая была смелым предприятием, «необходимым для коронации», т. е. с целью захвата военнопленных для принесения их в жертву. Он двинулся к побережью Мексиканского залива, расширил власть ацтеков в обоих направлениях и с триумфом вернулся в Мехико, где во время коронации ему проткнули носовую перегородку, чтобы вставить в нее царский изумруд. Число людей, принесенных в жертву, не достигло того количества, которое было загублено в честь его дядюшки; Ауицотль принес в жертву 12 тысяч человек.

Во время коронации Монтесуму увенчали головным убором, похожим на митру; цвет головного убора, символизировавший власть, был бледно-зеленым. Сразу же после прихода к власти Монтесума удалил от себя всех людей низкого социального положения, повелев, чтобы «в его дворце жили только самые знатные и самые знаменитые люди его царства». Таким образом он отделил от себя демократическую основу Говорящего Вождя: со времен «царя» Ицкоатля существовал обычай, чтобы в царских покоях находились люди разного происхождения, потому что Ицкоатль был рожден от рабыни-наложницы в доме своего отца. Монтесума, по-видимому, наделил себя некоторыми привилегиями бога; делалось ли это до него другими Говорящими Вождями, неясно.

Одежда Монтесумы была такой же, какую носили простолюдины, за исключением того, что она была сделана более искусно. Он носил набедренную повязку, замысловатые сандалии, манту (*тильмантли*) и другое платье, столь сильно расхваленное завоевателями. Эти описания, которые оставили испанцы и от которых впоследствии отмахнулись историки XVIII века как от описаний людей, опьяненных войной, были подтверждены археологическими находками. Мало кто за пределами царства майя жил в такой роскоши; кажущаяся гиперболизация не является преувеличением того реального великолепия.

Брак для «первого господина в государстве» в основном ничем не отличался от «связывания *тильмантли*» у простолюдинов, но, как и браки царей повсюду, часто это было заключением альянса. У правителя была одна законная жена (хотя Берналь Диас утверждает, что две). Испанский историк Овьедо вызнал у доньи Исабель, одной из законных дочерей Монтесумы, что у него было 150 детей от его различных наложниц, но она подтвердила, что у него была только одна законная жена. Эта жена была главной, все остальные выполняли ее приказы. В действительности наши понятия «законная» и «незаконная» здесь воспринимались по-другому и ничего не значили.

Многочисленных потомков готовили к службе. Это справедливо в отношении всех полигамных браков. Великий Инка использовал свое огромное потомство в качестве источника, из которого он брал руководителей своего государства; ацтекский правитель практиковал такую же семейственность. «Царь» Тескоко Нецауальпилли, союзник Мехико, «имел более двух тысяч наложниц»¹⁴. В обществе, где война забирала жизни мужчин быстрее, чем их можно было родить в простом моногамном браке, многоженство казалось наиболее функциональным. Кроме того, ничто так не благоприятствует браку и, следовательно, общественной стабильности, как снисходительное отношение к временной полигамии.

Монтесума правил хорошо. Он расширил пределы своего государства дальше, чем все его предшественники; дань собирали с 371 города; особенно хорошо Монтесумой было организовано правосудие. «Если где-нибудь бывали случаи нарушения закона, то тогда он сурово наказывал за это... А также для того, чтобы понять, как его чиновники выполняют свои обязанности, он часто переодевался... Если они нарушали закон, их подвергали наказанию. Помимо того что он был большим поборником справедливости и благородным человеком, он был очень храбрым и удачливым... Он добивался больших побед и сам пришел к своему величию». Но все стало распадаться: небеса и преисподняя восстали, чтобы наслать на него бедствия. То, что мы назвали бы природными явлениями, для ацтеков было недобрый предзнаменованием: в Мехико пошел снег; вулкан Попокатепетль, который долгое время спал, начал действовать. Родился ребенок с двумя головами; «царь» Тескоко (тот, у которого было две тысячи наложниц), который был «великим волшебником», пришел однажды «в неурочный час», чтобы передать Монтесуме то, что открыли ему боги: он потеряет все свое царство. Чтобы придать всему этому историческую обоснованность, царь Тескоко напоминал о Кецалькоатле, который выступал против человеческих жертвоприношений и был героем мексиканских легенд и преданий, уплыл в изгнание в Атлантический океан, сказав, что он возвратится в тот же самый год своего рождения, чтобы «восстановить мое владычество». Годом его рождения по ацтекскому календарю был год 1-Тростник (Се-Акатль); он попадал на годы 1363, 1467 и 1519. На несколько лет Монтесума почти отказался от своей полководческой функции и окружил себя сонмом астрологов, прорицателей, чернокнижников и медиумов, у которых он стремился узнать – посредством толкования знаков, символов и наблюдением за знаменами, – что надо сделать, чтобы вернуть себе расположение богов.

То, что случилось, было достаточно просто: белые люди добрались до берегов Америки (не в первый раз, до этого Америки достигали скандинавы-викинги в конце X – начале XI века, а еще раньше – очевидно, финикийцы и др. Но на этот раз европейцы пришли сюда навсегда. – *Ред.*). В 1502 году, в самом начале правления Монтесумы, Христофор Колумб во время своего четвертого, и последнего, плавания вступил в контакт с племенем майя. Не потребовалось много времени, чтобы это событие выплеснулось за рамки племенных советов майя и разнеслось от племени к племени по торговым путям. Позднее Висенте Яноес Пинсон и Хуан Диас де Солис прошли (в самом конце 1508–1509) вдоль побережья Юкатана, и снова по ветру полетел слух через джунгли, и какой-то грамотей записал это при помощи символов, и донесение полетело к Монтесуме: необычные бородатые мужчины в больших лодках приплыли из-за моря-океана.

Ни перед одним правителем ацтеков за всю их историю не вставало такой серьезной проблемы, требующей решения, как перед Монтесумой.

¹⁴ Vaillant, George C. The Aztecs of Mexico. New York, 1941.

Жизнь Теночтитлана

Управление и организация жизни в Теночтитлане осуществлялись при помощи уже в общих чертах изложенной системы: «царь», *Уэй Тлатоани*, высказывал свои желания «совету четырех»; они, в свою очередь, доносили их до более представительного органа, состоявшего из глав кланов (*текутли*); затем до нижестоящего органа управления кланом, в котором другой человек, следивший за порядком и возглавлявший клан во время войны, давал членам клана программу действий, спущенную сверху.

Таким образом, клан, основная единица системы, укреплял порядок внутри себя, сплачивался для войны, собирал налоги в своих пределах. Таким способом приказы достигали самой низшей ступени социальной лестницы. Похоже, что ацтеки не управляли покоренными народами. Вероятно, их это не интересовало. Инки в Перу имели обыкновение посылать *митимаес*, «благонадежное» население, говорящее на языке кечуа, на только что завоеванные земли, выселяя оттуда «ненадежное» коренное население. Таким способом инки подчиняли себе народы и объединяли завоеванные земли. У ацтеков так не было принято. Они облагали побежденных не слишком тяжелой данью, если не считать людей для жертвоприношений – вклад, который был необходим для экономики победителей. Каждые полгода все это доставляли в Теночтитлан. Ацтеки по-прежнему не обзавелись друзьями и не сколотили никакой империи. Они прошли всю общественную эволюцию государств эпохи неолита (и несколько более позднего периода); они перебрались из края, где сначала все работало в сельском хозяйстве, в город, который стал храмовым городом, в котором излишки продукции создавались не крестьянами, а специалистами по архитектуре, скульптуре, резчиками по камню, ремесленниками, людьми, которые сами уже не выращивали для себя продукты питания. Затем ацтекское общество перешло на ступень города-государства с городами-спутниками, и в Теночтитлане появился многочисленный класс жрецов, которые снимали все сливки в пользу храмов. И наконец, этот город стал городом завоевателей, взимающих дань с побежденных.

Для этого было достаточно оснований. Ацтеки были воинственным народом. В их краях не было особых природных богатств: хлопка, ярких птичьих перьев, шоколада, золота, каучука – на все это не была щедра их земля. Если ацтеки хотели получить все это, они получали – путем завоеваний. К тому же, когда ацтеки стали заниматься каждый своим делом, они стали производить товары и вести торговлю. Это было довольно трудно: каждый регион враждовал со всеми остальными; было очень мало естественных торговых путей; трудности надо было устранять, чтобы появилась возможность осуществлять торговые отношения. Даже среди городов, которые номинально были ацтекскими, не было единства. По мере того как Теночтитлан, город-завоеватель, расширял свои горизонты, в него попадали новые товары, новые идеи, и постепенно предметы роскоши превратились в насущную необходимость.

Торговля стала жизненно важной для Мехико. А война не прекращалась; дань, итог завоеваний, текла сюда рекой из множества отдаленных уголков и распределялась между кланами. Так как все это давало людям больше свободного времени от работы на полях, это время стали посвящать производству, которое, в свою очередь, давало изделия, которые ацтеки обменивали на рынке на предметы роскоши. Возник новый класс купцов (*почтека*), что стало явлением в древней Америке: это были торговцы, у которых имелись свои собственные гильдии, свои собственные боги, и они были выше законов, которые применялись к большинству. *Почтека* периодически отправлялись из Мехико с длинными караванами носильщиков (*таменес*), каждый из которых нес на своей спине груз весом 27,2 кг; впереди каравана двигался важный *почтека*. Проходя под защитой воинов по спорным терри-

ториям, людской караван проникал в Южную Мексику, в Гватемалу и дальше за ее пределы – до Никарагуа. *Почтека* обменивали произведенные ацтеками товары на сырье, имеющееся в жарких южных странах: изумруды, которые долго пробирались в Мексику из Мусо (Колумбия), единственного места, где их находили в доколумбову эпоху в Америке, золото из Панамы, перья из Гватемалы, шкуры ягуаров, орлиные перья, хлопок, шоколад, натуральный каучук, живых птиц для царского птичника в Мехико (источник перьев для мастеров, создающих изделия из перьев). Дороги были, можно сказать, открыты; ацтекские гарнизоны стояли в стратегически важных пунктах или на только что завоеванных территориях. Почтека передвигались свободно.

У завоеваний есть свой естественный предел. У ацтеков не было никакого четкого плана ассимиляции. Завоевание часто следовало за торговлей по мере того, как ацтеки получали сведения о богатствах и крепости обороны в тех краях, где побывали купцы. Иногда этот процесс шел другим путем: ацтеки заставляли деревни и города-государства, которые уже знали, что такое жестокая война с завоевателями-ацтеками, платить дань. Число таких населенных пунктов увеличивалось, пока ко времени царствования Монтесумы не достигло 371.

Таким образом, пока росла мощь ацтеков, богатства всех этих культур стекались в их столицу.

Мехико-Теночтитлан был островом, городом, стоящим на воде.

Он был чем-то похож на Венецию. В нем были такие же улицы и площади, как в Венеции, сотни извилистых переулков, каналы, мосты и дамбы. Теночтитлан, как и Венеция, был основан не по «прихоти людей», заложивших эти города, а из соображений безопасности. Подобно древним венецианцам, которые завладели песчаными отмелями, нанесенными прибоем Адриатики, и превратили эти болотистые островки в город с его каналами и водными путями, ацтеки сделали то же самое, когда бежали с суши в поисках безопасности, которую они обрели на двух заболоченных островках в 5 километрах от берега в озере Тескоко.

Теночтитлан получил свое название по названию кактуса *теночтли*, который рос на островке; народ стал называться *теночками*, а город – Теночтитлан. Если название города разбить на корни, то выявится его происхождение: *тетль* – скала, *ночтли* – кактус, *тлан* – город. Якобы орел сел на кактус, когда закладывали город; однако одного из *тенов* (вождей), которые, согласно легенде, основали город, звали Теноч – возможно, что и поэтому город получил свое название.

Долина Анауак, имеющая форму овала 30 на 50 километров и расположенная на высоте 2278 м над уровнем моря, хранила воды пяти озер, каждое из которых имело свое название, хотя все они образовывали один целый водоем, вода в котором варьировала от пресной до соленой. Самым большим из них было озеро Тескоко. Прямо напротив лесистого холма Чапультепек приблизительно в 5 км от берега в озере были расположены два островка, которые представляли собой выходившие на поверхность скальные породы, окруженные илистыми отмелями, заросшими по краям тростником. Здесь и был основан Теночтитлан.

Рис. 39. Мехико-Теночтитлан глазами ацтекского художника. В нем были улицы и площади, как и в Венеции, с каналами, мостами и дамбами. Этот план схематичен, но в центре города виден огромный храм теокалли, вокруг которого располагалась главная площадь. К северу от Теночтитлана находился город Тлателолько, его противник, но в результате быстрого завоевательного броска ацтеков этот город был покорен и стал частью Большого Мехико

Первыми строениями были мазанки, даже в наше время остающиеся неизменным жилищем крестьянина на плоскогорье. Вслед за ними был построен храм, который перестраивали из века в век, и он вырос во внушающий благоговейный трепет храм Уицилопочтли (в настоящее время здесь находится кафедральный собор Мехико). Занимаясь застройкой этих двух островков¹⁵, ацтеки, очевидно по договору, оставили за собой небольшой клочок земли на побережье, хитроумно расширив его за счет *чинампа*, «плавающих садов», а пространство между ними превратилось в каналы. Веками продельваемая работа расширяла изначальные илистые отмели, пока Большой Мехико-Теночтитлан, то есть Теночтитлан и Тлателолько, не образовали город площадью свыше 2500 акров (свыше 1000 гектаров). Это был город весьма приличных размеров: стены Рима во времена Марка Аврелия (автор путает этого императора (II в. н. э.) с императором Аврелианом (III в.), во времена которого и были построены новые стены Рима, защищавшие вышеуказанную площадь города. – *Ред.*) окружали город площадью всего лишь 3500 акров; Лондон во времена Самюэля Пипса (1633–1703, английский мемуарист. Будучи чиновником адмиралтейства, с 1659 по 1669 вел дневник – ценный источник, расшифрованный в начале XIX в. и опубликованный в 1825. – *Ред.*) едва ли был больше.

Город Мехико-Теночтитлан рос так же, как росла Венеция: ацтеки совершали набеги на земли вокруг озер – здесь что-то завоевали, там заключили земельный договор, – пока к 1400 году большая часть окрестных городов-государств и их земель не попали под власть ацтеков. Так как теперь ацтеки гарантировали свою безопасность, они начали строить большие насыпные дороги, которые соединили островное царство с побережьем озера. Таких дорог было четыре; самое лучшее и наиболее достоверное описание их принадлежит Эрнану Кортесу, человеку, который разрушил этот город.

«Великий город Теночтитлан... расположен в двух лигах... от любой точки побережья. К нему вели четыре насыпные дороги... шириной 3 м 66 см». Та дорога, по которой он въезжал в город в 1519 году, начиналась в Истапалапа («...мы видели много городов и деревень, построенных на воде, и других больших городов, построенных на суше, и ту прямую и ровную дорогу, ведущую в Мехико...» – пишет Берналь Диас). Эта насыпная дорога

¹⁵ Было два островка; один, Тлателолько, заняли ацтекские воины, пришедшие с соседнего Аскапоцалько, расположенного на берегу озера; Теночтитлан заселили те, кто пришел из Чапультепека. Эти два островка стали соперниками, как Буда и Пешт или Миннеаполис и Сент-Пол. Их соединял мост. Соперничество привело в 1473 году к войне. Тлателолько потерпел поражение и стал частью Большого Мехико.

(«шириной в два копы, была широка настолько, чтобы по ней могли проехать в ряд восемь всадников») тянулась приблизительно 1,6 км, а затем соединялась с другой дорогой, идущей из города Койоакан. Здесь находилось укрепление с зубчатой стеной и подъемным мостом; далее дорога тянулась более 3 км строго на север до самого города. По ней много ездили и ходили, «но какой бы широкой она ни была, она была так запружена народом, что на ней едва хватало места для всех...». Вторая была вспомогательная дорога с акведуком, который изгибался аркой, соединяясь с берегом озера, и встречался с этой главной дорогой недалеко от въезда в город. Третья дорога шла в западном направлении к Чапультепеку (ответвляясь на Тлакопан). Здесь акведук доходил до центра города. «Вдоль... этой насыпной дороги построены из камня две трубы шириной два шага каждая (примерно 1,8 м) и высотой приблизительно с человеческий рост; по одной из них течет очень чистая пресная вода». Другой водовод был пустой и использовался, когда чистили первый. Так как через определенные промежутки на дороге были разъемные мосты на случай нападения, то пресная вода, как объяснил Кортес, «течет по глиняному желобу шириной с быка (25 дюймов, или 63,5 см), который занимает весь мост»¹⁶. Четвертая и последняя дорога, самая короткая из всех, длинной не более полумили (0,8 км), связывала город с берегом у Тепейака.

Эта система насыпных дорог, величайшее достижение инженерного искусства ацтеков, имела двойное назначение: быть средством сообщения и служить дамбой. В озерах периодически поднималась и опускалась вода; дождь мог быстро поднять уровень воды (стока у озер не было); ветер мог нагнать огромные волны, захлестывавшие весь город, который часто подвергался наводнениям. Так как Теночтитлан был почти разрушен наводнением в 1440 году, его тогдашний правитель Монтесума I обратился к своему другу и союзнику, правителю развитого города Тескоко. Система насыпных дамб была построена таким образом, чтобы удерживать воды озера Хочимилько. К тому же, разделив озера с помощью других насыпных дамб, ацтеки сохранили воду озера Хочимилько пресной и защитили Мехико-Теночтитлан от подъемов уровня воды. Так как большая часть озера была неглубокой (около 2 м), дамбы сначала были понтонного типа, а позднее их заменили *чинампас*, прочно закрепленные на мелях. Ни в каких своих записях ацтеки не оставили нам ничего, что проиллюстрировало бы их единственное крупное инженерное достижение.

Город, подобно столице инков Куско (в Перу), был поделен на четыре части по числу насыпных дорог, которые входили в город с трех из четырех сторон света. У каждого официального въезда в сам город стояла дорожная застава, где взимались пошлины.

После того как улица уже переставала быть насыпной дорогой, ее можно было ясно и без помех увидеть на всем протяжении («можно видеть все из конца в конец, хотя она длиной около двух миль (5 км)»), а по обеим сторонам улиц стояли в ряд дома («очень красивые, очень большие, и частные жилища, и храмы»). Дома были разных видов в зависи-

¹⁶ Там было два акведука; один был построен Ауицотлем (правил с 1486 по 1502), и он тянулся от Койоакана по изогнутой насыпной дороге; его вода сливалась в резервуар на главной площади.

мости от ранга владельцев. Дома, принадлежавшие простолюдинам, были мазанками, крытыми тростником; дома людей высокого ранга стояли на каменных платформах (на случай наводнения) и были построены из обожженного на солнце кирпича, покрыты снаружи штукатуркой и выкрашены яркой краской.

У обычных домов, которые неизменно были одноэтажными и с остроконечными крышами, задняя дверь выходила на улицу, в доме имелся внутренний дворик с садиком, а вход был со стороны узкого канала, игравшего роль водной улицы. Там у дома была своя пристань для выдолбленного из дерева каноэ. Дома знатных людей были двухэтажными, построенными из камня *тецонтли*, и имели плоские крыши. В городе было «много широких и красивых улиц», – написал анонимный конкистадор; по всей вероятности, они были построены из кирпича-сырца, так как, на его взгляд, они «были сделаны наполовину из затвердевшей земли, как кирпичная мостовая». Многие, если не большинство, таких «улиц» представляли собой каналы, как в Венеции. «Есть главные улицы, целиком водные, по которым можно проплыть только на каноэ». У каждого жилища был небольшой клочок земли, садик; это явствует из обрывка ацтекской карты (составленной около 1480 года), нарисованной на бумаге *аматль*, на которой четко изображены отдельные дома, земельные участки, улицы и большие каналы.

Теночтитлан был поделен на двадцать частей (кальпулли), которые испанцы называли *barrios* (районы – *исп.*). Мы будем называть их родовыми общинами. У каждой общины был свой собственный храм (*теокалли*) и школа; у каждого района было свое название и эмблема. На самой большой площади стояла огромная пирамида Уицилопочтли и Тлалока. Сооружение высотой свыше 60 м было двухступенчатым и состояло из двух храмов. Храм слева, выкрашенный белой и синей краской, был храмом национального бога, волшебника колибри; другой храм, выкрашенный белым по кроваво-красному полю, был посвящен богу дождя и произвел очень сильное впечатление на испанцев. «Он такой, – пишет Эрнан Кортес, – что никакой человеческий язык не в силах описать его размеры и величие». Хотя отец Акоста попытался сделать это: «На вершине храма находились две... часовни, а в них стояли два идола». Данные постройки покоились на площади около 4 м², так как пирамиды, как и везде в Мексике, были усеченными. Берналь Диас поднялся на огромную пирамиду и сосчитал ступеньки: их было 114, ведущих к храмам, где Кортес и Монтесума провели свою знаменитую беседу о достоинствах богов. Стропильные балки и камни были прекрасно обработаны. Это было такое священное место, куда мало кто мог войти, и, когда Кортес захотел удалить идолов и поставить на их месте крест, Монтесума прервал встречу, сказав, что «ему надо помолиться и сделать жертвоприношения во искупление огромного греха (*татакуль*), который он совершил, позволив нам подняться на эту величайшую святыню...». Рядом со ступенями находился большой жертвенный камень; Берналь Диас содрогнулся при мысли о нем: «[Сюда] они клали несчастных индейцев, чтобы принести их в жертву; там был массивный идол, похожий на дракона... и много крови...»¹⁷

Огромная, мощенная камнем площадь имела такие же размеры, что и *zocalo* (центр главной площади – *мекс.*) в современном Мехико: 158,5 на 183 м. И на этой площади стоял огромный *теокалли* с четырьмя пирамидами меньших размеров по бокам. Это был храм Кецалькоатля, округлое сооружение, обвитое зелеными змеями с открытыми клыкастыми пастьми; здесь было возвышение для гладиаторских боев, площадка для священной игры в мяч, по одну сторону которой находилась резиденция жрецов, совершающих обряды, а по

¹⁷ Берналь Диас описал вид, открывшийся ему с вершины того «огромного и проклятого храма»: «...мы увидели три насыпные дороги... то есть дорогу в Истапалапу, по которой мы вошли в Мехико, в Такубу и в Тепейакилью. И мы видели, как пресная вода поступает из Чапультепека [по дороге, соединяющей Тлакопан с Теночтитланом]... мы видели мосты... мы видели храмы и молельни, которые были похожи на башни и крепости, и все они были белыми и сияли. Это было удивительное зрелище... за ними шли дома с плоскими крышами...»

другую – дом военного Ордена Орла, военной элиты. Рядом с площадкой для игры в мяч находился частокол черепов (*цомпантли*), на котором висели черепа людей, принесенных в жертву. Три насыпные дороги заканчивались на главной площади (точно так же, как и в Куско, столице инков, дороги «четырех четвертей», которые пересекали вдоль и поперек их страну, заканчивались или начинались на главной площади). Из них дорога на Истапалапу вела на юг, по ней-то испанцы и вошли в город. Вода поступала в город на эту огромную площадь, а отсюда она либо бежала по трубам в другие части города, либо ее набирали здесь в кувшины – и по сей день можно увидеть, как это делают здесь женщины. Город, белый и сияющий на солнце, с варварски раскрашенными домами и храмами в окружении синего озера, вероятно, показался городом, плывущим по воде, чем-то из «Тысячи и одной ночи», с его садами и птичниками, и множеством народа, живущего спокойной, мирной жизнью. Таким он показался Берналю Диасу: «Мы были поражены и сказали, что он похож на волшебство из легенды об Амадисе». Впечатление, которое произвел город, было таким устойчивым, что, даже когда тому же самому Берналю Диасу исполнилось 84 года (а прожил он 101 год. – *Ред.*) и он был наполовину слеп и наполовину глух, страдал от старых ран и ничего не получил за все свои старания (ну почему же? Занимал почетное положение. – *Ред.*), Берналь Диас по-прежнему смог написать: «Он был действительно удивительным, и теперь, когда я пишу о нем, он встает перед моими глазами, как будто это все случилось вчера».

На другой половине огромной площади, не занятой постройками, располагался рынок (тиакис). Здесь представители правящего класса обращались к народу. На одном его конце находился священный камень войны, около которого сходились военачальники, прежде чем идти в бой; на другом – каменный календарь. Напротив последнего стоял новый дворец Монтесумы. Это было огромное сооружение, такое же большое, как и сама площадь, настоящий «город в себе» (здание современного муниципалитета занимает сейчас такую же площадь); дворец повторял черты огромной площади в миниатюре. Дворец был двухэтажный, и покои Монтесумы находились на втором этаже. Остальная часть великолепного сооружения была, словно сотами, заполнена комнатами. Там были роскошные покои для «царей» городов-государств Тескоко и Тлакопана, союзниками которых были ацтеки. Там были комнаты по крайней мере для трехсот гостей, которые приезжали и уезжали. Внизу располагались помещения суда, особенно те, в которых содержались люди перед судом, комнаты для «судей» (ачкаухкалли), склады (петалькалько), куда доставляли и где хранили, чтобы потом распределить между всеми, дань, собранную с 371 города. Именно в одно из таких помещений и провели Берналя Диаса, чтобы тот увидел эту дань: «...его дворецкий был великим касиком... и он вел учет всех доходов, которые поступали к Монтесуме... У Монтесумы было два дома, полные всевозможного оружия... а в других помещениях хранился хлопок, продукты питания, шоколад, перья, золото, драгоценные камни – все, что составляло подати (дань)». В других частях дворца располагались комнаты управляющих, которые вели учет в различных отраслях хозяйства этого «теодемократического» государства.

На втором этаже были покои жены Монтесумы, его ста пятидесяти наложниц и их отпрысков, сотен его телохранителей и слуг. «Каждое утро на заре, – писал Кортес, – в его дворце уже находились свыше шестисот представителей знати и вождей; кто-то из них сидел, кто-то ходил по комнатам... Слуги этих господ заполняли два или три внутренних двора и даже оставались на улице».

Изумительным украшением комнат были резные деревянные балки, лучше которых, по словам Кортеса, «не могло быть нигде, так как на них были вырезаны орнаменты из цветов, птиц и рыб». Стены, очевидно, были украшены драпировками. Берналь Диас и его «бравые ребята» были размещены во дворце Ашайякатля, неподалеку от дворца Монтесумы на этой же площади, где «были огромные залы и комнаты с балдахинами из местной ткани... [стены] были покрыты яркой штукатуркой и украшены гирляндами». Стены во дворце Мон-

тесумы были украшены настенной росписью и барельефами, на дверных проемах висели драпировки. В его дворце было так много комнат и дверей, что «покои Монтесумы» показались (по крайней мере, Берналю Диасу) лабиринтом. Он признавался: «Я бывал в нем больше четырех раз, и там всегда оставалось еще многое посмотреть; я всякий раз утомлялся от ходьбы, и поэтому я так и не смог увидеть все».

К дворцу примыкал или находился внутри него (в нем было много внутренних дворов) царский птичий питомник. Это поразило конкистадоров, так как нигде в Европе не было зоопарков – там о них не слышали. «Там было десять водоемов, в которых у них жили всевозможные водоплавающие и водяные птицы, известные в этих краях... за это я могу поручиться Вашему Величеству», – писал Кортес императору Карлу V (он же испанский король Карл I), боясь, что если он станет описывать птичий питомник, то король решит, что он сошел с ума. «Ручаюсь, что эти птицы, которые могут питаться только рыбой, ежедневно получают ее в количестве более 113 кг».

Насколько велик был город, насколько велики были владения города– государства Теночтитлана? Никто этого точно не знал. Кортес признался, что «не смог выяснить точную протяженность... этого царства». Он думал, что оно «по величине такое же, как Испания». Разумеется, даже если принимать в расчет естественное преувеличение, это был один из самых больших городов мира; похоже, немногие города в Старом Свете были такого размера.

Конечно, он не был единственным в своем роде; «...самое необычное стечение обстоятельств, – писал В. Гордон Чайльд (выдающийся британский археолог XX в. – *Ред.*), – которое имело место не больше чем пять раз: в дельте Тигра – Евфрата, в долине Нила, в бассейне Инда, в центральноамериканском Мехико и... в Перу». Народы эпохи неолита, полностью зависевшие от сельского хозяйства, прошли то, что он назвал «урбанистической революцией», которая радикально изменила структуру их общества и психологически, и экономически, усиливая эксплуатацию земель, создавая излишки, освобождая многих от сельскохозяйственного труда и создавая специалистов, все свое время посвящающих какому-нибудь делу. В результате всего этого появился город со всеми своими проблемами. Народ, втиснувшийся в города, был радикальным отклонением от «американского образца», в котором либо из-за своей замкнутости, либо в силу нерациональных способов обработки земли в эпоху неолита (требовались большие земельные пространства) родовые общины или семьи были отделены друг от друга значительными расстояниями и собирались вместе только в том случае, если их к этому понуждала необходимость.

Насколько многолюдным был древний Теночтитлан? По словам конкистадоров, в острове царстве было от 70 до 100 тысяч жилых домов; если в каждом доме жило от четырех до десяти человек – то есть в среднем шесть человек в доме, – то население Теночтитлана должно было составлять около полумиллиона жителей. Маленькая армия Кортеса из тысячи человек (даже с учетом наемников-индейцев) не смогла бы подавить *такое* количество народа. «Читайте: «восемь тысяч» вместо «восемьдесят тысяч» домов», – писал Хуан де Ривера, который – хоть он и плутовал в карты, пытался ограбить Кортеса и, в довершение всего, был косоглазым – тем не менее был тонким наблюдателем и ставил под сомнение цифры, как и Берналь Диас. Один историк называет цифру 30 тысяч для Теночтитлана, но современный французский автор, часто цитируемый в этой книге, придерживается старых цифр. Он считает, что «население города составляло, несомненно, более пятисот тысяч жителей, но, вероятно, менее миллиона».

Численность народа, не имевшего своей истории, – это как метафизика финансов: она зависит от того, как толковать статистику.

Эрнан Кортес должен был это знать. Он был боевым командиром, и, когда он раздувал цифры (как это делают все командиры), он должен был иметь «оценку ситуации». О населении Мексики он прямо пишет, что Тескоко, один из самых больших и самых разви-

тых городов-государств, расположенных на берегу озера напротив Мехико-Теночтитлана, «вероятно, имеет около тридцати тысяч жителей». Удвойте эту цифру или даже поступите безрассудно и утройте ее, и тогда получится, что в Мехико-Теночтитлане насчитывалось не более 90 тысяч горожан. Даже «уменьшенный» таким образом, он все равно был одним из самых крупных городов в мире: в то время в Лондоне было не более сорока тысяч жителей, а Париж мог похвастать 65 тысячами.

И хотя у ацтеков не было империи (в том смысле, в каком обладали ею инки), хотя у них не было того, что многие считают необходимыми составляющими цивилизации: металла (т. е. орудия труда были из камня; золото и медь были ацтекам, естественно, известны), колеса, тягловых животных, ручной мельницы – у них была форма организации, выросшая из местных древних традиций и сделавшая возможными достижения, которыми навсегда отмечены все вещи, к которым применимо слово «мексиканский».

Глава 4 ДОСТИЖЕНИЯ

Что строили в Мексике

Конкиста означала гибель архитектуры ацтеков. Мы можем смешать свои слезы со слезами Эрнана Кортеса, которые он пролил 13 августа 1521 года в День святого Ипполита, когда Мехико-Теночтитлан, «...один из самых красивых городов в мире», был разрушен до основания в ходе штурма (в процессе взятия). С его падением были полностью утрачены размах и назначение архитектуры этого города. То, что осталось после катастрофы поражения, было остатками храмов и пирамид, украшенных именами, которые звенят, как тяжеловесные медные кисти, и больше ничего. Ничего не осталось от домов простых людей, даже земельного плана, который мог бы дать представление о том, как им служила их архитектура. Однако благодаря существующим «Кодексам», археологическим раскопкам и описаниям тех, кто уничтожил Теночтитлан, а также благодаря средствам абстрактной реконструкции мы знаем следующее: «Общественные здания светского назначения, подобно домам родовой общины или вождя, были крупномасштабным отображением местной архитектуры». Доктор Вайян развивает эту тему: «Множество комнат для слуг и наложниц, плавательный бассейн и зверинец, которые входили в комплекс дворца Монтекумы, не изменили структуру или базовую план-схему прямоугольных комнат, расположенных вокруг внутреннего двора» – каким и был дом простого индейца.

Большая часть архитектурных сооружений ацтеков была сосредоточена в ближайших окрестностях по берегам озер, они были рассеяны вокруг Теночтитлана, как его спутники. Все они исчезли. Тем не менее благодаря археологии в описательной литературе было найдено достаточно информации, чтобы предпринять попытку реконструкции города.

Похоже на то, что из всех древних культур Америки Теночтитлан имел наилучшим образом распланированный центр города. Конечно, в нем не было механистического совершенства Куско, столицы инков, но внимание, которое в нем уделялось удобствам всего населения, стремление доставить воду по акведукам, гедонистический подход к жизни, царивший в нем, – что зачастую отсутствовало в аскетическом городе инков, – без сомнения, превосходили все другие города. Единственным городом-государством, с которым можно сравнить Теночтитлан по роскоши жизни, был Чан-Чан, столица империи Чимор, расположенная на пустынном побережье Перу, современница столицы ацтеков.

Стимулом, прежде всего, служила мысль о боге. Религия была главенствующим фактором в жизни ацтеков, и Теночтитлан был «божественным» городом. Он весь по своей сути был проникнут религией; все, что в нем находилось значительного и важного, было в той или иной форме посвящено религии.

Ее символом была пирамида. Огромная храмовая пирамида *теокалли* стояла на площади, окруженной высокой стеной в виде извивающихся змей, откуда и возникло ее название: *коатепантли*. У основания она имела размеры 45,72 на 45,72 м и поднималась вверх приблизительно на 48,77 м, где находилась ее усеченная вершина площадью 70 квадратных футов (6,5 м²). На ней покоились два храма, посвященные двум главным богам. При том, что пирамида в Теночтитлане была гораздо меньше по размеру, чем пирамида Солнца в Теотиауакане или храм Кецалькоатля в Чолуле, она тем не менее была одним из самых больших архитектурных сооружений и производила сильное впечатление. Теокалли возвышалась над

городом, к ней вела главная дорога, и при ясной погоде ее можно было увидеть на расстоянии многих километров.

Рис. 40. Строительство главной храмовой пирамиды (теокалли) ацтеков в Мехико-Теночтитлане. Восстановлено по первым сообщениям испанцев и иллюстрациям

Слово «пирамида», к сожалению, сохранилось за ней. Но пирамиды индейцев не были пирамидами в том смысле, в котором их понимали в Египте, т. е. гигантскими усыпальницами умерших царей, помещенных в их нутро. Американские пирамиды были очень высокими постройками с усеченной вершиной, на которой стояли храмы, обладавшие подлинным величием. «Храм увенчивал эту постройку и стоял на вершине гармоничного ряда поднимающихся вверх граней, рассчитанных на то, чтобы подчеркнуть иллюзию высоты усилением впечатления от механической перспективы». Религиозные, административные и социальные аспекты жизни города были сгруппированы, как уже было показано выше, вокруг этого храма. Этот архитектурный образец повторялся снова и снова по всему городу. Дома имели тенденцию быть похожими на квадраты шахматной доски; в плане они включали в себя прямоугольные комнаты, расположенные вокруг внутреннего двора.

Вода была пригодна для питья благодаря тому, что она текла по керамическим трубам и распределялась по всему городу, попадая в питьевые источники. Небольшие каналы держали открытыми, более крупные постоянно чистили. Инженерные сооружения и дамбы для предотвращения подъема уровня воды в озерах и длинные насыпные дороги для обеспечения доступа в храмовый город с побережья, разъемные мосты и шлюзы — все это было лишь частью плана города.

Канализация была развита гораздо лучше, чем где-либо в Европе до конца XVIII века. Чтобы не загрязнять воду, экскременты собирали и вывозили на каноэ на поля, расположенные по берегам озера, где их использовали в качестве удобрений. Мочу сохраняли, чтобы использовать как протраву при крашении тканей. На протяжении всех насыпных дорог конкистадоры видели общественные уборные.

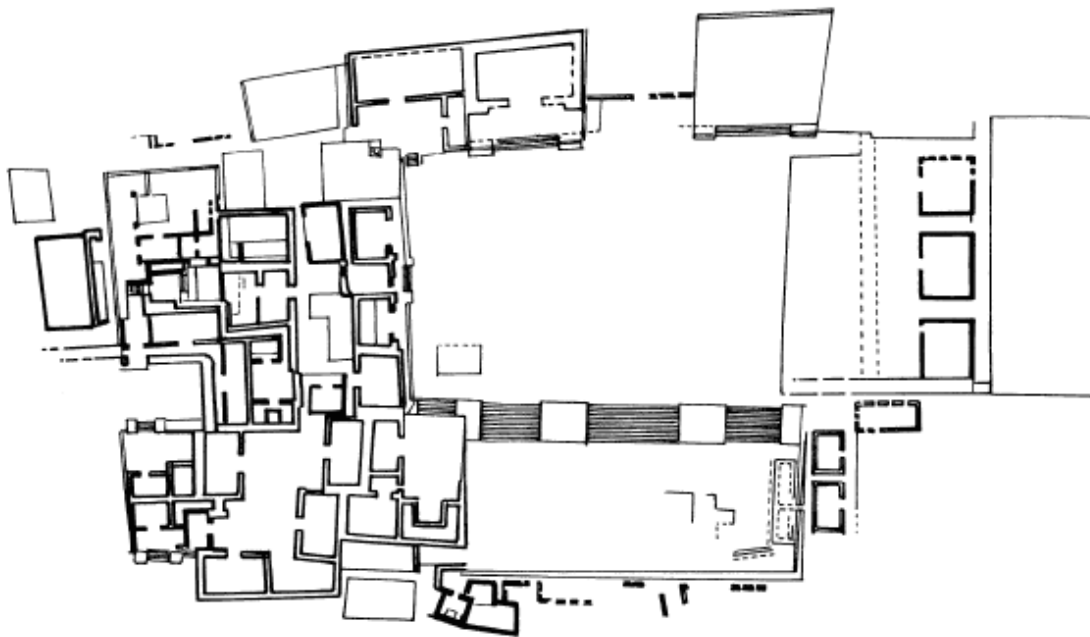

Рис. 41. План первого этажа архитектурного комплекса в Калистлахуаке, расположенного вблизи круглого храма, известного как дом кальмекак. Неправильный прямоугольник имеет в длину 38,1 м и в ширину 26,2 м. Перерисован Пабло Каррерой с рисунка Х.А. Гомеса и опубликован Игнасио Маркиной в *Arquitectura Prehispanica*

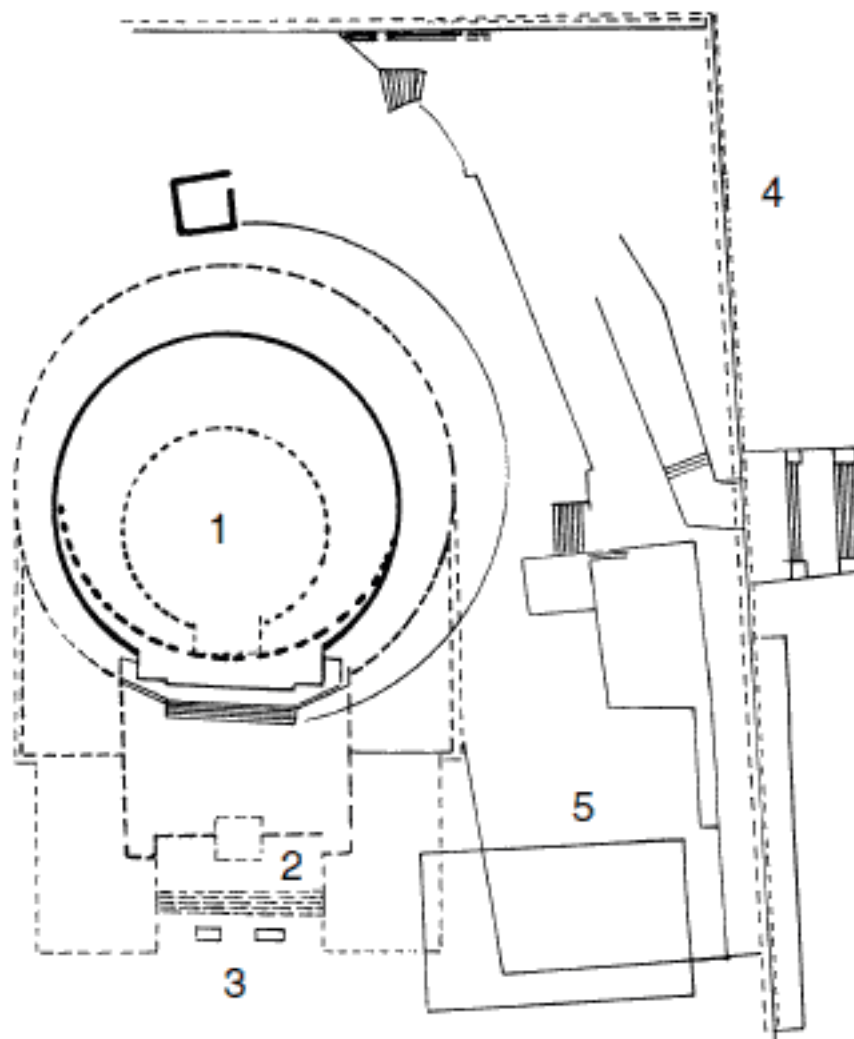

Рис. 42. План круглого храма в Калистлахуаке. Расположен на традиционно ацтекской территории вблизи Толуки, штат Мехико, на высоте 2900 м над уровнем моря на холме под названием Тенисмо. Храм имеет округлую форму (1); к нему ведут ступени пирамиды (2), перед которыми находятся алтари (3). Храм был окружен стеной (4) и другими постройками (5), которые служили для проводившихся в храме обрядов. Раскопки показывают, что храм не раз расширяли. Калистлахуаку не поместили на какое-либо определенное место в череде различных культур, но так как с древних времен здесь находят гончарные изделия, сделанные жителями Теотиуакана (около 500 года), тольтеками (около 1000 года) и ацтеками, то делаются предположения, что история здешней культуры охватывает две тысячи лет. Перерисовано Пабло Каррерой с оригинальных планов доктора Х. Гарсиа Пайона, опубликовано Игнасио Маркиной в *Arquitectura Prehispanica*

Все это дошло до нас из истории; сейчас почти нет осязаемых доказательств всего этого. На берегу озера в Тенайуке, в 10 км к северу от Мехико, сохранились остатки ацтекского храма. Он упоминался во время Конкисты; в 1520 году вокруг него кипели сражения. Обычно информативный Берналь Диас не рассказывает о нем ничего, только дает его название: «город змей». Построенный между 1064 и 1116 годами, Тенайука изначально не был городом ацтеков. Проводя раскопки, мексиканские археологи обнаружили, что на протяжении своей истории его шесть раз расширяли. В последний раз – уже ацтеки, и город несет на

себе эту печать. Тем не менее ацтекские архитекторы не сделали ничего такого, что потревожило бы цепочку змей с раскрытыми клыкастыми пастьми, которая с трех сторон обвивает храм. Все, что оставалось от мирской части города, полностью исчезло.

В Тепостлане, деревне к северо-востоку от Куэрнаваки, есть небольшой храм, который стоит на холме, возвышающемся над ней. Эта небольшая постройка, которая когда-то была украшена скульптурным фасадом, не находилась в городе. И здесь не сохранилось никаких других построек, за исключением этого храма, воздвигнутого Ауицотлем в 1487 году в честь своего вступления во владение царством ацтеков. Храм в Теопанцолько, который также расположен на границе с Куэрнавакой, несколько напоминает храм Тенайуки своим внешним видом и внутренней лестницей. Но больше ничего нет. Здесь нет никаких домов. Все, что здесь есть, — это безгласный символ власти воинственной религии. Не хватает неотъемлемой части человеческой жизни: города, устройства жилого дома.

Калистлахуака, расположенный неподалеку от Толуки в штате Мехико внутри традиционных границ ацтекских владений, считается творением рук ацтеков лишь из вежливости. Толука был захвачен ацтеками в 1476 году в годы правления Ашайякатля, а затем разрушен ими в 1502 году. Город такой древний, что кажется, будто у него нет точного года возникновения. Его гончарные изделия говорят о том, что главный храм города был заложен около 500 года. Это самое высоко расположенное поселение древнего человека в Мексике (2900 м над уровнем моря), которое находится в долине, в настоящее время совершенно лишенной деревьев. Город знаменит своим храмом Кецалькоатля, который имел округлую форму, подобно виткам морской раковины, а его двери вели в изолированные внутренние лабиринты; снаружи вела наверх традиционная лестница. Храм строили и перестраивали по мере того, как в этот край вторгались чужие племена, и каждое новое завоевание оставляло на нем свой отпечаток. По всей вероятности, это была одна из первых круглых построек такого вида, воздвигнутых в Мексике. Особый интерес представляют остатки той части города, которая называлась *кальмекак*. В ней находятся жилища, в которых, как предполагают, жили жрецы религиозной школы, прикрепленной к храму. Эти остатки дают представление об основном плане постройки домов и подчеркивают то, что предположил доктор Вайян: самая сложная постройка ацтеков является всего лишь усложненной, крупномасштабной проекцией плана жилого дома.

Рис. 43. Малиналько. Узор с деревянного барабана (тлапан уэтль), на котором изображен вдохновенный танец Ягуара и Орла. Он наводит на мысль о его принадлежности войнам из Орденов Орла и Ягуара. Перерисован Пабло Каррерой с рисунка, сделанного Х.Л. Киросом, опубликован Игнасио Маркиной в *Arqui-tectura Prehispanica*

Малиналько, также находящийся в современном штате Мехико, является единственным местом проживания древних ацтеков, не вызывающим сомнений. Он расположен за пределами ближайших окрестностей Мехико-Теночтитлана. Памятники архитектуры, которые ведут свое начало с 1476 года (период правления Ашайкатля), были построены почти в 100 км от города, вблизи деревни Тенансинго. Это единственный храмовый город, который частично вырублен в скале. Это, разумеется, не Петра, «розово-красный город, почти такой же старый, как мир», вырубленный в Иордании; и он не так огромен, как египетские каменные усыпальницы в Абу-Симбиле (Абу-Симбеле). Но для Америки он настолько необычен, что чуть ли не уникален. Малиналько (от слова *малиналли*, что означает «травы») – это изолированное и, с архитектурной точки зрения, смешанное место поселения древних людей, состоящее из шести больших построек и нескольких построек меньших размеров. Самое большое строение, вырубленное из скального выступа, охраняют сидящие пумы. У его входа расположена лестница из четырнадцати ступеней, вырубленная в скале. Она ведет в храм, вход в который когда-то представлял собой открытую клыкастую пасть змеи. Через него можно попасть в круглую комнату, где на стене, являющейся природной скалой, вырезаны орлы со сложенными крыльями и головы пумы. В другом храме находятся остатки впечатляющей фрески с изображением идущих воинов (типичных ацтеков) со щитами и копьями на изготовку. Доктор Гарсиа Пайон, который осуществил большую часть раскопок, полагает, что Малиналько предназначался для проведения церемоний воинских орденов Орла и Ягуара, двух элитных воинских подразделений. Украшенный замечательной резьбой деревянный барабан, найденный в том же самом Малиналько, подтверждает эту теорию; его выразительным кольцом опоясывают танцующие ягуары и марширующие орлы, символы культа войны.

На этом заканчивается печальный перечень всего того, что известно о руинах ацтеков, о местах, которые еще во времена Берналя Диаса были разрушены до основания, потому что он писал: «Все те чудеса, что я тогда видел, сейчас разрушены, исчезли, ничего не осталось в целости».

Это также показывает, как абсолютно некорректен термин «империя ацтеков». У них не было, как у инков или майя, однородной империи, племени и государства; они обладали властью на завоеванных землях, но те не были их собственностью. Держащаяся только на военной силе, ацтекская империя не была едина ни в политическом, ни в архитектурном смысле. Например, число построек инков на территории их протянувшейся на 4 тысячи километров империи не поддается счету, так их много. А количество храмовых городов в старой и новой империи майя уже перевалило за сотню; каждый год в джунглях обнаруживают все новые и новые. В отличие от этих народов у ацтеков не было политической методики ассимиляции покоренного населения, включения его в свою систему и навязывания им образцов своей архитектуры. Империя ацтеков по своей сути была государством, собирающим дань. По этой причине, чтобы понять что-то в ацтекской архитектуре, центр которой находился в долине Анауак и которая была разрушена испанскими завоевателями, мы должны обратиться к тем, от кого ацтеки что-то заимствовали и приспособили для себя.

Теотиуакан, храмовый город тольтеков, своими размерами подавляет все остальное в Мексике и Центральной Америке. Он был уже разрушен и не имел названия, когда ацтеки узнали о нем. Его пирамида Солнца высотой 63 м и периметром основания в 1000 м не имеет себе равных. Все впоследствии возведенные пирамиды, включая огромную *теокалли* в Мехико-Теночтитлане, стилистически повторяли ее. Остатки Теотиуакана, этого огромного церемониального города и центра, который занимает площадь 750 гектаров (мексиканские археологи первыми признали, что они нашли лишь часть целого), относят к 200 году до н. э. Он продолжал существовать до 900 года н. э. (Теотиуакан существовал как храмовый город с начала I в. до конца VII в. – *Ред.*) На протяжении этого огромного промежутка времени были возведены гигантская пирамида Солнца и пирамида его небесного спутника Луны, которые возвышались над длинными улицами, вдоль которых располагались постройки религиозного назначения, являвшиеся частью Теотиуакана.

Тольтеки, известные архитекторы и ремесленники, умели обращаться с материалом. Их постройки впечатляют. Их украшения, особенно украшения широко известного храма Кецалькоатля с его огромными головами пернатых змеев, являющихся доминирующим мотивом, внушают благоговейный трепет своей грандиозностью. На фресках, обнаруженных в храме сельского хозяйства, изображены все культивируемые растения, что означает: все они выращивались за тысячу лет до появления ацтеков. 260-дневный календарь, огромные, ежемесячно проводимые ярмарки, письменность, даже знакомый ацтекский завиток, обозначающий речь, когда язык говорящего высунут вперед, – все это уже было усовершенствовано задолго до 500 г. Все это было старыми элементами культуры, взятыми целиком или унаследованными ацтеками.

Храмовые города, разумеется, не чисто американское явление, как объясняет В. Гордон Чайльд в своем анализе похожих политических систем на Ближнем Востоке. Храмовые города точно так же функционировали в междуречье Тигра и Евфрата, в долине Нила и бассейне Инда около 3000 лет до н. э. Они были логическим итогом прогресса методов ведения сельского хозяйства, когда вместе со сбором излишков сельскохозяйственной продукции и с усовершенствованием методов хранения продуктов питания предметы роскоши превратились в насущную необходимость. Так как этот тип цивилизации зависел от милости богов, то результатом стало появление храмового города.

Еще в 3000 году до н. э. (около 3500 до н. э. – *Ред.*) в стране Шумер (Месопотамия) храмовый город стал хранилищем излишков продукции, и эти излишки вызвали появле-

ние нового класса людей, которого не существовало, когда общество находилось на ступени охоты и рыболовства или на стадии зарождения сельского хозяйства. Короче, появился класс людей, не занимающихся обработкой земли, специалисты: ремесленники, писатели, жрецы.

Тула (Толлан), которая была таким храмовым городом и находилась в 100 километрах к северу от Мехико-Теночтитлана, также имеет тольтекские корни и производит сильное впечатление даже своими руинами. Это измененный Теотиуакан. Пока мексиканские археологи не раскопали Тулу, нельзя было определить точное место этого города в истории. В настоящее время совершенно очевидно, что это была модель города майя Чичен-Ица, расположенного в 1100 км восточнее (по прямой) – на Юкатане. Тула создала новые композиционные идеи и новые представления о богах. Наибольший интерес представляет центральный храм, так как две змеи с открытыми пастьми высотой около 4,5 м, служившие храму кариатидами, являются копией змей на точно такой же постройке на Юкатане. Фриз из шагающих ягуаров и орлов повторяется и в Чичен-Ице (тот же самый мотив использовали ацтеки в Малиналько); резные квадратные колонны в виде воинов повторяются в храме Воинов на Юкатане; а пустой невыразительный взгляд ужасной статуи Чак-Моола (приподнявшаяся из положения лежа каменная фигура, держащая блюдо для только что вырванных человеческих сердец) также повторяется у ацтеков и майя. Родиной всех этих характерных черт была Тула.

Кецалькоатль, герой культуры всей этой страны, тесно ассоциируется с Тулой. Он родился в год, который стал для Мексики самым важным, год Се-Акатль, или 1-Тростник. В годы его правления случилась религиозная война, нечто вроде Тридцатилетней войны (1618–1648) в Европе. Город был разрушен, и Кецалькоатль уехал в Чолулу, направляясь на побережье, на свою «старую родину Тлапалан». С его отъездом померкла слава Тулы. Гражданская война со сменой «царей» обострилась, и город был окончательно разрушен в 1156 году (Тула была покинута в 1104 году, после страшных эпидемии и голода. – *Ред.*) и исчез, оставив о себе манящий миф, пока мексиканский археолог доктор Хименес Морено не начал в 1941 году расчищать его от вековых обломков.

Чолула, город-государство миштеков, известный также под названием Пуэбла (Пуэбла – крупный город, рядом с которым находится Чолула. – *Ред.*), была следующей культурой, в которой ощущается присутствие Кецалькоатля. Вынужденный покинуть Тулу, он вместе с большим отрядом тольтекских воинов отправился в Чолулу. Там он остался и прославился как строитель площадок для игры в мяч и огромной пирамиды, которая стала носить его имя. Она была такой большой, что люди называли ее *Тлачи-уаль-тепетль* («сделанная человеком гора»). Эта пирамида, снесенная испанцами для того, чтобы получить строительный материал для многочисленных церквей Пуэблы, была измерена самим Александром фон Гумбольдтом в 1804 году. Он обнаружил, что она была высотой 57 м, а ее основание занимало площадь почти 17,8 гектара. Был сделан вывод, что ее масса была больше египетской пирамиды Хеопса (высота 146,5 м и занимаемая площадь 5,2 гектара. – *Ред.*). Ее усеченная вершина, набросок которой сделал германский ученый, имела площадь почти один акр.

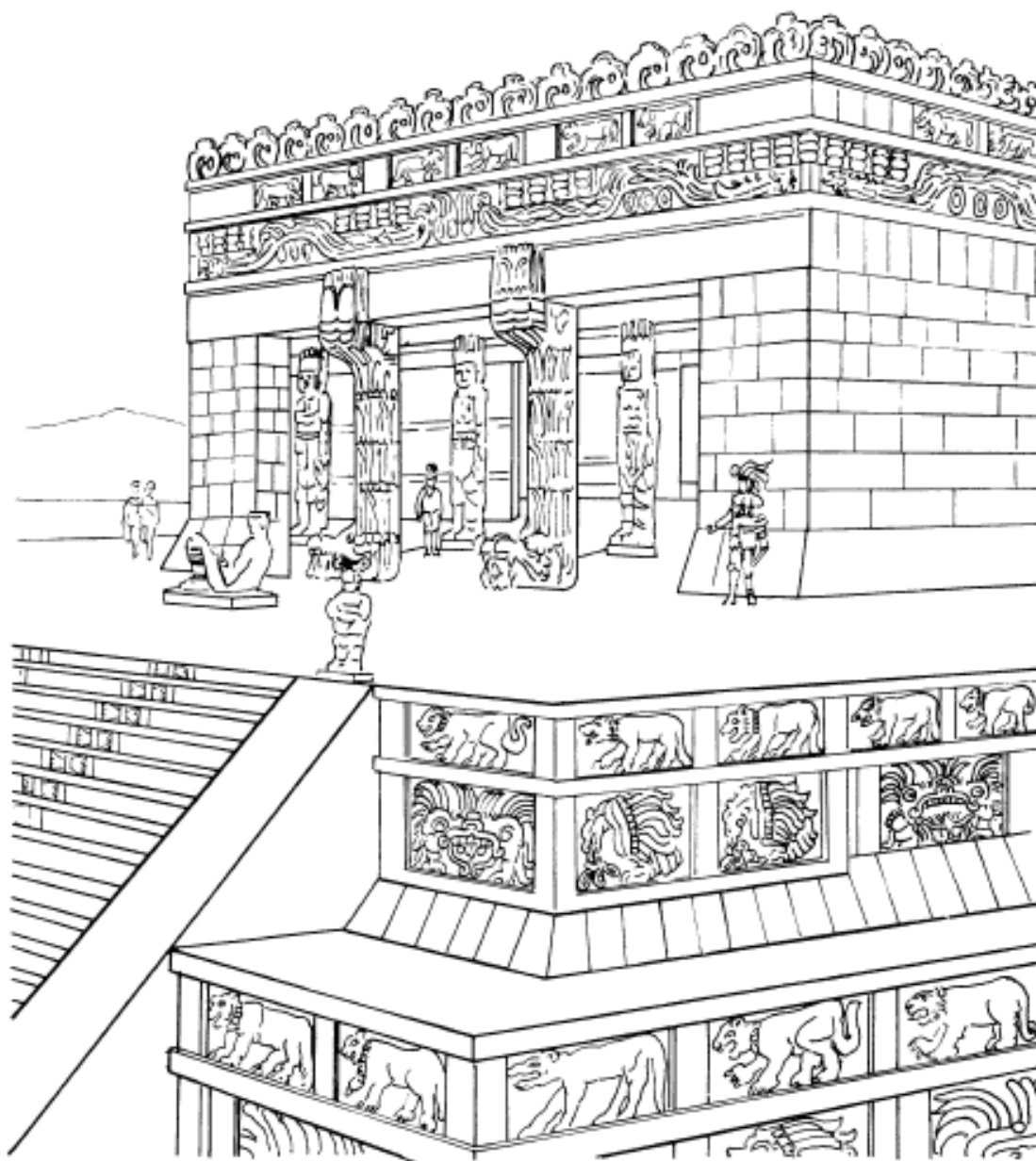

Рис. 44.. Храм на вершине пирамиды легендарной Тулы, или Толлана (900—1156) (по другим данным, с 700—720 по 1104 или около 1175. – *Ред.*) в 100 км к северу от Мехико в современном штате Идальго. Тула, относящаяся ко второму периоду истории тольтекской империи, была храмовым городом. На рисунке представлена реконструкция главного здания, которое располагалось на вершине усеченной пирамиды. Перерисовано Пабло Карре-рой с акварели Игнасио Маркины в *Arquitectura Prehispanica*

Храм, стоявший на вершине пирамиды, был посвящен богу воздуха, который был не кем иным, как Кецалькоатлем. Миштеки, у которых было очень развито архитектурное планирование, гончарное искусство и знаковое письмо, существовали как племенная организация с 668 до 1467 года, когда на их территорию вторглись ацтеки. Их земли простирались вдоль Тихоокеанского побережья. Когда в 1519 году там появились испанцы, миштеки уже находились под властью ацтеков. «У Монтесумы, – писал Берналь Диас, – было много воинских гарнизонов во всех провинциях»; ацтекские воины находились как в столице миштеков Чолуле, так и за ее пределами. «Город Чолула, – пишет Кортес, – расположен на равнине;

внутри его городских стен находится около двадцати тысяч домов и столько же снаружи, в его окрестностях... Земля в городе очень плодородная (нет и пяди земли, которая не была бы возделана)... Земли здесь избыток... Что касается города, то он так же красив, как и любой город в Испании... Я... насчитал более четырехсот пирамид». Отчет Берналя Диаса выдержан в том же ключе: «...на этой земле хорошо родится кукуруза... здесь полно агав, из которых они делают свое вино. Они делают очень хорошую глиняную посуду и снабжают ею Мехико и все соседние провинции... В городе было много высоких башен, на которых стояли идолы, а особенно огромной была большая башня [храм Кецалькоатля], которая поднималась выше храма в Мехико...»

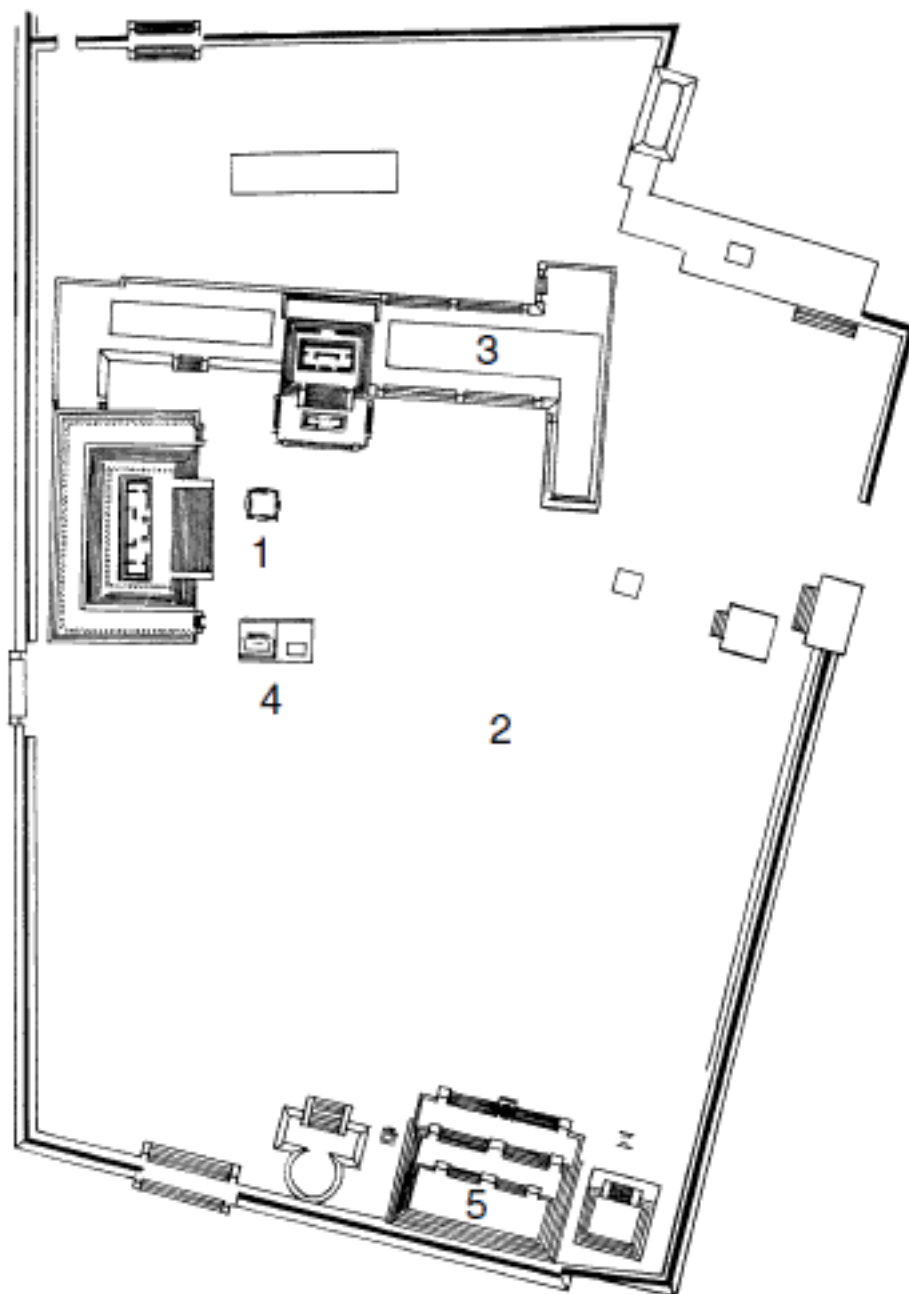

Рис. 45. План обнесенного стеной церемониального центра Семпоала, Веракрус, построенного тотонаками и захваченного испанцами, когда они начали в 1519 году свой завоевательный поход.

Это церемониальный центр, но в этом храмовом городе имелось население в количестве 30 тысяч человек, живших в его окрестностях. Главная площадь занимала 210 м². Главный храм (1) видел Берналь Диас дель Кастильо (и посвятил ему свои комментарии). Главная площадь (2) была обнесена стеной, что было необычным архитектурным приемом. Храм Дымовых Труб (3), прямоугольное здание, примыкающее к главному храму, занимали жрецы и вожди; небольшое здание (4), названное «Алтарем», и огромная пирамида (5) были исследованы в 1946–1947 годах

И хотя на ацтеков, несомненно, оказало сильное влияние архитектурное планирование миштеков, не сохранились никакие его элементы; как и все остальное, они полностью исчезли в ходе завоевания. Находясь в Чолуле, тольтеки, которые к этому времени стали чем-то вроде наемников-предводителей военных отрядов, вступили в контакт с вождями Майя-пана (Маапана) в известном центре торговли Шикаланго на западной границе территории майя. В северной части Юкатана недалеко от Чичен-Ицы шла гражданская война. Тольтеки вступили на эту территорию в 1194 году, как пишет большой специалист по майя доктор Морли, и, одержав победу над майя, добились власти над ними. По крайней мере, в храмовом городе Чичен-Ица они ввели свои архитектурные формы, которые перенесли сюда из Тулы. Был ли Кецалькоатль человеком, который возглавил это вторжение в страну майя, или этот человек просто взял имя своего предка, но это имя снова было дано еще одному храмовому городу. Миф это или факт, но Кецалькоатлю суждено было навлечь гибель на ацтеков.

Ацтеки, совершая завоевания, искали что-то новое в образе жизни и новые формы роскоши. И то и другое они нашли в жарких странах на побережье Мексиканского залива. С 1486 по 1502 год Ауицотль продвинул свои завоевания до севера Веракруса, где он столкнулся с уастеками (хуастеками), говорившими на языке майя. И ацтеки поглотили одну из древнейших культур, которая зародилась приблизительно в 500 году до н. э. Ауицотль обнаружил, что у уастеков хорошо развито городское планирование.

Храмовый город *Тамуин*, расположенный у реки с таким же названием в современном штате Тамаулипас, особенно примечателен, так как его главная площадь занимала около двадцати акров (8 гектаров), а стены его храма, как оказалось, были покрыты яркими фресками в стиле, напоминающем тольтекский. Тотонаки были соседями уастеков (хаустеков). Они занимали центральную часть Веракруса и сохраняли свою власть над прибрежными территориями по соседству с майя. Тотонаков так же, как и других, завоевали ацтеки, и они стали платить ацтекам дань. Тотонаки также оказали влияние на своих завоевателей в области архитектуры. Более того, многие из их храмовых городов сохранились до наших дней, несмотря на посягательства джунглей.

Один из таких городов, *Семпоала*, является совершенно уникальным. У нас есть хорошее описание того, каким он предстал перед испанцами в 1519 году, чтобы сравнить его с тем, что появилось в результате его восстановления в наши дни.

В 1519 году испанцы следовали вдоль побережья по древней дороге в Семпоалу. Они прошли, по словам Кортеса, мимо «нескольких больших городов, очень хорошо спланированных... В тех краях, где можно достать камень, стены домов сложены из грубого камня, скрепленного строительным раствором; комнаты в домах небольшие и с низкими потолками, во многом напоминающие мавританский стиль... Там, где нельзя добыть камень, они строят себе дома из обожженных кирпичей, покрывают их штукатуркой, а крышу кроют тростником... Некоторые дома, принадлежащие вождям, весьма просторны, и в них большое количество комнат... Мы видели целых пять внутренних галерей или двориков в одном доме, а комнаты в нем очень удачно расположены вокруг них. У каждого вождя перед входом в дом есть большой двор, а у некоторых – два, три или четыре, которые иногда значительно

подняты над землей, и в них можно попасть, поднявшись по ступеням, построенным очень добротно. К тому же у них есть их храмы... все очень значительных размеров».

Семпоала располагалась в 30 км к северо-западу от современного порта Веракрус. Когда испанцы подошли к городу и увидели побеленные дома, поднимающиеся из зеленых джунглей, ярко раскрашенные варварами, они «были потрясены и восхищены», писал Берналь Диас. «Он [город] был похож на сад с роскошной растительностью, а улицы были полны мужчин и женщин, которые пришли посмотреть на нас... Наши разведчики... достигли огромной площади с дворами... и оказалось, что она побелена и блестит... Один из наших разведчиков подумал, что эта белая поверхность, которая так ярко сияет, вероятно, серебро...»

По оценке Кортеса, в стране тотонаков «было пятьдесят тысяч воинов, пятьдесят деревень и крепостей». Индейцы были «среднего роста и уродовали свои лица всевозможными способами: одни протыкали себе уши, вдевая в отверстия большие и чрезвычайно безобразные украшения... другие протыкали себе нижнюю часть носа и верхнюю губу... В качестве одежды они носят разноцветные пончо, мужчины носят набедренные повязки... и плащи тонкой работы с красивыми узорами... Простолюдинки носят разноцветные одеяния от талии до пят... но женщины знатного происхождения надевают просторные блузы из тонкого хлопка, скроенные и покрытые вышивкой на манер одеяний наших епископов и аббатов».

Археология подтвердила все, что сказали о Семпоале Кортес и его подчиненные. В самом храмовом городе и окрестных домах проживало население численностью около 30 тысяч человек. Обнесенная стеной площадь, которую измерили и в некоторых местах восстановили мексиканские археологи, занимала территорию 21 гектар. Исследования раскрыли ее общий вид: она была из камня, и ее украшали уходящие ввысь храмы. Их было пятнадцать, больших и маленьких – на территории площади, которая была церемониальным центром, окруженным одноэтажными домами, раскрашенными в веселые цвета, с камышовыми крышами. Доктор Гарсиа Пайон, руководивший раскопками, нашел восемь больших групп таких построек.

Рядом располагался ацтекский гарнизон. Сюда часто наезжали купцы (почтека), а каждые полгода прибывали сборщики податей, чтобы собрать дань. Когда здесь появился Кортес, там их оказалось пятеро; они были «самоуверенны и заносчивы», как пишет Берналь Диас. «Их плащи и набедренные повязки были украшены богатой вышивкой, а их блестящие волосы были подобраны так, как будто были прикреплены к голове...» Таким образом, ацтеки получили доступ к такому типу планирования города и, без сомнения, использовали его. Было установлено, что Семпоала была построена одновременно с ацтекскими городами Малиналько и Тепостланом.

К северу от этого города находятся остатки других городов тотонаков. Один из них под названием *Тахин* (Эль-Тахин) находится в 190 км к северо-западу (по прямой) от Веракруса и в 35 км от побережья; это храмовый город, известный с 1785 года. С тех времен он знаменит своей пирамидой ниш. На этой пирамиде имеются 364 ниши, по одной на каждый день «длинного» года, что является необычной архитектурной особенностью (автор напутал. На одной стороне семиэтажной пирамиды (имевшей сотни ниш) была построена лестница, имеющая 364 ступеньки, а 365-й день года олицетворяла площадка наверху, где совершались человеческие жертвоприношения. – *Ред.*), которая каким-то образом устояла под разрушающим воздействием времени и человека. Мексиканские археологи нашли огромный храмовый город, окружающий эту пирамиду, в котором было по крайней мере пятнадцать больших сооружений и очень много построек меньших размеров. Вот все составляющие, из которых складывался город: пирамида, площадка для игры в мяч, ряды стандартных домов вдоль улиц, дворцы. Площадки для игры в мяч украшают барельефы, стиль изображения фигур

на которых напоминает миштецкий. Сюда входят все знакомые мотивы, использованные позднее ацтеками. На одной из каменных опор храма Колонн найдена дата: год 13-Кролик. Одним из излюбленных скульптурных изображений, используемых для украшения зданий, является *шикаль-колиуки* – «украшение для тыкв», самый типичный мотив для искусства Мексики, прообразом которого послужила стилизованная голова небесного змея, символа Кецалькоатля.

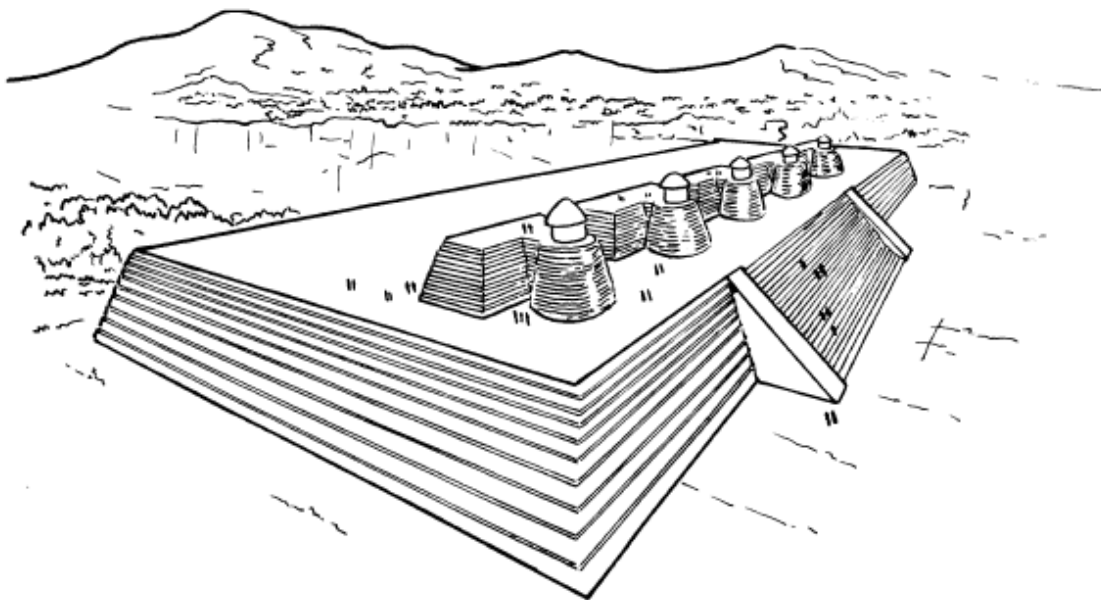

Рис. 46. План развалин Цинцунцана (город Колибри). Перерисован Пабло Каррерой у Х.А. Гомеса, опубликован Игнасио Маркиной в *Arquitectura Prehispanica*

В южной части Мексиканского нагорья есть и другие культурные центры, которые оказали влияние на архитектуру ацтеков. Один такой центр, который стал известен раньше других, и тем не менее о нем известно меньше всех, это *Шочикалько*, «город цветов», расположенный в 30 км к югу от Куэрнаваки.

Этот город занимает сильно укрепленную позицию: он расположен на самых высоких холмах и смотрит на два пресноводных озера, находящиеся от него в двух милях. Холмы были искусственно выровнены и террасированы, а на случай обороны построены опорные пункты. Четыре дороги расходятся по четырем сторонам света и выходят мимо впечатляющих зданий на главную площадь, где стоит знаменитый храм Кецалькоатля. Мощная дорога для церемониальных шествий шириной около 20 м ведет к другому храму.

Шочикалько (настоящее название этого города неизвестно) был церемониальным и, вдобавок, вероятно, административным центром. Здесь есть все уже знакомые постройки: дворцы, храмы, площадка для игры в мяч и – когда, наконец, раскопки будут доведены до конца, – комплекс жилых домов в пределах этого храмового города. Здесь был раскопан знаменитый храм Пернатого Змея, обладающий одним из самых красивых фасадов во всей Мексике. Манера изображения фигур наводила бы на мысль о майя, если бы не огненные змеи, которые являются символом миштеков. Символы и даты кажутся миштецкими, а другие особенности заставляют вспомнить тольтеков.

Город *Цинцунцан* (город Колибри), расположенный в современном штате Мичоакан (на берегу озера Пацкуаро. – *Ред.*), представляет собой сравнительную редкость. Об этом городе стало подробно известно только с 1941 года, когда мексиканские археологи обнаружили его развалины вблизи современной деревни Сан-Пабло. Развалины, сильно пострадав-

шие от времени и рук человека, были восстановлены. Возвышение, которое имело название *яката* и к которому подступала уже знакомая нам ступенчатая пирамида, имело на своей вершине скопление других пирамидальных башен. Время его постройки еще не определено, но Цинцунцан древний город. Его керамика – показатель древности – указывает на период времени между 500 и 800 годами.

Монте-Альбан лежит к юго-востоку от этого города в штате Оахака и отделен от Мексиканского нагорья горной цепью, достаточно труднодоступной, чтобы сдерживать вторжение ацтеков до 1469 года. Представляющий собой смесь культур ольмеков, майя, сапотеков, миштеков и ацтеков, Монте-Альбан был, наверное, одним из долгожителей среди населенных храмовых городов, известных нам (500—1469). Расположенный на вершинах холмов, лишенных растительности, на высоте 450 м над долиной и около 1500 м над уровнем моря, этот населенный пункт подвергался многократным трансформациям. Когда крупный мексиканский археолог доктор Альфонсо Касо в 1930 году впервые приступил к раскопкам в нем и в конце концов завершил основную часть своей работы, он обнаружил, что это был храмовый город, стоявший на большой прямоугольной площади 700 на 250 м, на которой располагаются десять больших построек: обсерватория, площадка для игры в мяч, дворцы, а в центре – храмовый комплекс с четырьмя лестницами.

Явно выражены пять периодов оккупации: искусство ольмеков украшает древние постройки, и это связывает Монте-Альбан с культурами побережья. Затем последовал период влияния майя, пока сапотеки не установили здесь свою власть. Этот период был самым длинным: с 534 до 1125 года. Четвертый период был периодом правления миштеков, которые принесли свое новое искусство, новых богов, свой вариант календаря, усыпальницы, настенную живопись, погребальные урны. Именно они были теми мастерами, которые изготовили великолепные изделия из золота, обнаруженные доктором Касо в одной из закрытых могил.

Когда сюда приезжал Олдос Хаксли, он нашел это место «несравненно прекрасным... Поразительное местоположение... Сапотекских архитекторов не смущала художественная ответственность, которую оно возлагало на них. Они снесли вершину холма, заложили две огромные прямоугольные площадки... Немногие архитекторы обладали таким пониманием строгого и волнующего великолепия... немногим была дана такая свобода, религиозным соображениям не позволялось вмешиваться в реализацию грандиозного архитектурного проекта. В Монте-Альбане они не позволяли ничему вставать на пути архитекторов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.